

Комбат Найтов

РЕТРОГРАД

Ретроград

Ретроград-2

Ретроград-3

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Комбат Найтов

**Ретроград: Ретроград.
Ретроград-2. Ретроград-3**

«Издательство АСТ»

2018, 2020, 2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Ретроград: Ретроград. Ретроград-2. Ретроград-3 / К. Найтов — «Издательство АСТ», 2018, 2020, 2021 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146902-3

Нынче модно говорить, что Великую Отечественную войну выиграл русский солдат, вопреки всему и всем, в первую очередь, вопреки «большевикам», НКВД и руководству, которые «позорно проиграли приграничные сражения». Некоторые идут дальше в своем стремлении переписать историю под себя. Забывая о том, кто реально выиграл эту войну, кто дал РККА 105 251 танк, 482 тысячи орудий, 347 900 минометов, полтора миллиона пулеметов и 157 261 самолет, кто смог эвакуировать на Восток и развернуть на новом месте производство новой техники. Сделали это советские инженеры и рабочие, часто под открытым небом начиная производить необходимую фронтную продукцию. Возможно, что поначалу эта техника и уступала лучшим немецким, английским и американским образцам. У правительства нашей страны было всего три «пятилетки», чтобы подготовить страну к великой войне. План индустриализации всей страны начал осуществляться 1928-м году. В декабре 1939 мы вступили во Вторую мировую войну. А войны выигрывает экономика. Герой этой книги – авиаинженер, главный конструктор СибНИИА, филиала ЦАГИ, один из тех людей, кто в современных условиях восстанавливает самолеты времен Отечественной войны. Купленный им раритетный ЗиС-101 перенес его в предвоенный сороковой год.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146902-3

© Найтов К., 2018, 2020, 2021

© Издательство АСТ, 2018, 2020, 2021

Содержание

Ретроград	7
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Комбат Найтов

Ретроград. Ретроград-2. Ретроград-3

© Комбат Найтов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Ретроград

Насколько я теперь понимаю, история эта началась еще в 2013-м году, и вовсе даже не в Москве, а в Сухуме, куда я ринулся отдыхать после того, как удачненько пристроил первые три переделки Ан-2МС в МЧС Приморского края. В тот год по всей Сибири и Дальнему Востоку бушевали пожары, работы у пожарных было с избытком, плюс пошел распил выделенного бюджета на борьбу со стихийным бедствием. По специальности я – авиаинженер-конструктор, заканчивал МАИ, мечтал заниматься ПАК ФА, и пробивал себе дорогу к «Сухому», но судьба-злодейка засунула меня в Новосибирск в СибНИИА, которым некогда руководил Антонов. Приличных тем не было, занимались восстановительным ремонтом весьма потрепанных «Аннушек», выпущенных еще до «сотворения мира». Имеется ввиду мир российского олигархата. Олигархи нас не баловали. Перебивались с хлеба на квас, попутно экспериментирова с маленьким замечательным самолетиком Антонова. То перкаль ему на лавсан заменим, то каландрированный нейлон применим. Любой каприз за ваши деньги! Многие «Аннушки» «по рукам пошли». «Аэрофлот» давно прибрали к рукам «ельцины» с «окуловыми», и выбрасывали из его рядов все, что мешало «рубить бабло». Зеленое, имеется ввиду, «деревяшками» оне не интересовались! Вот и оказались наши «труженики полей» в маленьких «компаниях», организованных на месте бывших авиаотрядов, которые пытались выжить за счет «туристов» и «москвичей». А техника имеет дурную особенность: стареть. Ей ремонт и уход требуется, даже если это неубиваемый «Ан». За счет того, что институт считался головным по самолетам фирмы «Антонов», удалось, на имеющемся оборудовании, организовать ремонт и испытания всей линейки «Анов», правда, в условиях довольно жесткой конкуренции с киевским и винницким заводами. У тех оборудование было более новым. У нас основной парк станков не обновлялся со времен Олега Константиновича. Неподалеку от нас есть еще один конкурент «НАЗ имени Чкалова», который всегда был вотчиной нашего института. На нем родились «Аннушки», но, вначале случилась «перестройка», потом «конверсия», затем «шоковая терапия». Завод раньше выпускал Су-27ИБ, кто не в курсе, эта машина имела индекс Су-32. Сейчас ему сменили название, якобы это совершенно новая машина, полностью российской разработки, и носит она название Су-34. Так вот, их сняли с производства и заставили всех срочно проектировать и выпускать «Ан-38–100». В цехах застыло два полка «гадких утят» в разной степени готовности. Нам сказали, что нам никто не угрожает, и поэтому деньги, выделенные на строительство данных самолетов, мы попилим сами, но вы держитесь! Меня тогда сняли с доводки управления вектором тяги Су-32, и послали в винтомоторную группу «Ан-38–100». В общем, из боевой авиации шуранули в легкомоторную. Правда, впервые тогда съездил за границу. Незадолго до «августовского путча» участвовал в показе «большой “Пчелки”» на авиасалоне в Ле-Бурже, в июне 1991-го. Тогда на нем стояли омские двигатели ТВД-20 и саблевидные шестилопастные винты со сверхзвуковой скоростью вращения законцовок, в разработке которых я принял активное участие.

И завод, и наш институт вложили кучу средств в эти разработки, но за все время выпущено 11 машин. Из них летает один, остальные приютились на аэродроме НАЗа в виде горького упрека. А в 2008-м году поступила срочная команда «немедленно запустить в серию «Су-27ИБ», тот самый «гадкий утенок», коих начали вытаскивать из закоулков и возвращать им летательные возможности. Оказалось, что врагов у нас несколько не уменьшилось, и хороший истребитель-бомбардировщик – ходовой товар! В первую очередь, для собственных ВВС.

Но, меня с детства просто тащило от старинных вещей, поэтому, когда поступило предложение от Чиждова, начальника ЛИС института, возглавить работы по восстановлению «Ан-2» с расчетом на то, что может быть это даст возможность достать деньги на модернизацию его моторного отсека на более современный двигатель примерно той же мощности. Дело в том, что

вообще-то уже существовал «Ан-3» в нескольких модификациях. Он установил кучу авиационных рекордов, а вот экономическая составляющая всех этих переделок была сугубо отрицательная. «Ан-3» оказался очень дорогой машиной, и найти на него покупателей очень сложно.

– Слава, ты же с 1989 года сидишь на этой теме. И два диссера защитил. Можно сказать, собаку съел на винтомоторной группе. Ну, присмотришься ты там, что можно такое сделать, так чтобы дешево и сердито. Лады? Ну, и подзаработаешь малость.

– Ну, я бы с большим удовольствием занялся бы ПАК ФА или «утенком», Виктор Андреевич.

– Я знаю! Но некому больше этим заняться. А у тебя точно получится. У тебя ж руки золотые! Давай!

В общем, покрылись мои руки не золотом, а грязью и маслом. Более 800 «Ирок» (АШ-62ИР) ими перебрано прежде, чем отдел заработал «баксы» для приобретения сборочной лицензии для Honeywell TPE-331-12 мощностью 1100 лошадок при весе в 240 килограммов. В 2011-м выполнили первый полет на модернизированном самолете. Мой шестилопастной винт, естественно, забраковали, хотя первые машины летали на нем. Но был отказ: самолет выкатился якутской зимой за пределы аэродрома, не сработал реверс двигателя из-за обрыва тяги. Это еще на «Ан-38-100».

– Потребитель требует импортные винты! Даже если они дороже! Пойми, глупая твоя голова, мы таким образом снимаем с себя всякую ответственность за вероятные аварии! Виноват производитель, всегда! – сказал начальник института Барсук, и уже настроенную линию по производству винтов закрыли. В 2013-м, как я уже говорил, машины, наконец, купили. Я получил приличную премию, и оказался на берегах Колхиды.

Я – не Язон, искать золотое руно я не собирался. Наоборот, пытался сэкономить на отдыхе и хорошенько отдохнуть. С супругой у нас, как бы это сказать, в общем, раздельное проживание. Она – москвичка, и Сибирь ей не нравится, особенно по зарплате. Поэтому еще в середине 90-х она перебралась в Москву ухаживать за мамой, да так там и осталась. Нам тогда платили от случая к случаю, но и в Москве работы по специальности было не найти. Искали, оба, но... Мы, правда, не разводились и иногда встречаемся, и проводим некоторое время вместе. Впрочем, не слишком часто. Абхазия в крутом упадке после войны, но пляжи в Пицунде никуда не делись. Я с интересом мотался по непризнанной республике, пока однажды случайно не разговорился с каким-то дедом в Акваре у старого ипподрома. Речь зашла о том, что раньше и деревья были выше, и небеса чище. И Абхазия была цветущим садом. Дед несколько раз ходил куда-то за новым кувшином вина. Я особо не беспокоился, с собой была не слишком большая сумма, поэтому можно было и немного расслабиться, не опасаясь неприятностей со стороны местных. В конце концов дед пригласил меня посмотреть на раритет. Через три небольших окошка с некоторым трудом пробивался свет. В гараже стоял «ЗиС». Весь запыленный лимузин с запасными колесами сразу за крыльями. Я такой только на старинных фотографиях видел. Меня проняло! Такая глушь и такие вещи!

Дедок, правда, оказался несговорчивым. Я потратил две недели на разговоры с ним, расчистил выезд для машины, заваленный всяким хламом за почти 75 лет, когда эта машина еще ездила, но смог уговорить его найти документы и продать мне этот раритет. Заодно пришлось ему крышу в доме перестелить. Отмечали приобретение чуть ли не всем кварталом. Молодых никого не было, одни старики и несколько старух, которых за стол не пускали.

Стартер не работал, с помощью огромного «ключа кривого зажигания» раскрутили двигатель. Машина проскрипела на подъеме, слегка чиркнула днищем о мостик, и выехала на дорогу Сенеки-Гагры. Здесь еще в ходу «транзитные номера». Пришлось «дать на лапу» местным «гайцам», которые снабдили меня нормальными номерами и договором купли-продажи.

В Адлере пришлось опять платить, сначала таможенникам, потом «гайцам», а затем удалось загнать машину на эстакаду. Масло в мост, литол в подшипники, двое суток набивал

через шприц многочисленные узлы смазки, снял и промыл бензобак, с удивлением обнаружил, что тормоза чисто механические, правда, с вакуумным усилителем. Понял, что даже до Москвы я не доберусь. Пришлось договариваться с траком, загонять машину к нему в кузов, и сгружать ее у гаража тестя в Щелково. Особо договориться с тестем не получилось, поэтому, после небольшого отдыха, договорился об аренде 20-тифутового «драй-куб» контейнера, засунул туда машину, закрепил и отправил сокровище в Новосиб. Видимо окончательно поругавшись с тестем.

Пока лимузин добирался до Новосиба, я перерыл все справочники, через библиотеку Ленинку добыл чертежи основных частей машины, благо, что доктору наук не отказывают. И занялся конструированием «драгара». Старенький и битый «мерс» E 320 CDI (очкарик) с насмерть ржавым кузовом был взят основным донором. Удалось максимально сбить цену, да еще и продать часть его салона. У него был дизель R6, OM-613 DE 32 LA, 613.961, 3.2 литра объемом и с расходом меньше 8 литров на 100 км. Главное – дизель был рядным, ведь этот «чертов «ЗиС» имел рядный 8-мицилиндровый карбюраторный бензиновый двигатель и узкий моторный отсек. Удалось найти и раскрутить все точки крепления корпуса к раме и снять его, освободив место для работы по замене узлов и механизмов. Пришлось много варить металла, создавая точки крепления, аналогичные мерседесовским. «Мерседес» был чуточку уже «псевдо-Бьюика», на 60 миллиметров и значительно короче. Пришлось заказать измененные диски, избавившие машину от несоразмерности, и ставить промежуточный кардан. Наконец, через полгода, работы были закончены, и я принял участие в параде ретромобилей в Новосибирске. Несмотря на мороз, у барахолки на Гусинобродском шоссе собралось около 500 старых автомобилей, которые в 11 часов двинулись в сторону площади Ленина. Оттуда вернулись к Северному аэропорту, и там провели парад, и небольшие гонки. Каким-то образом эта информация просочилась в Москву, и я с удивлением прочел на e-mail приглашение посетить выставку ретро-автомобилей в Москве летом 14-го года. Тут еще меня в должности повысили на старости лет, началась «русская весна», наши забрали обратно Крым у распоясавшейся Украины. Армия заинтересовалась самолетом, выросли продажи и портфель заказов. Казалось, что вот оно: счастье, и я ухватил его за хвост. Получили предложение пройти испытания в НИИ ВВС и принять участие на МАКСе-2015. Заводчане возвращали в 566-й полк ВТА самолет, задействованный для доставки «утят» в Комсомольск-на-Амуре. Обратным рейсом он привез серийные компоненты будущих машин, кое-какую документацию и залежавшиеся в Комсомольске двигатели. Поэтому в «Руслан» загнали три борта «Аннушек» и «ЗиС» «главного конструктора». Предстояла довольно длительная командировка в Москву, где нужно обеспечить прохождение испытаний и подготовить прессу, провести пиар-компанию нового «старого» самолета. Владимир Барсук уже подключил к делу даже Премьер-министра России. К сожалению, на Олимпиаду в Сочи машины не полетели. В последний момент у Барсука что-то сорвалось. Доплачивать за фрахт пришлось самую малость, предварительно созвонился с Катериной и договорился, что буду использовать, ставший ее собственностью, гараж в Щелково. Тесть к этому времени отошел в мир иной.

Поселился в Щелково в бывшей квартире родичей супруги, под честное слово провести ремонт всего электрооборудования в квартире, которое искрило, дымило и постоянно отключалось по перегрузу в сети. Тесть, вечная ему память, после смерти супруги, забросил это хозяйство напрочь. Сам же я целыми сутками напролет пропадал в Чкаловском, где три машины гоняли на предельных режимах, садились на неподготовленные площадки и изучали возможность загнать машину в штопор. Сам я немного легчик: учился и летал в ДОСААФ на «Як-18а», «Як-50п», «Як-52» и «Су-26». Ну, и «Ан-2» мимо меня тоже не пробежал. Когда денег было кот наплакал, то приходилось проводить его испытания после ремонта. Несколько раз слетал с вояками на нашем «долгоносике» «праваком». Это, конечно, нечто! Совсем головы у пилотов нет! Впрочем, все точно по заданию, так что не придерешься.

И вот, в один из пасмурных и дождливых сентябрьских дней «Москва-24» передает о падении самолета «Ан-2» в Щелковском районе, и раздается звонок на мобилу. Наш «МС» споткнулся о незамеченную проволоку в районе приземления на неподготовленную площадку. Сломан вал двигателя, отрыв нижней опоры и винт скручен в бараний рог. Выехал на место происшествия, туда еле пропустили: полиция, вояки, прокуратура. Вопрос утрясли, отзвонился в Институт, попросил прислать новую винтомоторную часть и двигатель. Мы их уже начали собирать в Институте. В начале октября все выслали рейсовым самолетом S7 в Домодедово. Груз прибыл только в понедельник, 13-го октября, в 17 с копейками мне позвонили из аэропорта, сказали: забирайте. А мне вояки уже всю плешь проели с этой заменой. Я отзвонился супруге, с которой постепенно наладились отношения, и мы собирались вечером где-нибудь посидеть в тихом месте. Сообщил, что вынужден ехать в аэропорт за грузом. Постараюсь обернуться по-быстрому. Пока получал и грузил два ящика в машину, начался сильный дождь. Даже громыхало где-то в стороне. Погрузчик поставил ящик с двигателем через заднюю дверь в салон с разложенным сиденьем. Ранее этот лимузин, явно, работал «скорой помощью». Следы от верхней фары и ее привод в машине сохранились, но не сама фара. Винт легкий, и в транспортном ящике, лопасти отсоединены и уложены справа и слева от втулки. Всего, с двигателем, меньше трехсот килограммов. По «сто пятой» выскочил на МКАД через Ореховскую развязку и газанул, несмотря на дождь. У Котельников перед поворотом зазвонил телефон, я на секунду отвлекся, звонила Катя, и вдруг замечаю какое-то сияние полукругом над полосой и слышу мощнейший удар грома. В моей полосе никого не было, люди справа и слева начали тормозить. Я тоже нажал на тормоз. Обороты падают, а свет от светильников и фар соседей начал удлиняться на меня. Меня вдавило в кресло, как при взлете на истребителе, даже сильнее. Звуки исчезли, сияние – тоже. Тьма. Через пару секунд или чуть меньше, мелькнули верхушки деревьев, и машина плюхнулась на какое-то большое поле. Взвизгнули тормоза, которые я не отпустил. Несколько толчков, сильных, но подвеска выдержала. За пятьдесят метров от надвигавшейся на меня роши я остановился. Дождя нет, машина – сухая. Противно скрипят дворники по сухому стеклу. Выключил. Попытался позвонить супруге, связи нет, отсутствует сеть. Где нахожусь – неизвестно! За деревьями видна одинокая лампа накаливания на столбе с каким-то странным грибок над ней. Справа видны какие-то строения. Разворачиваюсь направо и в свете фар вижу самолеты: «Ишаки» и «Чайки», много! На меня движется какая-то фигура в шинели и в шапке. В руках – мосинский карабин. На ногах ботинки с обмотками. Что за черт? Остановился, чтобы не нервировать человека с ружьем. Опустил окно. Солдатик подходит осторожно.

– Стой, кто идет! – подал, наконец, голос молодой человек.

– Да стою я, стою! Только не знаю: где стою. Ехал по делам в Чкаловское, у меня тут винт и мотор для самолета, а оказался черт знает где.

– Это – Чкаловское. Сейчас разводящий придет и все прояснится, товарищ. Глушите мотор! – но винтовку вниз он не опустил, держит наизготовку. Где-то вдалеке послышалось бряцание оружием, из темноты появился разводящий, с ним трое солдат.

– Никольский! Почему машина на летном поле!

– Я ее задержал, товарищ младший сержант! Она вон там над лесом появилась, точнее не она, а свет ее фар, потом был гром сильный и визг тормозов. Товарищ говорит, что в Чкаловское ехал. У него двигатель и винт в машине.

– Ваши документы, товарищ.

Я понял, что паспорт лучше не доставать, хотя он у меня с собой. Вытащил удостоверение, что я являюсь главным конструктором Сибирского Научно-Исследовательского Института Авиации и показал его с рук сержанту.

– Так Вам не сюда, товарищ! Вам туда! – он пальцем показал на проход между деревьями. – Антипов! Проводи товарища главного конструктора.

Я хотел открыть дверь и посадить солдата, но он вспрыгнул на подножку с моей стороны и ухватился за край двери. Я вспомнил, что видел в кино такой способ езды. Запустил двигатель и тронулся в ту сторону, куда ранее показал сержант. За несколькими ангарами начиналась неширокая дорога. Через 300–400 метров Антипов пристукнул ладонью другой руки по крыше машины.

– Вам сюда, товарищ конструктор, это НИИ ВВС.

Еще до того, как я остановился, он спрыгнул с подножки и побежал в обратную сторону.

«Вот уж воистину: где начинается авиация, там кончается порядок!» – подумал я, решительно выложил из кармана паспорт и сунул его в бардачок машины. Тут же вспомнилось, что старые послевоенные номера у меня с собой! После парада в Новосибирске и в Москве они лежат в салоне, ну, а вытащить из пластиковых держателей оба номера – это раз плюнуть! Номера были грязные, я их, не протирая, сунул в черный пластиковый мешок, протер фары и старинные номера, окна и ветровые стекла. Мозг напряженно работает: напугала нас дерьмократическая пресса до коллик в животе «страшным НКВД», «кровавым палачом Берией» и «людоедом Сталиным». Хотя отец всегда говорил, что в старые добрые времена даже документы в кармане никто не носил. Вот только права у них были книжечкой серой, у отца сохранились. А на свое удостоверение я красный чехол купил с надписью: «Народный Комиссариат Авиационной Промышленности СССР», вот и проскочило. У нас ведь главный лозунг: Любой каприз за ваши деньги.

Блин! Даже стекла здесь протирают по-другому! Я-то, дурак, достал «стекломой» с пульверизатором встроенным. Стою, брызгаю на стекло жидкость и протираю тряпкой. А от главного здания ко мне шагает капитан в гимнастерке и шапке. Шапка! Второй раз: шапка. А ведь у них буденовки были до финской войны. Значит, она кончилась. Но расслаблены, как в мирное время. Черт возьми! Как фамилия начальника НИИ, ведь читал где-то! Точно, «Секретный проект», комбат Найтов. Фамилия какая-то птичья. Соколов? Нет. Орлов? Тоже. Соловьев? Аистов? Журавлев? Совин? Филин! Точно! Александр Иванович. После прочтения книги специально заглянул в тырнет. По книге – военный инженер первого ранга, в тырнете генерал-майор авиации. Подошел капитан, смотрит, как я брызгаю на стекло пеной.

– Вот это да!! Вот бы технику моему такое!

– Здравствуйте! Это можно! Александр Иванович здесь? – вручил ему пластмассовый сосуд, предварительно закрыв распыл.

– Нет, минут двадцать назад домой пошел. Вы к нему? – капитан безуспешно пытался брызнуть в сторону стекломоем.

– Там четыре положения: струя, закрыто, распыл и опять закрыто. Красная головка вращается. Можно спирт или бензин хранить, не испарится.

– Высший класс! Чайку с дороги не хотите? Извините, не знаю, как обратиться.

– Святослав Сергеевич, главный конструктор. Спасибо! От чая не откажусь, – хотел добавить, что у меня бутербродики есть, но тут вспомнил об их упаковке и прикусил язык. Он – враг мой на ближайшее время. Чай с белым хлебом и малиновым вареньем. Давно такой вкуснятины не ел! Детством пахнуло. И решил главную задачу на сегодня, увидел календарь: воскресенье, 13 октября 1940 года. Поэтому здесь сегодня пусто, хотя начальство только что ушло.

– А вы по какому делу к генералу?

– Да, вот, привез новый винт и двигатель показать, и поставить их на испытания.

– Это он любит. Давайте я вас запишу на самое утро. Как ваша фамилия?

– Никифоров, из Новосибирска.

– Ухты! Долго добирались?

– Восемь дней.

– Широка страна моя родная! На восемь-десять записал. Он обычно в шесть приходит, но до восьми по ангарам ходит.

– Иван, а где здесь переночевать можно?

– В доме переменного состава. – Капитан, Казаров его фамилия, встал и подошел к схеме на стене. – Мы тут, а ДПС – вот он. Вот так езжайте. Сейчас позвоню.

Капитан снял трубку телефона, набрал двухзначный номер, представился, выслушал доклад.

– Тут товарищ главный конструктор из Новосибирска прибыл, разместите у себя и обеспечьте подъем в семь часов, – он повесил трубку. – Столовая у нас вот здесь. У вас талоны есть?

– Нет, я же поездом добирался.

– Ну, да! Возьмите, позавтракаете и подъезжайте. Я, правда, уже сменюсь, в восемь.

– Ну, я пораньше подъеду, чтобы вы меня из рук в руки передали.

Поблагодарив за чай и бутерброды, я вышел из дежурки и здания. Ярко светили звезды и луна, почти 11 часов. Завел машину и поехал к гостинице. Двухэтажное здание, оно и сейчас используется под приборную лабораторию ТЭЧ. Не знал, что это был дом переменного состава. Молоденький красноармеец показал мне койку, умывальник и туалет, переспросил фамилию и инициалы, которые записал в журнал. Я вышел на улицу покурить в курилку, расположенную прямо перед входом в здание. Курить придется бросать. Дым местных папирос не сильно понравился, а сигарет «Кэмел» здесь нет. Кстати, куда фильтр деть? Порвал и щелчком отправил его в траву газона. Лег, не раздеваясь, поверх одеяла. С одеждой тоже надо что-то делать, капитан задавал «глупые вопросы», я сказал, что был в командировке в Америке, затем долго обсуждали расизм и угнетение негров в США. Кожаная «летняя» куртка у меня есть в машине. Старая, правда, как смерть, я в ней под машиной валяюсь, но пойдет.

Утром я уже выглядел почти как все: фасон мало изменился, вот только на моей «молнии» и кнопки, а у них пуговицы. А так, такая же по цвету и покрою. В столовой никто не приставал с расспросами и не глазел на меня выпученными глазами, как вчера. Подъехав к штабу НИИ, я увидел вчерашнего Ивана Казарова за прозрачной стойкой дежурки. Он писал что-то в журнале, а рядом с ним стоял щеголеватый офицер (они здесь еще командирами называются, надо не забыть!) с тремя кубарями на петлицах. Иван поднял голову и улыбнулся.

– А, прибыли! Семен, вот человек, о котором я тебе говорил, пока не заступил, проводи его к «АИ». Генерал приказал сразу к нему привезти, как придет.

– Старший лейтенант Ягудин! Прошу следовать за мной! – «Службист! Слава богу не он вчера был на дежурстве! Замордовал бы!» Старлей картинно печатал шаг, идя практически строевым. Неудобно ведь. Явно – не летчик. Те ходят вразвалочку, уже насмотрелся! Командир остановился перед дверью на втором этаже, картинно открыл её, приложил руку к козырьку фуражки, хотя форма одежды уже шапка, и рукой показал мне знак пройти в кабинет. Место адъютанта пустовало, мне было предложено присесть, а сам лейтенант оправил гимнастерку, снял с плеча какую-то пылинку или волос, проверил положение фуражки и вошел к начальству. Оттуда он вышел вслед за генералом, худощавое морщинистое лицо которого появилось первым.

– Товарищ Никифоров? Я ожидал немного другого человека, но, тем не менее, заходите! С чем пожаловали? – спросил он, после того, как мы расселись по местам. Я вынул из планшетки грузовые документы. В качестве конечного получателя там числился НИИ ВВС: для завершения государственных испытаний.

– Что это?

– Новый винт, обтекатели капота и новый двигатель для всех машин, оборудованных двигателями М-62 и М-63. Двигатель, правда, только один, а вот винты и капот мы испытывали, не снимая М-62.

– Что это дало?

– Двадцатипятипроцентную прибавку в скорости и снижение на 10–12 % расхода топлива.

– Где все это?

– В машине перед штабом, товарищ генерал.

Александр Иванович громко хмыкнул, снял трубку телефона, набрал номер:

– Алексей Ароныч! Зайди! – генерал положил трубку и, сквозь зубы, прошептал: «Господи! Сколько вас тут ходит, гениев!». Злится, что оторвал его от дела! И хотя у меня в планшетке были и фотографии, и чертежи «Аннушки», но ее еще не было! Я молчал, даже не пытаясь что-то доказывать. Грузовые документы я уже положил на стол, этого – достаточно! Документ, как-никак.

Вошел крепенький такой низкорослый полковник, скорее всего, бывший военный инженер 1-го или 2-го ранга.

– Вызывали, Александр Иванович?

– Проходи! Тут нас учить из Сибири приехали: как скорость у «Ишака» поднять. Сходи, получи «подарок», ставь на стенд, там двигатель, и меня пригласи, как управишься. Свободны!

Ароныч сопел у меня за спиной, мы вышли из здания и подошли к машине на стоянке. Я из кармана открыл ее, квакнул клаксон, моргнули фары.

– Прошу!

Он уселся на сиденье, и удивленно вперился в тонкую панель под основной, где загорелись лампочки от «Мерседеса». У OM-613 DE 32 LA – компьютерное управление впрыском, пришлось переносить из «мерсака». Пискнул зуммер готовности к пуску, я повернул электронный ключ, а не выжимал педаль стартера и газа одной ногой. Тут же последовал вопрос:

– А что за двигатель у вас? Совсем другой звук!

– Дизель, немецкий. Куда едем?

– К третьему корпусу.

– Показывайте! – сказал я и перевел рычаг коробки в положение «Drive». Автомат-коробка окончательно убила инженера. Он оказался автолюбителем, у него персональная «Эмка». «Три солдата из стройбата заменяют экскаватор!» – погрузчика у Научно-Исследовательского не оказалось. Пока шестеро солдатиков вытягивали движок из салона, я отбивал атаки «автолюбителя». Пришлось даже капот открывать. А он у меня переделанный, вверх открывается, а не по очереди с разных бортов, как на серийной машине.

– И кто же это все сделал? – спросил он, а я показал на свои руки. Обилие иностранных буквочек на таре тоже весьма впечатлило инженера, он – главный инженер института. Но после снятия упаковки с движка он застыл в ступоре.

– Мощность?

– 1100 лошадок.

– А шесть человек его руками тащило?

– Четыре шестнадцать на кило.

– И на чем работает эта крошка?

– Белый керосин или уайт-спирит.

– Так, как же такую малютку на стенде закрепить? Черт!

– Я предлагаю вначале установить М-62, к нему прикрепить нашу носовую часть, в которую я поставлю двигатель. Там все готово. Где засверливать и нарезать резьбу, я покажу. Вот чертеж, правда для другого самолета, но с этим движком. Или сюда ставим и крепим мотораму от «Ишака», тогда наша носовая часть встанет без каких-либо проблем.

– Ставим мотораму, так быстрее. Я сбегаю позвоню.

Два механика вытащили из каптерки мотораму, подцепили ее талью, вывесили и довольно долго гремели ключами. В ангар вошли Ароныч и Филин, которого тот высвистал из кабинета.

– Оба на! – Такими были первые слова начальника института, когда главный инженер приподнял чехол и тряпки, укрывавшие двигатель. – Алексей Ароньч, сразу на фрикцион его готовь! Проверим его четыре-шестнадцать!

Речь шла об удельной мощности на килограмм веса двигателя. Лучшие из наших двигателей давали 1.2–1.4, в конце войны 1.8–2.2. А тут 4 целых и 16 сотых лошадиной силы на килограмм веса. Я к тому времени разложил на белой ветоши на столе винт, выставил ноль на втулке, заложил по номерам лопасти и смазывал крепежные болты фторопластом из баллончика с распылителем. Белые перчатки, белый халат и шапочка на голове, чтобы не дай бог волос в механизм не попал.

– Прямо как доктор колдует. Зачем так много? А как стрелять?

– На работу синхронизатора это не влияет, особенно на таком расстоянии от оси вращения.

– Он очень большой, три тысячи?

– Да, это оптимальный размер для диаметра М-62.

– Траву начнет косить и нарушим свой же стандарт.

– Возможно, но другого у меня нет.

Вставил в головку биты с шестигранной звездочкой, выставил предельное усилие, и затрещал электрошуруповертом, присоединив к нему дополнительный упор к рукоятке. Все болты должны быть обтянуты на одинаковое усилие.

– Что это?

– Динамометрический электроключ с ударной затяжкой, товарищ генерал. Иначе пере-тянуть можно или, не дай бог, болт порвать. – Прикрыл обтекателем готовый винт. – У меня – готово! Алексей Ароньч! Что у вас?

– Можно подвешивать, моторама и фрикцион на месте.

Вчетвером, на деревянных опорах со вставкой из металла внутри, поднесли двигатель к месту установки. Штатные стропы входят в поставку, закрепили их на гаке талей и двигатель в чехле медленно пошел вверх.

– Первой крепим нижнюю опору, не затягиваем, даем люфт болтам.

Меняю звездочку на шестигранник, вжик – готово, но без треска. Затем две верхние опоры, набрасываю три разъемных шпангоута, креплю их с затягом. Обтягиваю болты опор, все готово. На вал одеваю вентилятор для обдува двигателя. Набрасываю обтекатели капота, их крепят механики сверху. Поднял один из обтекателей, расстегнул чехол и стянул его. Движок, кроме нас троих, никто не видел.

Фрикцион имеет две степени свободы, центрируется легко и удобно. Накидываю его муфту и притягиваю с проворотом, чтобы проверить легкость вращения. Никакие микрометры не нужны. Минут пятнадцать таким образом центровал стенд с двигателем. Работа привычная! Тысячу раз это делал. Стенд у нас механически точно такой. Затем присоединяю трубопроводы, а вот с разъемом электропитания – задница. Он с «Аннушки», но такой «папы-мамы» на этом стенде нет. Вызвали электрика, тот подключает аналогичный разъем с СБ. К пяти вечера стенд был подготовлен. Набежала куча людей, каждый из которых был при деле и наблюдал за своим узлом или прибором. Все в белых халатиках, хотя видно, что они к ним не привыкли. Но не ронять же имидж перед «понаехавшими». Опять появился Филин, уходивший на полеты, он – летчик-испытатель.

– Ну, что, Святослав Сергеевич, начнем?

– Перекурим и начнем.

– А мы думали, что вы некурящий! И не обедающий, – усмехнулся Ароньч.

– Есть такой грех, когда стенд к испытаниям готовлю. Чтобы ничего не пропустить.

Все вышли из ангара, закурили.

– Ароньч, ты биение проверил, как я просил? – спросил Филин.

– Проверил! В ноль, практически, и без всяких приборов.

Не слушая дальше этот разговор, я бросил в бачок горькую беломорину, и скомандовал:

– Все по местам, начинаем! – народ шустренько занял свои места, начальство укрылось за переборкой с бронестеклом.

– К запуску!

Не шибко удачно стоят выключатели, приходится присматриваться: что и где. Давление масла в норме, давление топлива – есть, пускаю вспомогач. Он пыхнул дымом выхлопа, но фрикцион даже не дернулся. Филин удивленно смотрит на меня, не понимая процесса. Раздался визг турбинки стартера, как только слушать его стало невыносимо, я включил приводное устройство. Вал закрутился, слежу за оборотами. Зажигание! Клубок серого дыма вылетел из коллектора, двигун схватил и выдал первые обороты на топливе. Убавляю, идет прогрев. После двойного звонка о готовности, проверяю работу РУДа.

– Готово! Можно взлетать! – кричу на ухо Филину. Тот кивнул, я дал полный газ, а ассистент начал прибавлять усилие на фрикционе.

– Полные.

– Сколько?

– Тысяча сто шестнадцать в пересчете.

Филин перешел к меганьютонометру, посмотрел на него, затем вернулся ко мне.

– Запас на взлет есть?

– 20 % в течение пяти минут.

Александр Иванович скрестил руки на груди, показывая, что испытания завершены. Я убавил обороты, затем полностью остановил движок и рассоединил главный фрикцион, чтобы дать турбине свободный выбег.

Вышли из ангара, за нами никто не идет, народ дисциплинированный. Филин выбил папиросу из пачки, протянул пачку мне. Но я полез в карман и достал «Кэмел», вторично травиться «Беломором» не тянуло. Да и смысла нет. Все и так понятно. Куча вопросов буквально стоит в глазах у генерала, но задавать он их не торопится.

– Вот что, Алексей, ты стенд закрой и опечатай, и своих предупреди, что болтовня, даже среди своих, это кратчайший путь на Колыму. Журнал испытаний перевести на режим «три нуля». Созвонись с ротой охраны, пусть выставят дополнительный пост у здания.

– Там людей не хватает, это восьмой ангар под охраной.

– Сними с любого и в приказ, я подпишу. Кроме нас троих, к машине никого не подпускать. Ну, что, Святослав Сергеевич, пошли, поговорим.

– У меня машина, да и не обедал я сегодня.

– Угу, я помню!

Мы сели в машину, я достал вчерашние «бургеры» и бутылку с «Колой».

– Да подожди ты! Счас пообедаем, не порть желудок сухомяткой.

Я пожал плечами, глотнул «Колы», запустил машину, и мы тронулись к штабу.

– Отличный движок! Но мне кажется, что он так и останется в единственном экземпляре.

– Да, чтобы такой сделать, требуются годы, а их у нас нет. Скоро – война с немцами, осталось восемь месяцев и один день.

– Так скоро?

– Утром 22-го июня.

– Не успеем, ничего не успеем! Откуда ты это знаешь?

– Для меня это – история.

– Я так и думал. Мы ее выиграли?

– Да.

Машина остановилась на площадке возле штаба, разговор прервался. Выслушали доклад дежурного. Прошли кабинет, генерал по телефону приказал доставить ужин на двоих и закуску.

Перед этим дал указания дежурному и адъютанту ни с кем его не соединять. В кабинете была комната отдыха за перегородкой, туда он и провел меня. Принес бутылку коньяка, лимон, открытую банку со шпротами и хлеб на тарелочке. Там же кружочками лежало масло для бутербродов. Коньяк сразу разлил по рюмкам, по-водочному, до краев.

– Вздрогнули! За знакомство! И чтоб не последняя.

Армянский был хорош! Куда там нынешним! До того момента, пока хорошенькая официантка не принесла отличный ужин, выпили еще по одной. Я отказался принимать больше, сославшись, что ничего не ел с утра. За ужином практически не разговаривали, а после ужина, налили еще по одной, и, не торопясь, начали разговор.

– Давайте условимся, что вы не будете задавать вопросы о будущем, вашем собственном или страны. Для этого нужно сначала выиграть войну.

– Но ты же сказал, что мы ее выиграли.

– Да, выиграли, но с огромными потерями и убытками. Немцы легко захватили господство в воздухе и переломить ситуацию удалось только к середине 43-го года. В сорок втором они были на Волге под Сталинградом, на Кавказе. В сорок первом пытались захватить Москву и Ленинград. Ленинград был окружен и 900 дней находился в блокаде.

– У тебя доказательства с собой есть?

– Так, кое-что, несколько книжек на планшете и на компьютере.

– Что такое компьютер?

– Покажу потом, в машине лежит. А планшет – в куртке.

Генерал встал и принес куртку из кабинета. Я щелкнул кнопкой включателя. Поискал *.fb2 файлы про войну и сохраненные web-странички с airwar.ru. Затем меня как торкнуло, и я вспомнил, что есть карты немецкого наступления сорок первого и сорок второго года, обороны Ленинграда. Я открыл вьювер и пробежался по фотографиям, сохраненным на планшете. Там было все вперемешку, все, чем я увлекался. Были военные фотографии, новейшие и старые самолеты, схемы, чертежи, карты.

– Да, не слишком много, но убедительно. А на другом приборе?

– Там побольше, но тоже не систематизировано.

– Ты где учился?

– В МАИ, на первом факультете.

– Давно закончил?

– В восемьдесят седьмом, двадцать семь лет назад. Так как из Новосибирска, то туда и распределили, только не на завод Чкалова, у вас он называется 153-й завод, а в НИИА.

– Там же нет никакого института?!

– ЦАГИ туда эвакуировали в августе 41-го, назвали его филиал № 2.

– То есть, ты практически работал в ЦАГИ?

– Можно и так сказать. Я был в группе доводчиков серийных и экспериментальных самолетов. Ну, а последние годы занимался модернизацией легкомоторных машин, с двигателями до 2000 лошадиных сил. Вот, кстати, из вот такой машины сделали вот такую. Узнаете?

– Конечно. Мы двигатель на нее сегодня и испытывали.

– Так вот, меня перебросили на это направление несколько лет назад. Американцы не слишком рвались продавать нам эти двигатели. Они у них используются в «Предаторе», стратегическом разведчике. Двигатель очень экономичный и позволяет разведчику находиться в воздухе более суток без дозаправки.

– Ого!

– Так мы доводили машину без них, используя новые винты, шестилопастные, саблевидные, вот такие! – я нашел фотографии «своих» винтов.

– Что это дает?

– Появляется возможность повышать обороты двигателя. Эти лопасти работают при линейных скоростях законцовок свыше 343 метров в секунду.

– А это – мысль! Что тебе требуется, чтобы начать их производство здесь? У нас Поликарпов сидит без двигателя, ему нужен безредукционный, а промышленность его выдать не может уже третий год.

– В первую очередь – документы! У меня ведь ни денег, ни документов нет. Я никто, и звать меня никак.

– Есть такая проблема, но вернемся к техническим вопросам.

– Фрезерно-копирные станки, зуборезные эвольвентные и шлифовально-копирные, долбежные длинноходовые для пазов, инструмент, особенно мерительный. Лучше всего из Германии. Дюралюминий и сталь, марки я укажу. И гидросервопривод, чертежи есть, в Ленинграде на Всеволода Вишневского делали.

– Решаемо. Теперь поподробнее о том, что удалось сделать с М-62?

– В двух словах: это надежнейший и выносливейший двигатель.

– Только не надо об этом! Он – не работает! Мучимся с ним – спасу нет! В полках более 25 часов не отработывает.

– Знаете какой у него ресурс до первой переборки?

– Ну?

– 1500 часов.

– Врешь!

– Вы мне будете рассказывать?! Смотрите! – и я ему вытащил формуляр на АШ-62ИР.

– Твою мать! – вырвалось у генерала. – Ты хорошо знаешь этот двигатель?

– Штук 800 вот этими руками отремонтировал. Облегчили его до предела в варианте М-62, довели объем до 29 литров с нулевой эффективностью. Там и 20 литров достаточно. Будет выдавать ту же самую тысячу сил и работать вечно. Кстати, его уже сделали, АШ-62 ИР. Только под бензин Б-70. И еще, куча времени и сил была убита на М-105, 106, 107 и 108. Практически, без результата. Так до конца войны и летали на «сто пятых». На сегодняшний день полностью готовы два двигателя: АШ-82 и АШ-62ИР. Им требуется только поставить непосредственный впрыск. И вполне работоспособные «АМ» Микулина. Там работы много, но 2000 сил из него вытащить удалось.

– Ты все эти моторы знаешь?

– Изучал, конечно. В том числе, и произведенные изменения.

– Так, понятно. Что с Англией было? Они тут на нас напасть собирались по весне.

– Была нашим союзником. Производит очень неплохие Роллс-Ройсы, они были лучшими авиационными двигателями с водяным охлаждением. Хотя сложны в изготовлении. Будет предлагать бесплатно лицензию на их производство с поставкой оборудования для завода, и проведение пуско-наладочных работ. Наши почему-то откажутся, в итоге завод уйдет в Канаду и США, и существенно поднимет уровень моторостроения в Соединенных Штатах. Но, в целом, максимальное развитие и распространение в авиации тех лет получили «звезды» воздушного охлаждения. Они были самыми мощными и самыми высотными.

– А такие, как сегодня испытывали, вы делали?

– Конечно. Омский завод выпускал и выпускает АИ-20. Запорожье – АИ-24. Там же делается Д-27. В Самаре изготавливаются самые мощные из них, НК-12МВ: 15000 сил при весе 3500 килограммов.

– Вот это монстр!

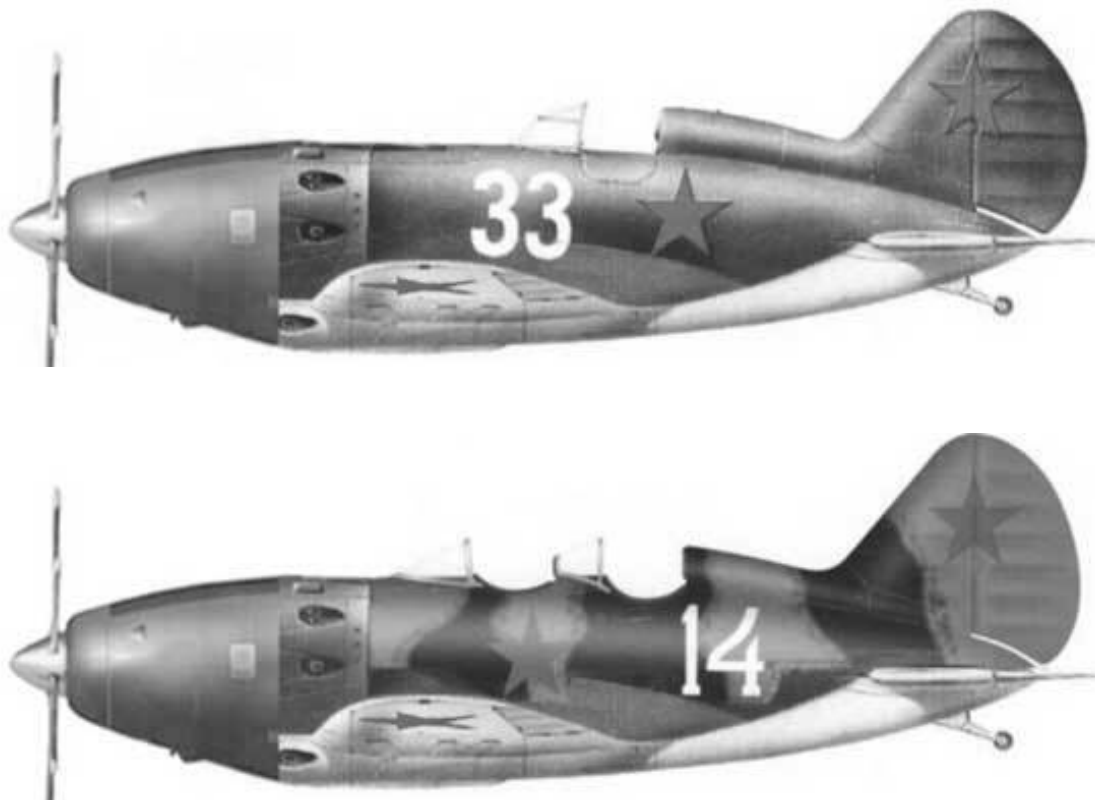
– Да ничего, таких на самолете четыре, самый быстроходный из турбовинтовых самолетов в мире, 945 километров в час. Стратегический бомбер. В пятьдесят втором взлетит.

– Через двенадцать лет? То есть, это вполне достижимо всего через двенадцать лет?

– Через восемь лет и четыре года войны.

– Да-да, война... – генерал-майор задумался. Потом решительно отхлебнул коньяка, разлил еще по рюмкам. – В этом случае необходимо показать двигатель Сталину, а лучше – самолет с ним.

– Лучше два или три самолета. Я тут года четыре назад, когда меня подталкивали к переходу на «Ан-2МС», сделал вот такие наброски:

На компьютере есть чертежи, как это сделать. Естественно, все фонари надо делать закрытыми. А еще один – сделать со снятием двигателя и установкой турбовинтового Хонейвелл с целой батареей пушек. Из УТИ-4, демонтировав вторую кабину и кокпит. С каплеобразным фонарем. Завтра, на трезвую голову, порисую. Надо постараться не изменить центровку, и втиснуть максимально возможное количество вооружений, – я показал генералу свои наброски. Он вцепился в планшет, рассматривая «знакомо-незнакомые» очертания машин. Но я продолжил:

– Там переделки минимальные, требуется установить эдакую пирамиду из хроманселевых труб, опорно-упорный подшипник и нагнетатель воздуха охлаждения. Необходимо перевести охлаждение на принудительное. Дайте-ка планшет! Вот турбина нагнетателя. Для стабильного охлаждения М-62ИР ее хватает. Вооружение пойдет по кругу, минуя вентилятор нагнетателя. Требуется подвести и отвести маслопровод основной масляной системы.

– Здорово увеличится длина вала, а это – скручивание! Как быть? Кто-нибудь такое делал?

– Р-39, «Белл Аэрокобра», у нее двигатель стоял за креслом пилота, вал проходил под ним, между ногами, редуктор находился в кокпите у винта. Был вооружен пушкой 37-мм и двумя синхронными 12.7 мм «Браунингами», стоявшими в кокпите. Одна из самых успешных моделей истребителя в наших ВВС.

– Так, ты мне голову-то не забивай, особенно под коньяк. Машины и двигатели дам. АРМ будет в твоём распоряжении, Ароньч поможет. В первую очередь делаем из И-16, вторую – из УТИ. Их просто больше, хотя, конечно, компоновка у второго много лучше. А для третьего выделим место в третьем ангаре, где вчера были. Там будем строить «долгоносика» с американцем. Пошли!

Мы перешли в кабинет, мне передали кучу талонов на питание. Я написал заявление о приеме на работу в АРМ НИИ ВВС под диктовку генерала.

– Пиши: Начальнику НИИ ВВС генерал-майору авиации Филину А. И. от Никифорова С. С. Заявление. В связи с успешным окончанием государственных испытаний изделия «ТВ-0001» и настоятельной необходимостью скорейшего внедрения данного изделия на имеющийся парк авиационной техники, прошу принять меня на работу по совместительству на должность исполняющего обязанности главного конструктора АРМ с окладом 2600 рублей, согласно штатного расписания, и с испытательным сроком в два месяца. Подпись и число. Вчерашнее поставь, 14 октября.

Филин забрал заявление, пробежал глазами по нему, положил на стол и подписал.

– Квартиру выделить не могу, поживешь в ДПС, пока, но в отдельном номере, там есть 8 таких. Ну, а как что-нибудь освободится, так и переедешь. Ароньчу слишком много не говори. Человек он исполнительный, но боязливый. Пока держим все в полном секрете.

Тут генералу понадобилась печать, чтобы увековечить заключенное соглашение. Он открыл дверь в приемную, а там народа полно! Сидят, во втором часу ночи, представители КБ и ОКБ, Наркомата АП, незабвенный Ароньч и прочая, прочая, прочая. Филин сходу перешел на крик!

– Полковник Золотаревич! Всех переписать, вместе с причиной приезда! Особо отметить тех, кто приходил, посидел и ушел! Никого не выпускать! Вам – строгий выговор с предупреждением!

Филин поднял трубку и вызвал начальника третьего отдела с нарядом.

– Людей побольше возьми! Их тут человек десять!

После этого еще больше разошелся, что хранить секреты в таких условиях невозможно. Что это проходной двор, а не НИИ Военно-Воздушных Сил СССР. Все, кому не лень, ходят по институту и имеют постоянные пропуска на режимную территорию. Что если здесь кто-то пукнет, то об этом знает вся Москва, а может быть, и Берлин. Что с такой организацией, мы все работаем на противника, а не на родную страну. Прибыл полковник Береговой, начальник 3-го отдела, начал фильтрацию задержанных. Его перед этим накрутил Филин.

– Ерофей Никодимыч! Мы сегодня провели испытания нового двигателя, успешно. Я, своим приказом, закрыл данные о нем грифом «Особой Важности». Предупредил об этом полковника Золотаревича, приказал ознакомить всех участников испытаний об изменении уровня доступа. А у меня в приемной уже сидят представители НКАП, конструкторских бюро и прочие «заинтересованные лица», и собирают данные о том, что испытывалось. Всех задержать! Особо поработать с теми людьми, кто «просто заходили», послушали и ушли. Сами понимаете, что я с панталыка поднимать уровень секретности не буду! Вот сидит главный конструктор Никифоров, со вчерашнего дня он в штате, и с допуском «000». Обеспечить охрану ему и его автомобилю. И чтоб волос с головы не упал. И никаких посторонних контактов! Вам понятно, полковник?

– Несомненно, Александр Иванович. Задержание и оформление проведем. Дороемся до того, кто нарушил режим. И все обеспечим.

– Выполняйте!

У меня в голове звучала песенка Высоцкого: «Точно мухи тут и там, ходят слухи по домам...» Собрался было пропеть ее Филину, но через секунду стало «несмешно». Зазвонил телефон, при звуках которого Филин побелел. Сел в кресло, откашлялся и снял трубку.

– Здесь Совин. – молчит.

– Здравствуйте, товарищ Иванов. – он поморщился и чуть отодвинул от уха трубку.

– Товарищ Совин! Что, собственно, прайсходит? Что за двигатэл изобрэли в Навасибирске? Пачему аб этом на местах нычего нэ знают? В чем дэло, товарищ Совин? Пачэму я аб этом узнаю паслэдним?

– Никто ничего в Новосибирске не изобретал, товарищ Иванов. Новый двигатель и новый винт, действительно, прибыли в Чкаловск. Оба сделаны в Северо-американских Соединенных Штатах. Сегодня провели испытания двигателя. Успешно. Вас неверно информировали, товарищ Иванов.

– Это – точно? – снизив тон, и практически полностью убрав акцент, спросил Сталин.

– Абсолютно. А вот человек с ними приехал очень интересный, и нужный.

– Американец?

– Нет, русский, советский. Наш человек, Иосиф Виссарионович.

– Эта харашО, товарищ Совин. Держите меня в курсе! Я в среду заеду посмотреть на то, что привезли. Ну и на того, кто привез. До свидания, товарищ Совин.

Трубочку генерал аккуратно положил, расстегнул верхнюю пуговицу, незадолго до этого он мучительно ее застегивал, когда орал на нкаповцев и Ароныча.

– Фу, вот сволочи! Пошли, Святослав, горло полечим, с этими козлами без него в миг останешься. Ты в армии-то служил?

– Нет, полгода был на сборах, и все. Капитан запаса, удостоверение личности при мне, в длительные командировки сейчас приказано брать с собой. Недавно ввели такое на всех режимных предприятиях.

Генерал открыл сейф и достал оттуда кобуру с пистолетом.

– С такой игрушкой знаком?

– ТТ?

– «Браунинг ХаПэ». Держи, и всегда носи его с собой. У нас тут не сильно спокойно, и никогда не разберешь, где уголовщина, а где диверсанты. Уже несколько человек из толковых авиаинженеров и испытателей потеряли. Всех инженеров военных заводов вооружили. Так что, привыкай и овладевай. Идем!

Но, уйти в комнату отдыха удалось только мне, генерала задержал адъютант, а затем к нам присоединился Ароныч, которого не задержали. Он приказы на подпись принес, сразу как их напечатали, так что дисциплинирован и вежлив. В разговор по душам он не вступал, знал, что Филин – персона самостоятельная. Понадобится – пригласит. Его ввели в курс дела, что у него новый подчиненный, находящийся на особом положении, практически его начальник. Что предстоит полевая переделка серийных машин и развертывание производства винтов изменяемого шага для них. В отличие от Филина, Золотаревич пил коньяк со вкусом, умело принимался и наслаждался букетом. В ход пошла вторая бутылка с коньяком. Заодно Ароныча поставили в известность, что предстоит приезд «Самого», так чтобы все блестело и сверкало, и во всех ангарах порядок навести требуется. В общем, аврал и показуха, свойственная нашей непобедимой и легендарной, зарождалась еще тогда. Завтра обещали устроить всем красивую жизнь и строевой смотр. Где-то в начале четвертого разошлись по домам, а в восемь – начало рабочего дня, развод на работы. О чем и предупредил Ароныч.

Впрочем, даже будильник не потребовался, дневальный по ДПС разбудил в семь на завтрак. Я долго крутил в руках вчерашний пистолет. Я таких и не видел даже. Наверху прицельная планка, как у винтовки, на рукоятке прорезь. В обойме, что лежала в боковом кармашке кобуры, желтые блестящие короткие патроны, но более остроконечные, чем у «Макарова». Не привык я носить оружие, и не знал, как это делается. Тем более такой большой и тяжелый пистолет. Решение нашлось неожиданно: старая летная кожаная куртка, левый нагрудный кар-

ман у нее сделан в виде кобуры. И есть два кармашка для обойм. Отец получал ее в Афгане, и там есть вторая веревочка. Если ее затянуть, то под ПМ, если развязать, то под Стечкин. В общем, вошел туда Хай Пауэр и обойма. Пристегнул к рукоятке стропу, заправил ее в карман и пошел в столовую. Меня к машине не пустили, часовой стоит. Час от часу не легче! После завтрака и развода пришлось идти к начальнику 3-го отдела.

– Ерофей Никодимович! Доброе утро!

– Здравствуй, товарищ Никифоров! Слушаю Вас!

– Меня к машине не пускают, а там у меня инструменты, бумаги, да и вообще, это моя машина.

– Мне таких указаний не поступало, приказано ее охранять.

– Но не от меня же!

– Да и вас надлежит охранять, тоже. Но вот этот вопрос я еще не успел решить. Пока мои люди несут охрану на этаже, где находится ваша комната, но вы там не ночевали.

– Комнату я еще не видел, спал на первом этаже, где и вчера.

– Второй этаж, комната 4. Вас комендант должен был предупредить.

– Коменданта не было, дневального я тоже не видел ночью. Утром он мне ничего не сказал.

– Так, давайте тогда уточним, что мы охраняем?

– Ну, саму машину, как я понял товарища Филина, но не от меня. Ну и, по всей видимости, непосредственно меня, но не мешая мне работать. Пусть Ваш человек ездит со мной. Работать я буду в третьем ангаре, туда всем сейчас доступ запрещен или ограничен. Поэтому одного человека будет достаточно, наверное. Только это утомительно, и кто-то должен подменять его, иначе будет спать на заднем сиденье.

Полковник кривенько улыбнулся. Его, конечно, мало привлекала такая перспектива, тем более, что людей у него было не слишком много.

– Давайте так, товарищ Никифоров. Ночью вашу машину будут охранять, как и вашу комнату. Комнату, естественно, круглосуточно, наряд на это выделен. Надобности охранять вас на территории части я не вижу. А если вы соберетесь куда-то выехать за пределы гарнизона, то двух человек с оружием вам выделит мой дежурный. Договорились?

– Естественно. По мне, так это просто излишнее беспокойство.

Когда уходил по тропинке от домика 3-го отдела, то спиной чувствовал чей-то пристальный взгляд. Часовой у машины продолжал стоять, затем подошло четыре красноармейца с младшим командиром и его сняли. Час двадцать я потерял на этом недоразумении. Подъехал к АРМУ, выяснил: где найти Ароньча. Потом пришлось ехать в самый дальний угол аэродрома, там находился ремонтный ангар мотористов и механическая мастерская с кузней. Теперь это мой дом родной, здесь, по мнению Ароньча, будет находиться поточная линия по производству винтов. Кошмар! Здесь в стены въелась пыль веков, и конь не валялся. В наличие один ФКС, два шлифовальных и четыре зуборезных станка. Долбежный находится в противоположной стороне аэродрома, туда надо будет возить заготовки.

– Алексей Ароньч! Здесь в первую очередь требуется косметический ремонт. В таких условиях получить необходимую точность и качество несколько затруднительно. Здесь тракторы можно ремонтировать, а ВИШ – сложновато даже ремонт выполнить, не то что производить.

– Людей и материалы я дам, а остальное сам, батенька, сам! Для себя и делай! И смету составь. Деньги, чать, казенные, а они счет любят. Вот, осмотришь и начинай, людей дам после обеда. Да, еще, вон там тебе двигатели подвезли, две штуки. Механики не знают, что делать, ведь они новые, с завода. Так что, включайтесь, Святослав Сергеевич. Назвался груздем, полезай в кузов!

– Понял, Алексей Ароньч. Пескоструйка и парогенератор есть?

– Найдем!

– Шестерых рабочих или красноармейцев и мастера по отделочным работам. Вот эту грязь нужно отмыть, сбить старую известку, поставить фильтры циклонные. Здесь должно быть чисто, иначе начнем гнать брак. Копиры пыль не любят.

– Вот, теперь вижу, что инженер. Семь человек и оборудование выделю. Удачи!

Перешел в ангар, у новых моторов стоят несколько человек и семечки лузгают. Руками показал, что шелуху требуется собрать и вынести все в курилку, вместе с карманами и губами.

– Документы где?

– У меня. – ответил пожилой мужичок в сером пиджачке и с карандашом за ухом. На носу очки, взгляд пронзительный, как прицеливается. Немного постояв и просто посмотрев, он подал два конверта из плотной желтоватой бумаги. Так, «Ирки» под «семидесятый» бензин: для сельскохозяйственных самолетов «Авро» и «Брезе». Вкладываю паспорта обратно в конверт.

– Вы – мастер? Как Вас зовут?

– Прокофичем кличут.

– Требуется замерить на свинец зазоры в камерах сгорания, и заменить прокладки под всеми головками на медные, так, чтобы зазор был 1,35, снять поплавки и жиклеры в карбюраторах, так, чтобы можно было добраться до дополнительного диффузора. Справятся? – я головой показал в сторону стоящих механиков.

– Как наряды закрывать будем, начальник? – «Ухты ж! И здесь впереди паровоза бежит лошадь! Знакомый подход!».

– По готовности и прохождению ОТК.

– Ну, тогда сам делай. Потому что это – «капиталка». А ты, начальник, под ТО-2 заряжаешь!

– Замечательно. Свободен! Бумажки оставь. И требования.

Мастер раздраженно выложил из карманов пакеты с паспортами и стопку требований для склада. Хмыкнул и пошел в сторону конторки. За ним потянулись работяги. Я остановил самого молодого из них.

– Оставайтесь, помощник нужен. – тот помялся, посмотрел на остальных, те пожали плечами, и он остался. Мы сходили за чемоданчиками в машину, я натянул спецовку, и мы вернулись в цех. Поворотный круг на верстаке отсутствовал, с ним гораздо удобнее. Точки крепления были. Замерил размер диагонали, написал в требовании несколько позиций, включая новые гайки.

– Сходи, получи, Василек. – а сам, пока тот отсутствовал, снимал пломбы и готовил движки к неполной разборке. Вывесил оба движка на талях. Надо бы краны заказать и установить. Вернулся Василек, мы установили оба двигателя на поворотки, вывернули свечи, и произвели замер зазора в ВМТ (верхней мертвой точке). Я достал планшет и пересчитал толщину прокладок, записывая все на расчерченный лист, висящий на стенке верстака. Отдали головки. К этому моменту трое из работяг вернулись и смотрели из-за спины, что мы делаем.

– Товарищ конструктор! Мы вторым движком займемся?

Я разогнулся, вытащил из кармана на груди листок с пустыми графами и передал им. Там тоже загремели ключи. Головок у них, правда, не было. Их заменяли трубы с дырками под монтаж и выпрессованным шестигранником на конце. Полнейший примитив. Они с завистью смотрели на трещотки и фирменные воротки. После разборки своего, передал инструменты «соседям», когда они закончили, объявил перекур.

В курилке передо мной возникло сразу четыре пачки папирос. Я улыбнулся, снял перчатку и вытащил одну папиросу у самого старшего из них. Дал прикурить всем от каталитической газовой китайской зажигалки. Крутизна! Фирмач!

– Товарищ главный конструктор! А зовут вас как?

– Святослав Сергеевич.

– А где такой инструментик добыли, Святослав Сергеевич?

– Шведский, «Husqvarna», в Берлине купил.

– И как там, в Берлине?

– Готовятся.

– К чему?

– Дранг нах Остен, к походу на Восток.

– Это чё, война?

– А ты как думал? Гитлер Европу уже подмял. Бои над Британией закончились. Наша очередь.

– А чеж мы с ними замирились?

– А ты готов к войне?

Молчание. Длительное молчание. Потом самый старший из всех сказал, что уже дрался с немцами.

– А чего мы вдруг сельхоздвижки делаем?

– Они встанут на два новых истребителя. Если пройдем испытания, завод сам переделает их на «девяносто пятый» бензин. Кто-то должен начать. А почему не мы? – я улынулся.

– Так, так бы и сказали, товарищ конструктор, что встанут на боевые машины. Мы б тогда дурью не маялись бы. И Прокофичу внушение сделали бы.

– Не знал, как вы меня, так и я вас видел в первый раз. Буду знать.

– Я за остальными схожу, не дело это, что мы вас от дел оторвали. Сами управимся, а вас позовем, когда карбюраторы вскроем. Добро?

– Добро! Я тогда еще ряд работ подготовлю в соседних цехах.

Съездил в токарный цех и заказал вал с двумя проточками под каленые шпильки, и входной обтекатель из дюраля. С последним пришлось возиться самому, выгачивая плашку под пресс и пресс-форму. Разово – это, наверное, самое дорогое устройство в капоте. Но у меня с собой круглого воздухозаборника не было, был только его чертеж. Три удара штампом, и три дырявые кастрюльки были у меня. Прокатали края, сделали шесть отверстий. Готово! Вернулся к «себе» в цех как раз к окончанию сборки головок на крайнем двигателе. Заменяли жиклеры, обвальцевали дополнительный диффузор. После этого собрали все, установили пломбы и один двигатель поехал в третий ангар, на другой стенд, там он будет проходить наработку на отказ под максимальной мощностью, а второй начали устанавливать на безмоторный И-16, которому предстояло стать «долгоносиком». Во фрезерном цеху уже вовсю пылили, скребли и отпаривали все. Сам же поехал в третий ангар вынимать из ящика укороченные опоры, изготовленные еще в Новосибирске для постановки «носа» без снятия двигателя и крышки капота к ним. Раньше мы их использовали часто, а теперь время от времени, чтобы доказать клиенту, что скорость возрастет и расход уменьшится даже в этом случае, но полный комплект принесет больше прибыли. Жаль, что капотов «Аннушки» нет, они с юбкой. Впрочем, какой-то «Ишак» выпускался с ней, поэтому по дороге назад заскочил к Ароньчу, и тот, через полчаса, добыл для меня на складе такие. К вечеру «долгоносик-1» был собран. Затрачено 4 станкочаса, примерно полторы-две тысячи рублей, включая оплату труда по местным тарифам. Не считая меня самого. Доклад по команде, ожидаем большое начальство в лице начальника института.

– Опять не обедал? – спросил довольный Филин, похлопывая по углепластиковому капоту «долгоносик».

– Нет, не успел! Вместо вооружения стоят массмакеты, все остальное – штатно, завтра можно будет облетать с утра. Ну, а швартовые сейчас можем провести.

– Выкатывайте!

Машину поставили на стопора, хвост закрепили стропой к штопору. Александр Иванович с удивлением увидел, что я забрался в «Ишак» и начал готовить его к запуску. Он же не знал, что я восстанавливал такой, только без «носа», и даже летал на нем. Именно в такой комплектации:

АШ-62ИР и макеты пушек и пулеметов.

– От винта! – все разошлись в стороны, зашипел воздух (здесь не ставят стартер, только воздушный пуск или автостартер), пошел проворот, зажигание, плюх, плюх, р-р-р-р. Малый газ. Чуть подчихивает сизоватым дымком, прогрелся, обороты. Пятилопастной винт дал такой поток воздуха назад, что мне замахали руками и показывают «стоп». Самолет развернули, а Филин выгнал меня из машины. Уселся сам и двадцать минут газовал, то поднимая, то опускавая хвост истребителя. Наконец ему надоело, он понял, что это совсем другой самолет, и что движок не греется даже при полной газовке на земле. Выскочил из машины и кулаком ударил меня в подставленную ладонь.

– Чуть ангар не снесли! – смеется. – Совсем другая машина, и за один день вместе с изготовлением деталей.

– Половины деталей!

– Да, конечно, половины, но можно создавать комплекты и отправлять в войска. Это – здорово!

Мы поехали ужинать, еще успевали в столовую.

– Вы мне разрешите завтра его облетать?

– А ты можешь?

– Могу, я летал на почти таком, только без носа и с двумя лопастями. Мы «И-16» восстанавливали на продажу. Только здесь авиагоризонта нет, вместо него «Пионер».

– Нет, выпустить тебя без провозного не могу. А провозной мы тебе устроим! Но не завтра. Вдруг дров наломаем, к приезду Самого. От греха подальше.

«Перестраховщик!» – подумал я, но ничего не сказал. Жираф большой, ему видней! Виды на меня генерал имеет и рисковать лишний раз не хочет. Я ему на земле нужен до зарезу. Сталину он позвонил около двенадцати, сообщил о сборке первой машины и о постановке М-62ИР под другой бензин на стенд. Так что докладывается обо всем, даже о мелочах. Попрошил из НККАПа никого с собой не брать, дескать, рано еще, не все готово, и винт пока только один. Производить их пока негде и нечем. Именно так я ему и доложил, слово в слово.

Мне же прочел целую лекцию, как следует подготовиться к завтрашнему визиту.

– Он терпеть не может неподготовленных встреч. Требуется подобрать материалы, аргументацию по ним, пару примеров и решение. Решение должно быть экономически обосновано, а не маниловщина какая-нибудь.

– Фонарь когда заменим на «долгоносике»?

– Завтра, после первого облета. Его уже подготовили. Ты не отвлекайся, пойми, это очень и очень серьезно. Тут все связано надо подать: двигатель, вооружение, связь, люди.

– Ага, понял, что подавать, если даже вы главнейшую часть успеха в бою выбросили куда-то.

– Не понял?

– Не выделено важнейшее звено: обнаружение цели, распознавание, ее сопровождение и наведение на цель наших сил.

– Ну это входит в понятие связь.

– Да ничего туда не входит. Посты ВНОС подчиняются не армейской авиации, а ПВО, а у него другое командование. Полки стоят рядами на аэродромах, как у нас, а в округе ни одной зенитки. Кто будет обнаруживать, сопровождать и наводить?

– Ну, пехота, естественно. Она обнаруживает, докладывает по команде...

– И наша авиация прилетает к шапочному разбору, когда противник уже отбомбился, вперед пошли танки и пехота на бронетранспортерах, наша пехота бежит, а летчики впустую месят воздух: летели сбивать бомбардировщики, а сейчас требуются штурмовики и пикировщики.

– И что ты предлагаешь?

– То, что предлагал член-корр Михаил Бонч-Бруевич из Ленинградского Физико-технического института: импульсный радиолокатор, работающий на сантиметровых волнах, и их теперешнюю разработку РУС-2 «Редут», метровую, срочно принимать на вооружение на уровне хотя бы дивизий. Хотя она требуется в полках. Есть такие полки у нас? Нету! А без них летчики похожи на слепых котят. Вот, смотрите! Это фотографии антенн РЛС ПВО, а это – антенны самолетов. Это индикаторы РЛС, а это планшеты, с помощью которых вычисляются ЭДЦ (элементы движения цели). Для решения задачи в объеме, используют вот эти дополнительные метки, это высота цели.

Частично я показал фотографии, в основном из кэша браузера, а частично нарисовал от руки.

– Ты, хотя бы частично, знаешь, как они устроены?

– Принципиальную схему знаю, антенно-волновую часть знаю хорошо, приходилось стелкаться.

– Да, пожалуй, ты прав, всего этого просто не охватить, и что делать – я ума не приложу.

– Будет день, будет пища. А картинки по папкам я с утра раскидаю. Но дело не в этом.

– А в чем?

– В том, чтобы не расширялся до бесконечности круг посвященных. Я пойду? Устал сегодня здорово.

– Коньячку хочешь?

– Не-а. Спать!

Сталин появился почти в полдень. Я находился во фрезерном цеху, там продолжалась уборка помещений, когда на ГАЗ-АА подлетел дежурный по аэродрому и закричал, что через 10–15 минут состоится построение. В этот раз командование АРМ вместе с рабочими командами направило на участки командиров. Обычно их днем с огнем не найти, тут же все были при делах и «руководили» подчиненными, которые быстро построились и пошагали в направлении командной башни в середине стоянок самолетов. Все машины были выровнены по нитке. Пропеллеры однообразно указывали в зенит и на центр Земли. С утра весь личный состав ЛИС занимался этим важнейшим делом. Меня беспокоил сегодня только один самолет, которого на стоянке не было, как и большинства новейших самолетов, которые были спрятаны по ангарам. (Интересно от кого?) Я обогнал идущих пешком, и направился в 5-й ангар, где вчера собирали «долгоносика». Поставил свою автомашину так, чтобы она в глаза не бросалась с летного поля. Самолет был на месте, фонарь, как ни странно, действительно был поставлен и сдвинут назад. Возле машины ковырялись три техника, надраивая ее сверкающие бока какой-то жидкостью. Рядом вальяжно покуривал незнакомый мне пилот в меховой куртке и зимнем шлеме без наушников. (Летчики не любили тяжелые облитые черной резиной шлемофоны и предпочитали летать в старых. Ради отговорки постоянно использовали причину, что рация шумит и отвлекает от управления) Но я-то вчера нормально настроил станцию и на прием, и на передачу.

– Добрый день! – поздоровался я.

– Здравствуйте! А что здесь гражданские делают? – несколько в сторону и неизвестно кому проговорил пилот, смачно сплюнув под ноги кусочек мундштука «Казбека». – Ефимцев! Я тебя спрашиваю!

Техник аккуратно повесил ветошь на край ведра и подошел к летчику. Что-то сказал ему на ухо и забрал из рук у него папиросу.

– Лень, ты попал! Я тебя предупреждал! – сказал техник и направился к курилке.

Летчик расправил плечи, встал по стойке «Смирно» и доложил, что готовит машину к показательному полету.

– Капитан Станкевич. – в конце рапорта представился он.

– Доложите командиру, что вам объявлено замечание.

– Есть, товарищ главный конструктор.

– Облет вы выполняли?

– Нет, облет выполнил генерал Филин.

– Следуйте в курилку или на построение. От полета я вас отстраняю.

– Есть следовать на построение!

Полк построился, прозвучали доклад, фанфары и приветствие, но Сталин не стал устраивать смотр и прохождения, а просто распустил личный состав. Все разошлись по своим машинам и местам работы, а осмотр Сталин начал с других ангаров, где стояли новейшие самолеты, проходившие и прошедшие Государственные испытания и ожидающие его, Сталина, решения на запуск в серийное производство. НКАП мог только посоветовать, а решение принимало Политбюро. В котором голосов было много, но решающий голос, как утверждают наши дерьмократы, принадлежал одному человеку. Непонятно, правда, как некоторые машины попадали в этот список невзирая ни на что. Да ну и ладно. Ранее меня это не касалось, я особо в этой кухне и не разбирался. Собственно, мне беспокоиться не о чем, кроме как о самой машине. Могла вкратце ошибка, и тогда многое сорвется, но «долгий нос» меня ни разу еще не подводил. Тем более, что столько сил и средств было вложено в его разработку. Электричества пожгли кучу, продувая каждый чих. Весовые марки совпали, сам проверял, балансировку не нарушили, аэродинамическое качество – тоже. Я прошел в курилку, где никого не было и закурил. От первого ангара оторвался ЛаГГ, и ушел в небо. Если он каждый самолет будет с земли рассматривать, то до завтра мы не взлетим!

– Разрешите, товарищ конструктор?

– Да, пожалуйста! – три техника, двое из которых помогли мне вчера, пристроились на скамейке и уперлись взглядом в небо. – А Вы почему не смотрите, Святослав Сергеевич.

– Читайте, что волнуясь перед первым показательным вылетом машины.

– Зря волнуетесь! «АИ» сказал, что это сказка, а не машина! Сам слышал!

– Главное, чтобы она не растаяла, как Снегурочка из сказки. Заменить пока ничего нечем, кроме корпуса старого «Ишака».

– Ой, а я сделал, этот самый, пылесос, как вы вчера посоветовали. Работает! Тянет, как зверь!

– Это здорово! Обязательно посмотрю. А вы в ЛИСе работаете или в АРМе.

– В ЛИСе, только не работаю, а служу. Хочу летчиком стать, да вот никак из ЛИСа не отпускают.

– А может быть твое призвание делать сами самолеты, а не тискать ручку?

– С техникой я люблю возиться, но летать хочется больше.

– Ну, если понравится пылесос, то попробую показать тебе, что такое создавать самолеты. А что ж вы тряпками в этом случае орудовали? Смотри! – и я палочкой на песке курилки нарисовал распылитель. – Сюда прокладку из резины, банку с любой не очень густой жидкостью, и хочешь крась, а хочешь мой.

– Удобно! Попробую сделать!

Таких рукастых и сообразительных надо искать и давать им задания, увеличивающиеся по сложности. Мы докурили и пошли смотреть пылесос. Михаил показал пол и уголки в ангаре, где вчера еще был вагон и маленькая тележка пыли. Пока рассматривали изделие, прозвучала

команда «смирно» где-то у соседнего ангара. Оттуда выкатывали ББ-22 с бортовым номером 31. Два кокпита от Як-1, сильно выдвинутые вперед, стояли узко и ометаемые поверхности почти соприкасались. На машине нанесено шпаклевки как на старой женщине легкого поведения или актрисе кордебалета, но все зализано просто идеально. Слышен доклад летчика-испытателя Пауля. Без звания, очевидно гражданский из НКАП. Сталин за руку поздоровался с пилотом и со штурманом-стрелком. Смотрю, что под машиной подвешены две «двухсотпятидесятки». Команда «по машинам». В одном из присутствующих узнаю молодого Яковлева. А как же «НКАП не брать!»? Настроение совсем упало. Сталин засобирался далее, но Яковлев его отвлек, вначале на то, как взлетела его машина, затем какими-то бумажками.

– Они ложатся на боевой!

В этот момент останавливаются оба двигателя, как только самолет начал сбрасывать обороты и входить в пикирование. На машине стоял автомат ввода-вывода. Ввод выполнялся автоматом по нажатию штурманом кнопки, как только цель попадала в прицел на первое перекрестие. Автомат убрал газ, и отдал рули вниз. Отрицательная перегрузка обрубил подачу топлива начисто. Винты автоматом поставлены во флюгер, и машина засвистела вниз. Летчик принудительно сбросил болванки, каким-то чудом выдернул машину из пике, а винты на раскрутку не встали! Оба! Давления масла нет! Заходит почти поперек полосы, умудряется выпустить щиток и шасси, гасит скорость и недотягивает буквально несколько метров до края летного поля, а там забор! Все побежали туда, в том числе и Сталин, а я за ангар к машине. Догнал Сталина и Филина, и остановился. Они, запыхавшиеся, сели на заднее сиденье. Я рванул, обгоняя всех, в том числе пожарку и скорую. Оба члена экипажа живы, самолет горит. Яковлева «генсек» отправил разбираться с аварией, а в наш ангар попал без представителей НКАП и свиты.

Филину уже доложили, что я снял Станкевича с вылета, но он, ни секунды не раздумывая, сам сел в кабину, вырулил из ангара и устроил каскад фигур в небе, выжимая из машины всю возможную маневренность и динамику. В этом полете был преодолен 500 километровый рубеж скорости на И-16. Рекорд машины с фанерным крылом был побит на 107 километров в час. Самолет зарулил непосредственно в ангар, техники закрыли ворота, лишь после этого я подал команду глушить двигатель. Потом мы переехали в третий ангар, где запустили турбовинтовой двигатель. Правда, без винта, на 6 минут, с передачей усилия на фрикцион. Сам я со Сталиным не говорил, только отвечал на вопросы по самолету и двигателю. При нем был только чекист с тремя ромбами, с небольшими залысинами на голове и с тремя орденами на груди. Но он держался сзади, и участия в разговоре не принимал. Ни один, ни другой лейбл «Honeywell TPE-331-12» не видели. Филин недоуменно посмотрел на меня, когда я открыл капот с другой стороны.

В дальнейшем разговор свелся к тем проблемам, которые испытываем мы с выпуском новых винтов. Нам было сказано, что торгпредство в Берлине озаботят станками и инструментом для нас. У Сталина и присутствующих военачальников чуть позже родилась идея скрестить ежа и ужа: разыграть бой между «Мессером-109Е», купленным в Германии, и «долгоносом». Ведь он превзошел по горизонтальной скорости хваленный Мессершмитт. Филин, судя по всему, был не прочь «сразиться» с «Мессом». Я встал и представился остальным.

– Есть одна маленькая проблема, товарищ Сталин. Диаметр этого винта больше стандартного на 300 миллиметров. В настоящий момент времени на самолете отсутствует даже стандартное вооружение в кокпите, стоят масс-модели. А крыльевые пушки установлены уже, чем необходимо, и стрелять через винт не могут. До решения этой проблемы проводить испытания реальным или учебным боем не имеет никакого смысла. Из-за особенностей винтомоторной группы, мы должны перенастроить синхронизаторы всего вооружения и провести летные испытания с боевой стрельбой. К сожалению, места и оборудования для развертывания производства новых винтов у нас нет. Наладка потребует какого-то времени. Эта машина только

родилась, и сегодня выполнила первые два полета. Временные винты для отработки синхронизаторов будут изготовлены в ближайшие дни, но летать на них будет невозможно. Мы не рассчитывали на показ этой машины такому широкому кругу зрителей. Хотели показать ее несколько позже, после прохождения всех положенных испытаний. Наравне со всеми. Так, чтобы нас потом не обвинили в том, что НИИ ВВС нарушает собственные нормы для собственной разработки. И мне не хочется выглядеть глупо, когда истребитель не сможет применить оружие из-за моей технической ошибки. Чем это заканчивается, мы сегодня видели.

– Это похвально, когда конструктор не забывает о том главном, для чего предназначено его изделие. Вы были правы, товарищ Филин в своей оценке случившегося два дня назад.

– Ты же все сорвал!

– Был посторонний человек, я предупреждал, что рост круга посвященных меня не устраивает.

– Это не посторонний, это – Власик, он всегда при нем! – жестким шепотом ответил Филин. Мы еще стоим в куче народа и прощаемся с «вождем». Неожиданно он проходит мимо нас, не сказав ни слова, лишь коротко прикоснувшись к протянутой руке Филина. Садится в машину. Дверь еще открыта. Кстати, машина не «ЗиС», а «Паккард». И здесь обманули! К открытой двери подошел Власик, наклонился на секунду и закрыл дверь. Колонна тронулась, визит окончен. Власик подошел к Филину, что-то сказал ему на ухо. Филин дернул меня за руку.

– Пошли.

– Куда?

– Нас с собой приглашают.

– А как я туда попаду?

– Фотография есть? Три на четыре?

Мы отошли в сторону, я порылся в бумажнике.

– Есть.

– За мной! – и генерал решительными шагами зашагал в сторону штаба. Через пять минут с удостоверением НИИ ВВС в кармане мы уселись в «ЗиС» и начали нагонять колонну. Нам это удалось сделать без особого труда. Пристроились в хвост, тащимся понемногу.

– Слушай, я что-то не пойму, вроде неслись, как угорелые, а спидометр показывал 90 километров в час, а сейчас 25 показывает, а скорость больше.

– На два умножать надо. Я ему редуктор поставил, чтобы прибор не менять и приборную доску не портить.

– 90 – это 180, что ли?

– Ну да.

– Кхе! Машинку твою тоже надо «посмотреть».

– Надо, дизеля Чаромского будут глохнуть в высотных полетах. Из-за того, что не возвращались, установить причину аварий удалось очень поздно. Но первый дальник – Ту-2Д, летал на дизелях. Точно такой дизель не сделать, у него впрыском управляет компьютер, но любой двигатель – это механический прибор. Можно сделать его механический аналог.

– Чей аналог?

– Компьютера. ПУАЗО – видели?

– Видел.

– Это тоже компьютер, только узкоспециализированный, для решения двух задач. – я вытащил бумажник и собирался положить его в бардачок, но руку перехватил Филин и сунул его к себе в портфель. Ладонью правой руки показал успокоительный жест: «Не дрейфь! Прорвемся!» Решительный мужик! Летчик-испытатель. А испытывают меня. Но если что – гибнуть будем оба. Как в полете. И «золотого парашюта» у него нет. Арестован в сорок первом,

расстрелян в сорок втором, когда казалось, что война полностью проиграна. Вместе с кучей интереснейших людей.

Колонна, не останавливаясь, проследовала через Боровицкие ворота. Более чем странно, ведь мы пристроились по дороге. Машины сопровождения сворачивают в сторону, остальные три машины паркуются у Большого дворца.

– У меня пистолет в кармане куртки.

– Сдашь в гардеробе.

Лаптоп я положил в портфель Филина еще по дороге. Никаких заминок не возникло, нас сопроводили до кабинета. Власик шел вместе с нами. У секретаря мне пришлось передать свое удостоверение для записи. Филин он записал в гроссбух без каких-либо документов. Пришлось немного посидеть. Я в этом месте никогда не был, поэтому заинтересованно осматривал комнату, знакомую мне только по «плохим фильмам» последних лет. Большая часть из них снималась не в Кремле. Дорого берут, наверное, за аренду. Больше всего запомнилась лампа с зеленым абажуром, как у Ленина, на столе секретаря. Он был одет в зеленый френч незнакомо-го покроя. Похоже английский, из антантовских запасов. Больше никого не было. В двух углах торшеры и пепельницы рядом с ними. Несколько кресел и длинные ряды стульев вдоль стен. Портреты Ленина, Маркса и Энгельса и копия картины «Ходоки у Ленина». Буквой «Т» ковровая дорожка красного цвета.

– Проходите, товарищи.

В самом кабинете на окнах висят шелковые ламбрикены, жена все хотела такие завести, почти до самого низа. Окна высокие, и кажутся узковатыми. Есть и тяжелые бархатные занавески, но они прижаты к стенам по разные стороны проема, и служат чисто декорацией. Красного дерева столы буквой «Т», накрытые тяжелой скатертью. Высокие стулья, на которых мы и расположились.

Сталин внимательно осмотрел меня, заинтересованно покосился на планшет, и ноутбук, который вытащил из портфеля Филин и передвинул ко мне. Затем перевел взгляд на Александра Ивановича и сказал:

– Докладывайте, товарищ Филин.

– Мне доложили о прибытии в институт товарища Никифорова, из Новосибирска, в 22.55 13-го ноября по телефону. Звонил дежурный по институту капитан Казаров, которому я приказал утром провести его ко мне. Наш представитель на 153-м заводе носит такую же фамилию. (Это – мой дед, но мне об этом Филин не говорил). Позднее начальник 3-го отдела установил, что в 21.28 четверо часовых в северном крыле аэродрома зафиксировали сильный гром без свечения и две яркие светящиеся точки над лесом с западной стороны от начала полосы. Как раз над «коротышом» – старой взлетно-посадочной полосой для легкомоторных самолетов. Трое слышали сильный визг. Очевидно – тормозов. В 21.29 зафиксирован звонок в караульное помещение с вызовом разводящего от красноармейца Никольского на 4-м посту, который и задержал автомобиль с нарушителем. Самолеты и постройки не пострадали, нарушитель сопротивление не оказывал, предъявил вот это удостоверение личности, где написано, что предъявитель является главным конструктором Сибирского Научно-Исследовательского Института Авиации. Перед этим товарищ Никифоров показал с рук надпись на обложке и назвал свою должность вслух. Разводящий не придавал значения тому обстоятельству, что в удостоверении обозначен 2013-й год изменения должности. Видимо не заметил, так как в месте проверки достаточно темно. Часовой устно передал о том, что он видел перед появлением автомобиля на летном поле. Все это мне стало известно вчера вечером в ходе расследования дела об утечке информации с территории НИИ о проведенных испытаниях нового двигателя. Источник утечки установлен. Это старший лейтенант Ягудин, дежурный по НИИ, которому я сообщил о том, что ухожу на испытания, там что-то новенькое, и буду не скоро. Дословно, товарищ Сталин. Бывший старший лейтенант арестован и находится под следствием.

«Через двадцать лет, наверное, будет писать мемуары, и говорить на каждом углу, что он – жертва кровавого режима!» – подумал я, но повода вмешиваться в разговор не было. Все доложенное имело объективную реальность под собой. А Филин продолжал доклад, немало удививший меня его объективностью и скоростью расследования.

– Упомянутый старший лейтенант имел отношения с одним из секретарей замнаркома Авиапрома товарища Воронина. В 10.15, сразу после моего выхода из здания штаба зафиксирован звонок в Москву в Наркомат Авиапрома. По словам Ягудина, он договаривался о встрече на завтра, после дежурства, мимоходом упомянув мой уход на испытания нового двигателя из Новосибирска.

– С этим понятно, товарищ Филин, пусть с этим разбираются уполномоченные органы. – мимоходом заметил Сталин, продолжая набивать трубку табаком из шелкового мешочка, украшенного какой-то желтой вышитой надписью.

– Мною выпущен дополнительный приказ об ограничении доступа посторонних лиц на территорию института после окончания испытаний и о запрете выдавать постоянные пропуска представителям НКАП и КБ.

– Это правильно, товарищ Филин, но несколько запоздалое решение. Ставлю вам на вид!

– Есть, товарищ Сталин. Разрешите продолжать? – короткий кивок головой, пыхтение раскуренной трубкой и внимательный взгляд на меня. Я немного улыбнулся. Усы Сталина тоже чуть двинулись в улыбке. Знай наших! Все под контролем!

– В десять тридцать в помещении испытательного стенда я увидел новый двигатель, поразивший меня своими малыми размерами, но перед этим я услышал от главного инженера его характеристики, которые он узнал от товарища Никифорова. Я приказал немедленно ставить его на стенд с меганьютонометром, чтобы проверить данные об его мощности. Обратил внимание на инструмент, которым пользовался товарищ Никифоров. Такого инструмента я нигде и никогда не видел. Действовал товарищ Никифоров абсолютно профессионально, применял незнакомые мне методы центровки, существенно ускорившие установку на стенд изделия. У нас установка на стенд занимает два – три рабочих дня, он управился за несколько часов. Но испытания пришлось отложить из-за несоответствия разъемов на двигателе и на стенде. Из-за этого начали после пяти вечера. После испытаний я приказал изменить уровень доступа к результатам испытаний и доступа к самому изделию, и пригласил товарища Никифорова на беседу «по душам».

– Почему мне не позвонили, товарищ Филин?

– Я не был уверен в том, что мои догадки являются истиной. Поднимать «скандал на пустом месте» показалось преждевременным. Я хотел убедиться в том, что мои догадки верны. – Сталин молча покивал головой, показывая, что ответ его удовлетворил.

– Проведенные испытания, где двигатель показал большую мощность, чем написано в его паспорте, поставил точку над моими сомнениями, что мы имеем дело с образцом, намного опередившим наше время. Совершенно иной уровень, товарищ Сталин. И я решил узнать: кто такой инженер Никифоров, чем дышит и зачем он появился в нашем институте.

– Выяснили?

– С его слов, он возвращался из аэропорта Домодедово, под Москвой, в их институт ВВС, расположенный на этом же аэродроме, что и наш, с запасными частями для потерпевшего аварийную посадку самолета конструкции Антонова, есть такой, работает в КБ товарища Яковлева. При себе имел грузовые документы, отпечатанные неизвестным образом без использования копировальной бумаги. Конечным получателем в них числился НИИ ВВС. Обратите внимание, товарищ Сталин, что название не изменилось за столько лет. Сам он не знает каким образом он здесь оказался. И не имел никаких намерений этого делать. То, что называется: случайно. Закончил Московский Авиационный Институт в 1987 году, и 27 лет работал по спе-

циальности инженер-конструктор в филиале № 2 Центрального Аэрогидравлического института, ЦАГИ, в Новосибирске.

– У нас же там нет никакого филиала.

– Утверждает, что 22-го июня следующего года Германия нападет на Советский Союз, и имеет косвенные доказательства этого нападения. И что в августе сорок первого года ЦАГИ и 500 его сотрудников выедет туда в эвакуацию.

Сталин задал тот же вопрос, что и Филин при знакомстве:

– Чем закончилась война?

– Мы победили, товарищ Сталин, но ценой огромных жертв и массового героизма нашего народа.

– А что англичане?

– Утверждается, что они были нашими союзниками, и помогали нам поставками техники и продовольствия, вместе с Соединенными Штатами.

– Значит, перед нами – английский шпион! – откинулся в кресле товарищ Сталин.

– И, чтобы втереться к нам в доверие, он поднял скорость нашего основного истребителя выше скорости «Мессершмитта». Тогда я еще парочку таких хочу! С доставкой прямо в институт. Может быть, «Спитфайр Супермарин» обгоним! Не вяжется, товарищ Сталин. – ответил, заметно побелев и отрицательно помотав головой, ведущий летчик-испытатель нашей страны.

– Не вяжется, товарищ Филин. Откровенно не вяжется! Что скажете, товарищ или господин Никифоров? – ответил, после короткого раздумья, Сталин.

– С той войны, товарищ Сталин, в моей семье из семи человек, ушедших на фронт, вернулись двое. Дед мой, летчик-испытатель, которого упоминал товарищ Филин, бывший начальник ЛИС 153-го завода, не вернулся из боевого вылета в августе сорок третьего. Отца и двух его сестер бабушка растила одна, на зарплату техника ОТК. Мне есть, что предьявить немцам. Кстати, не рассмотрен вопрос моего прибытия из Токио и Буэнос-Айреса.

Сталин улыбнулся. Вопрос моего «происхождения» был снят.

– Что нам это дает, товарищ Филин? С Вашей точки зрения. А Вы, товарищ Никифоров, слушайте, и готовьтесь поправить генерала Филина, он, ведь, может и ошибаться в своих выводах.

Я кивнул головой, вытащил небольшой блокнотик, чтобы не мешать оратору, и ручку. Сопровождение началось, до этого это был просто «цирк с представлениями».

– В первую очередь, товарищ Сталин, хочется отметить, что мы получили стороннюю и независимую оценку состояния нашей моторостроительной промышленности. На сегодняшний день мы производим 5 моделей двигателей, которые пройдут все испытания войной и принесут в ней победу.

– Перечислите!

– Это М-82, М-105 трех модификаций, АМ-35А, АМ-38 и М-62ИР, который до вчерашнего дня нами не рассматривался в качестве боевого.

– Так он прошел войну или нет.

– Нет, в войну для него не выпускалось ни одного самолета, и я также среагировал на сообщение Никифорова о том, что этот двигатель уникален по своим возможностям.

– В чем заключается его уникальность?

– Вот его формуляр, где указана паспортная наработка на отказ у этой модели. Подчеркнуто мной, товарищ Сталин.

– Так много?

– Вот именно, вчера мы поставили на стенд одну из первых переделок, через трое суток он должен сломаться по нашим нормам, или серьезно уменьшить свою мощность. Святослав Сергеевич лично готовил его из мотора для сельхозавиации. Сегодняшние полеты я выполнял на таком двигателе. У него меньший объем, чем у боевого М-62, на девять литров, и больше

литровая мощность. По мощности двигатели равны. По весу он немного легче, но там какие-то килограммы, не принципиально. Опыт 80-тилетнего использования этого двигателя показывает, что это один из самых надежных двигателей в мире.

И у нас примерно 10000 истребителей, на которые он может быть свободно установлен, и для которых необходимо выпустить 10000 комплектов для переоборудования их в такой самолет, который вы сегодня видели. Через три дня мы можем с полной уверенностью дать отмашку на эти переделки.

– Товарищ Никифоров! Вы успеете за три дня настроить синхронизаторы для вооружения.

Я пожал плечами, так как заканчивал рисовать синхронизатор для пяти лопастей. Шестилопастной проще, там три выступа, останавливающих ударник, здесь – пять.

– Вот, товарищ Сталин. Как спекать такие формы я покажу. Это будет дешевле и быстрее выпускать, и все можно наладить даже в небольшой мастерской.

– Что это?

– Основная часть синхронизатора, останавливающая движение бойка или ударника в зависимости от положения винта.

– Почему они разные?

– Мы с товарищем Филиным обсудили новую возможность быстро увеличить мощности наших двигателей за счет увеличения максимальных оборотов. Кроме пятилопастных винтов, как на «долгоносике», будут выпускаться шестилопастные с повышенной скоростью вращения. Это даст дополнительный прирост скорости на тех же мощностях, за счет понижения числа редукции, а впоследствии и рост мощности двигателя. Вот такие вот винты. – Показал чертеж и фотографии непосредственно на самолете. – Полный комплект документации на них у меня с собой. Это моя разработка 1990-го года для самолета «Ан-38».

– Антонов, уже несколько раз слышу эту фамилию за сегодня. Успешный конструктор?

– Наверное, да, товарищ Сталин. «Ан-2», «Ан-14», «Ан-24», «Ан-26», куча «тридцаток», «Ан-12», «Ан-22», серия «семидесяток», «Ан-124» и «Ан-225», самый большой самолет в мире. Последний уже выпущен Балабуевым, но начинался при Олеге Константиновиче. Я, к сожалению, его уже не застал, но старые наши конструкторы отзывались о нем очень хорошо.

– А Яковлев? Сколько у него самолетов в ваше время?

– Як-40 и Як-42, оба выпущены уже не им. И Як-130, учебная парта наших истребителей, тоже создана недавно и не имеет непосредственного отношения к Александру Сергеевичу. Он будет снят с должности вами за очковительство в сорок пятом году с должности замминистра авиапрома. После этого его КБ сумело пустить в приличную серию только два высотных перехватчика второго поколения. После этого полностью было переведено на работу с близкомагистральными и легкомоторными самолетами. И выпустило несколько машин вертикального взлета и посадки. Не слишком удачные. Но, во время войны было выпущено много истребителей Як. Кто-то их ругает, кто-то хвалит. Они сопровождали штурмовики «Ил-2», к которым приложил свою руку товарищ Яковлев. Сейчас готовится к выпуску серийный «Ил-2», одноместный. Он послужит могилой для огромного числа летчиков, товарищ Сталин. Его придется переделывать в двухместный в ходе войны. Замнаркома Яковлев посоветовал конструктору Ильюшину не мучиться и заменить проект ЦКБ-55 на ЦКБ-57, потому, что моторы АМ-38 и АМ-38Ф еще не прошли государственных испытаний.

– Это так, товарищ Филин?

– Оба «ЦКБ» проходили у нас испытания. Вот их результаты. Оба на вооружение приняты быть не могут из-за несоответствия заданию. Но, насколько мне известно, завод № 1 и завод № 18 готовятся к запуску в серию этих машин.

– Разрешите, товарищ Сталин? – я видел, что Сталин потянулся к трубке, и сейчас полетят головы.

– Что вы хотите сказать? – раздраженно ответил Сталин.

– Эти самолеты, действительно нужны в войсках, в варианте «55». КБ, которое я возглавлял, восстанавливало подобный самолет, сорок третьего года выпуска. И у меня есть полные технологические карты серийного штурмовика «Ил-10», с собой. И двигателей АМ-38ф и АМ-42. Мощность последнего – 2000 сил.

Сталин опустил руку.

– И где эти бумаги?

– Здесь, в кабинете. Кроме того, там такие же карты на самолеты Лавочкина «Ла-5ФН», «Ла-7», «Ла-9» и «Ла-11». И Микояна, «Миг-3». А также двигателей для «Лавочкиных»: «АШ-82фн» и «АШ-82 т». Последний их них продолжают выпускать в малом объеме для оставшихся транспортников «Ил-14». Моторесурс у него 1200 часов. – Я включил компьютер и через некоторое время показал сканы этих чертежей и технологических карт, выполненные на профессиональных сканерах в архивах НАП имени Чкалова, который выпускал все «Лавочкины», в течение и сразу после войны. На каждом из сканов стояла подпись главных конструкторов. Складывай в стопочку, высылай на заводы и требуй выпуска серийных машин. Вот только плоттер где взять! Знал бы, где упаду, соломки бы постелил!

– Ви аб этом знали? Пачему не доложили! – зло прошептал или прошипел Сталин.

– Еще нет, товарищ Сталин. Все сразу объять невозможно.

– Для большевика такого слова не существует! Запомните раз и навсегда, генерал Филин!

Сталин встал, видимо желая прекратить встречу, так как все было слишком неожиданно для него. Мы тоже встали, хотя главный вопрос еще не был поднят.

– Садитэс! Я вас понял! Что вы хотите за эти сведения?

– Они не продаются, товарищ Сталин.

Глаза «генсека» сощурились.

– Это – достояние Советского Союза, и я только собрал в кучу эти документы для работы над восстановлением этих машин для истории своей страны. Истории авиации.

Молчание. Сталин налил себе «Боржоми» и выпил полный стакан.

– Как быстро мы сможем направить это на заводы?

– Быстро не получится. Плоттера у меня нет, распечатывать придется с экрана. Требуются копировальные устройства и переводить это все на «синьку». Полгода, минимум, поэтому нужно выбрать максимально необходимые бумаги, и начать с них.

– Канешно! Ми так и сделаем. Генерал, выйдите, подождите в коридоре.

– Есть! – Филин подхватил свой портфель и вышел, плотно притворив дверь.

– Тут что-то не так, товарищ Никифоров. Я хочу знать, почему вы нам помогаете? То, что вы коммунизм не построили, я знаю, в грузовых документах стоит стоимость перевозки в миллионах рублей. Что случилось со страной? Слова «СССР» я не обнаружил ни на одном из документов.

– СССР – нет, с 91-го года. В стране – «дикий капитализм», отягощенный олигархией, коррупцией, взяточничеством и откровенным бандитизмом. Но, товарищ Сталин, я – инженер, а не доктор и не ассенизатор. Лечить язвы социал-политики и засоры в экономике я не умею, да и не хочу. Я догадываюсь: почему погиб мой дед, и попытаюсь помочь ему выжить. А вот за что он погиб, и стоит ли исправлять историю – предстоит выяснить. Самому. Человек я, по вашей классификации, беспартийный, был когда-то комсомольцем, но с 91-го верхушка комсомола сперла государственные деньги и организовала банки и банды. В научно-техническом плане, вы, товарищ Сталин, можете полностью рассчитывать на меня. Все что знаю – передам. Я родился в СССР и учился там. Поверьте, что до сегодняшнего дня я не слишком хотел помогать непосредственно вам. Случай на аэродроме помог установить, что никакой вы не диктатор. Диктатор бы с места не тронулся при гибели самолета.

– Пачему: «диктатор»?

– Вас так изображает наша пресса практически сразу после вашей кончины.

– И когда это случилось?

– Это не имеет значения. Давайте условимся, что вы не будете задавать мне вопросы о лично вашем будущем, как мы договорились с генералом Филиным. Я же не могу сказать ему, что по личному приказу товарища Сталина, он был арестован 23-го мая 1941 года, предан суду военного трибунала, расстрелян в сорок втором, когда казалось, что война полностью проиграна, и когда было совершенно ясно, что Филин на совещании в НКАП был прав, и верно оценивал возможности нашей авиации.

– Сложный вы человек, товарищ Никифоров! Хорошо, разбирайтесь: за что погиб ваш дед. Но, сами понимаете, в условиях приближающейся войны, личного времени у вас не будет. Вы – инженер-конструктор, и имеете ненормированный рабочий день. А ваши знания и опыт нужны стране и ее армии. Зовите Филина, и подождите его у секретаря.

Поменялись местами с Филиным. Сiju и чего-то жду, видимо, ареста, если верить нашим самым правдивым СМИ в мире. Настроение – не очень, комп остался на столе у Сталина. Но ничего, там уже сработала Screen saver. А пароль у меня длинный и специалистов его вскрыть в этом мире не существует. Сейчас руководитель партии и правительства в этом убедится. Но, нет! Выходят из кабинета оба, улыбаются чему-то, наряд «звероподобных эНКа-ВэДешников-орков» в приемную не вломился. Я встал, они оба подошли ко мне. Сталин протянул руку.

– Вы назначаетесь Главным Конструктором НИИ ВВС, товарищ Никифоров. Ваше КБ в ближайшие дни будет усилено ведущими специалистами-авиастроителями. Место для Вашего КБ товарищ Филин подобрал. Мы ждем от вас эффективной работы. Обо всем докладывать мне лично. Ваши проблемы с документами мы решим в ближайшее время, товарищ Постышев займется этим.

– Товарищ Сталин, разрешите выдать товарищу Никифорову аванс, так как у него ни копейки нет, и положенную премию за «долгоносика», хотя он не прошел еще полных испытаний?

– Насчет аванса – не возражаю, товарищ Филин. Ну, а премию выплатит Советское правительство, мы обещали конструкторам такую. Пока ее получил только Микоян, и то, треть, за высотные скоростные испытания. Протестируйте скорость «И-16Н» на всех высотах. О результатах доложить.

– У меня компьютер там в кабинете остался, товарищ Сталин.

– Он у меня, я же его принес. – ответил Филин.

– До свидания, товарищ Никифоров. – сказал Сталин и протянул еще раз руку. Я пожал ее еще раз.

– До свидания, товарищ Сталин.

– Разозлил ты его жутко! Таким злым я его еще никогда не видел. Именно не недовольным, а злым. Учти это, присматриваться к тебе будет тщательно, так что права на ошибку ты себя лишил. Но ты его заинтересовал, очень. Ладно, посмотрим, что будет. Мне-то чего про «Илы» не сказал ничего?

– Да я в курсе, что несмотря на ваши усилия не допустить постановку в серию «ЦКБ-57», он был принят на вооружение в обход института.

– Это же невозможно!

– На всех бумагах стоит другая подпись, со штришком перед должностью. Кто-то из заместителей.

– Ну, видимо, надавили. У меня отпуск в ноябре, в Кисловодск поеду. И комиссию я там прохожу.

– Постановление и вышло в ноябре.

– А я тебя на исполнение обязанностей оставляю! Фиг у них получится! Да, кстати, приказ о твоём отзыве из запаса он подписал, сразу сказал, что для капитана ты староват, так что поздравляю, товарищ инженер-полковник. Держи свой бумажник, извини, без тебя пришлось покопаться, он спросил о твоём звании. И, слушай, а чего ты все время «выкаешь»? Ты же старше меня. Коробит малость, предрассудки это, буржуйские. Могут не понять, не надо выделяться.

– Да не получится, привычка. А шеф у меня тоже был моложе, ему что-то около сороковника. Я сейчас прибавлю, кажется за нами «хвост», и мне это не нравится! Прямо не поедем, я обходную дорогу знаю, через Щелково.

– Вон те, что ли?

– Угу, через одну машину. «Эмка».

– Ну, давай.

– Пристегнись! Справа ремень, его вот сюда.

Не показывая поворота, из правого ряда, свернул с Краснопрудной на Каланчевскую, и с удовольствием наблюдал, как наш преследователь мучится с перестроением. Ему тоже вдруг понадобилось налево. Когда он скрылся из зеркала заднего вида, я еще раз свернул налево, потом направо и выскочил на Троицкое шоссе, у нас оно проспектом Мира называется. Прошел по встречке, обгоняя длинную очередь из машин перед переездом. Путепровода еще нет, все стоят, пропуская поезда. Успел подскочить к шлагбауму к моменту его открытия и выскочил на Ярославское шоссе, город за «железкой» почти сразу кончился, церквушки, частные домики, мост через Яузу и еще один переезд, который мы проскочили также. Машина заметная, и возмущались водители вяло. Мало ли куда начальство торопится. Свернул направо, на Пионерскую улицу в Королеве, он тогда Калининградом назывался. Здесь находится знаменитый завод № 29, до него мы не доехали метров 150.

– Откуда эти места знаешь? – спросил Филин.

– Супруга у меня из Щелкова. Так что со студенческих времен, здесь в Королеве на танцах и познакомились, я практику на «Энергии» проходил.

– Где-где?

– На двадцать девятом заводе, у нас этот город, Калининград, называется Королевым, по фамилии Генерального Конструктора наших ракет, а «двадцать девятый» завод входит в НПО «Энергия», там...

– Что замолчал?

– В общем, когда-то это был центр нашей космической промышленности.

– Был? А что случилось?

– Да ничего, закрыли программу. Что-то делают, двигатели американцам для ракет.

– Что-то у вас там не так, а ты темнишь!

– Расстраивать не хочу, так проще. Особенно перед войной. Вот выживем, тогда узнаешь, Саша. Выжить надо. Мы же оба теперь на прицеле. Не повезло тебе со мной!

– Смешной ты человек! Стране повезло! У нее теперь такие возможности открываются! А ты нос повесил из-за того, что товарищ Сталин немного расстроился из-за твоих сообщений. Ты не смотри на это! Он посердится, но потом отходит, если не сваливаться в троцкизм и паникерство.

Закоулками, через Серково выскочили в Щелково. Если делать засаду, то в лесу перед аэродромом, но я через лес не поехал. Щелковское шоссе тогда аэродром не пересекало, как сейчас, а шло через само Щелково на Фрязино. Мы обогнули северную оконечность аэродрома, подпиравшую Щелково почти до железной дороги, по Заводской улице объехали станцию Чкаловск, и по Садовой – наш военный городок. Южнее платформы «41 километр» есть неуправляемый переезд, через него мы и въехали гарнизон. КПП распахнул ворота по моему сигналу,

красноармеец отдает честь прибывшему начальству. Мы остановились возле штаба, и поднялись в кабинет генерала.

– Вам звонили, дважды, из НКВД, просили сообщить, что к нам выехал нарком.

– Подождем! Прибудет, проводите ко мне.

– Есть! Кроме того, звонил полковник Береговой, у него что-то случилось, просил Вас перезвонить, как приедете.

«Началось!» – подумал я. – «Здесь и возьмут! Бля! Выпендрился! Решил немцев одним ударом завалить! Сейчас тебя, дурака, повяжут и к стеночке прислонят. Уходить надо было, высаживать Филина и валить, куда глаза глядят. Допрыгался! Ладно, отставить панику. Эх, коньячку, что ли, на посошок? Блин, Филина просить не удобно.» Генерал слушал Берегового, и почему-то хитровато посматривал на меня.

– Ну, понятно! Предупреждать надо было! Могли бы и подойти к Боровицким и предупредить нас через охрану. К нам нарком Берия выехал, скоро будет, так что подгребай, Ерофей Никодимыч... Да, у себя... Здесь, со мной... Ага, давай!

Генерал повесил трубку и захохотал.

– Знаешь от кого мы оторвались? От ребят Берегового, я же ему приказал тебя охранять! Пошли, горло промочим. Где-то у меня было Кахетинское. Сами-то мы и коньяком обойдемся, а Лаврентий Палыч красненькое грузинское уважает. Ну, чтобы гроза мимо прошла!

«Генерал или не понимает, чем сейчас закончится визит наркома, или играет на стороне моих... врагов, что ли». – тревожные мысли не покидали мою голову, коньяк делу не помог. Труса праздную, наверное. Вернулись в кабинет, Александр Иванович рассказывает мне, как он замечательно придумал разместить мой отдел, а я его практически и не слушал. Зачем мне это знать, если я уже допрыгался. И примерять мне придется клифт лагерный да нары на прочность и комфорт испытывать. Дверь растворилась, первым вошел Власик, которого я уже знал, следом незнакомый молодой чекист с двумя ромбами на петлицах, а затем появились круглые очки «главного палача». Все трое в гимнастерках и адъютант притворил за ними дверь. «Ну и трус я! Это не арест! Эти убить меня могут, но арестовывать не будут, не их уровень!» – мгновенно сообразил я. Александр Иванович здоровался со всеми, те поправляли прически, видимо, их фуражки остались в приемной возле адъютанта. Расселись по другую сторону стола, напротив меня.

– Чему обязан, что принимаю таких гостей?

– Ну, мы не в гости, хотя от рюмки чая я бы не отказался. – заявил Берия, внимательно рассматривая меня.

– Минуту! – генерал вызвал старшего лейтенанта Авраменко, показал пальцем на стол. – И чай! Там все возьми.

Пока расставляли стаканы, рюмки и закуски, а Авраменко помогала та самая девушка, что и прошлый раз накрывала ужин для меня и генерала. Симпатичная, надо отметить. Я, видимо, уже отошел от шока, который испытал, когда обнаружил слежку за машиной (привычка с девяностых), и узнал о визите Берии, раз обращаю внимание на девиц. Со мной никто из присутствующих не здоровался, но мы и не были представлены друг другу. Понятия об этикете здесь несколько иные. Официантка и адъютант вышли.

– В оперативный отдел поступило указание взять на охрану вашего главного конструктора, Александр Иванович. Насколько я понимаю, это он и есть?

– Точно так, Лаврентий Палыч. Знакомьтесь, Никифоров Святослав Сергеевич.

Чекисты, по очереди, протянули мне руки, чуточку привставая на стульях.

– Ну, за знакомство! – предложил Нарком. Он, действительно, единственный предпочел красное вино. Глаза за очками остались настороженными и изучающими.

– Непосредственно от Наркомата с товарищем Никифоровым будет работать старший майор Копытцев. Нам передали, что предстоит большая работа с документацией, и предло-

жили направить сюда специалиста по работе с ней. До сегодняшнего вечера, Алексей Иванович руководил 7-м отделом нашего Наркомата, и обеспечивал секретность передачи сведений. Его отдел обеспечит работу вашего Особого Конструкторского Бюро. Его личную безопасность будут обеспечивать люди из оперативного отдела, которым руководит комиссар госбезопасности 3-го ранга Власик, Николай Сидорович. Он у нас отвечает за охрану руководства страны. Ну, а я заглянул сюда просто познакомиться и взглянуть на человека, из-за которого столько людей приходится перебрасывать на работу в Чкаловск. Нечастое явление, когда под такую охрану берут конструктора.

– Судя по всему, Лаврентий Палыч, мы не в последний раз собираемся в этом составе. Работы предстоит много, и большая часть из нее – «особой важности». Я был вынужден закрыть работу Святослава Сергеевича высшим уровнем секретности, как только познакомился с изделиями и документами.

– Вы правильно поступили, товарищ Филин. Товарищ Сталин подчеркнул это в разговоре со мной. Спасибо за чай, Александр Иванович, и за гостеприимство. Был рад познакомиться, Святослав Сергеевич. Мы еще увидимся. До свидания.

Все встали, нарком уверенным шагом вышел из кабинета. Я внутренне бесился, что Сталин раскрыл меня Берии и компании, но сделать уже ничего не мог. «Он» решил по-другому! Ну и дурак! И тут меня удивил Власик.

– Значитца, так, товарищи! Особо это тебя, касается, Алексей. Времени предупредить тебя не было, да и прослушивается у тебя там все. Человечек это особенный. – Он пальцем (фу, как некрасиво!) показал на меня. – О том, кто он такой на самом деле, знают ты, я, эти двое и товарищ Сталин. Все! И он приказал этот круг не расширять. Тебе понятно?

– Да, Николай Сидорович. Это почти невозможно, но подберу самых надежных людей из своего отдела. Тех, в ком уверен на 100 %.

– Верить – это, конечно, хорошо, но проверять нужно постоянно! Слухи, слухи мы отменить не можем, и сюда ломанется вся агентура. И ты должен быть готов к этому. Я рекомендовал тебя Сталину. Понял?

– Понял. – кивнул головой чекист. Я не знал, что это за «7-й отдел», позже узнал, что это – шифровальщики.

– Меня самого больше всего интересуют помещения, в которых будет проживать товарищ Никифоров, товарищ Филин. И маршрут, по которому он будет приезжать на работу. План есть?

– Есть! – Филин из стола достал план гарнизона, разложил его на столе. – Вот домик командующего ВВС, его еще Алкснис построил. А вот в этом крыле этого здания мы планируем разместить бюро.

– Угу, мне этого достаточно, пока. Не прощаюсь, но побежал. Остальное – не мое дело, Алексей. Хозяин сказал, что промедление – смерти подобно. Так что, поспешай! Задачи поставит он. – его палец опять указал на меня.

Я включил компьютер, ввел пароль, после этого пригласил Алексея Ивановича посмотреть на фронт работ.

– Вот в этих желтых папочках находятся документы. Стоит нажать на вот эту часть надписи, открывается изображение. Это изображение через эпидиаскоп может быть подано на «синьку», проявлено и перенесено на бумагу. Только долго держать экран под мощной лампой нельзя. Он у нас один, если выйдет из строя, то мучиться будем недолго. Расстрелять нас за это мало будет. Если что, значит будем снимать на пленку, а уже ее использовать для проектора или диаскопа. Но, и вот это самый главный секрет! Вот здесь в углу находится графа «Подпись и дата», видите?

– Конечно!

– Дату со всех чертежей необходимо убрать.

– За... Ой, блиин. Как это?

– Вот так! Понял?

– Понял! Все понял.

– Как убирать – я покажу, это несложно. Требуются три человека, сообразительных, которых можно быстро научить пользоваться устройством, и, назовем ее, «стирашкой», ластиком. Мне требуется некоторое время, чтобы перенести эти папки в другое место, и скрыть все остальное, так, чтобы ваши люди в другие места этого устройства попасть не могли. Работы здесь много, и окончательно очередность будет установлена в ближайшее время, но вероятно постоянно будут идти новые указания, как обычно. И требуются люди, которые будут переносить эти материалы на «синьку». Ну, а про секретность всего этого не мне вам говорить.

Всю ночь возился с компом, хорошо, что денег на него я не пожалел. Диск: три с половиной тера, выделил новый диск, остальные скрыл полностью, включая системный в интерфейсе нового пользователя, прога новейшая, Windows server 2012 Datacenter. С дисками работает хорошо, и возможность круто ограничить пользователя имеется полная. Во «всех программах» у них только фотопшоп и выювер оставил, ну, а сундук громадный, 22 дюйма по диагонали и не широкоформатный, четыре к трем, и разрешение за две тысячи пикселей. В комнату, где они будут работать подвели 19 вольт постоянного тока, так что, без блока питания могут обходиться. Здесь стандарты пока старые, и наши блоки питания работать не могут. Подзаджаюсь от машины, от прикуривателя. Через сутки научил трех сержантиков ГБ работать в фотопшопе, и убирать года с листов. Сам же, как обещал Сталину, сделал деревянные винты и занимался синхронизаторами. Заодно пропихнул «рацуху»: датчик Холла стал следить за положением винта, а спуск ШКАСов и ШВАКов стал электрическим. Еще семнадцать килограммов с машины сняли. Но, механические синхронизаторы были полностью готовы и отстреляны на земле. Кроме того, увидел АРМе УТИ-4 с крыльями, с которых снята полностью полотняная обшивка. Это для отработки удержания машины на прямой на взлете. Сюда, в испытательный авиаполк, молодых летчиков не присылают, но по штату положено такую машину иметь. Вот она и стояла в АРМе, никому не нужная. Движок у нее был М-25, а вот посадочного щитка не было, вообще. Не ставился. Так как обшивки не было, то было видно, что отверстия в нервюре для щитка есть. Именно эту машину я и решил переделать в «долгоносика». Он не вооружен, то, что нужно! Место крыльевых пушек заняли гидроцилиндры с электроприводом от бортовой сети «американца», обеспечивших работу посадочного щитка и воздушного тормоза. К раме снятого двигателя прикрепили новенький кокпит с «Хонейвелл». В отсек, где стоял двигатель, воткнули четыре БС, по 600 выстрелов на ствол. Стальные накладки приказали установить на углепластик, и я их приклеил авиационным термолеем, который применялся для «Бурана». Мой «ЗиС» из-за своих размеров очень хорош для коммивояжера! Коим я и являлся в Москве. Моей задачей, помимо испытаний, было найти как можно больше заказчиков, и требовалось показать им весь объем дополнительных работ, которые может произвести институт при модернизации их «Аннушек», поэтому два рулона новых материалов, вместо перкаля, у меня было с собой. Каландрированный нейлон и армированный лавсан. Нейлон американцы нам не продали, как помнится, а вот лавсан уже изобретен, да и проще его изготовление, чем нейлона. Правда, такой как у меня был, армированный и со 100 % воздухо непроницаемостью, еще не выпускается нигде. Чем хорош? Пробоины отлично держит! Не порется по ниткам, максимальный размер отверстия ограничивает клетчатый каркас из нитей того же лавсана. И этот каркас на одну из сторон не выходит. Она глянцевая, не пропускает ни воду, ни воздух до скоростей 800 км/час. Нам хватит, в общем. Вот этим вот лавсаном и обтянули крылья и все рули. Пришлось, правда, все дренажные трубки прочистить. Клей, специально, использовал местный: АК-88. Выглядит это не очень, он, как «Момент», имеет неприглядный вид. Но новый материал требовалось показать. Все «Березины» переключили на электроспуск, и син-

хронизировали с винтом. Сначала с деревянным, а затем и с американским «Хартзеллом». На земле испытания прошли успешно, и, сразу после этого, последовал звонок Филина Сталину. Куда торопится! Правда, отведенное нам время на приведение в действие вооружения «долгоносика» заканчивалось. Прицел ПАК-1 с некоторым трудом удалось разместить на козырьке бывшего УТИ, но других прицелов не было. Этот был новейшим.

Филин говорил со Сталиным без меня, я, вообще, с ним не разговаривал. Мой кабинет еще только оборудуется, и я в нем еще не был. Находился в 3-ем ангаре, где «долизывал» новый истребитель, возвращенный после пристрелки оружия. У него всего один вылет с самого утра был, потом таскали на стрельбище. Я был под самолетом, в кабине находился полковник Данилин, зам Филина по летной подготовке. Мы гоняли щиток, проверяли его выпуск на разные углы и уборку. Мне кто-то дернул провод фонаря, которым я себе подсвечивал щиток, потом остановился двигатель, пришлось вылезать из-под машины. Сталин осматривал почти прозрачное крыло.

– Что это?

– Армированный лавсан, полиэтилентерефталат, $(C_{10}H_8O_4)_n$. Или ПЭТ. Он прочнее перкаля, не пропускает воздух и воду.

– Где его делают, и из чего?

– Из диметилтерефтолата $C_6H_4(COOCN_3)_2$. Используют в текстильной промышленности, в ткани добавляют, чтобы не мялись. Чертежи на нем делать удобно, только одну сторону надо делать шероховатой. Впервые получили в Америке в 35-м году.

– Понятно! Почему не доложили, что синхронизаторы готовы?

– А мы еще не вылетали, вот, готовим машину к вылету.

– Это уже другой самолет?

– Да, другой, у него компоновка лучше. Карабкаться в кабину не требуется.

– А тот где?

– Стоит без винта в пятом ангаре.

– Кто будет выполнять полет, товарищ Филин?

– Я сам, товарищ Сталин. До этого летал Данилин.

– Вот пусть он и летит. Что по этой машине можете сказать, товарищ Никифоров?

– Ее мы опробуем с тем американским двигателем, который вы видели, с новым крылом и четырьмя носовыми пулеметами БС, 12.7 мм. Общее количество боеприпасов на борту – 2400 выстрелов.

– А пушки? Вы же говорили, что будут пушки!

– Мы решили в этот раз пушки не использовать. У этого самолета большая дальность, и он может сопровождать бомбардировщики. В этом варианте лучше использовать пулеметы.

– Товарищ Филин, прикажите подготовить «Мессершмитт». Он взлетит через полчаса после Данилина. А мы посмотрим, что второму летчику удастся сделать с этим, как вы его называете, «долгоносиком» или «вредителем»?

– Есть!

Много народа на этот раз не было. Сталин был чем-то не доволен, скорее всего, мной. Я плохо приручаюсь. Я тоже был недоволен, что слепленную на коленке машину, которая в воздухе еще не стреляла, собираются сходу послать в учебный бой.

– Чем вы недовольны, оба? – взглянув на нас с Филиным, спросил Сталин.

– Торопливость нужна при ловле блох. Если хочется сравнить немецкую и нашу машину, то посылать следует стандартную, ту, что прошлый раз летала. А эта машина еще не готова! Нет толкового фонаря, не убрали мы гаргрот, эти работы начнутся только завтра, и двигатель у нее турбовинтовой, в единственном и неповторимом экземпляре. Если мы его грохнем, то о разработке подобного двигателя можно будет забыть на несколько лет. А то, что он по мощности и по приемистости выше, чем БМВ, это мы и так знаем.

– Так винт же один!

– Пятнадцать минут работы.

Помолчав, Сталин кивнул головой.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Что сейчас будем смотреть?

– Испытывать будем установку и работу батареи вооружения. Проверим управляемость после израсходования всех патронов. А затем подготовим «Мессер» и «И-16Н» с двигателем АШ-62ИР. Стрелять он уже может, синхронизаторы стоят на всем штатном вооружении.

Данилин запустился, вырулил из ангара и пошел на взлет. Мы, не торопясь, шли к башне управления. Данилин начал работать по земле, затем прилетел Р-5 с конусом, отработал по нему. Последние несколько очередей производились только из трех пулеметов, один заклинил и не перезаряжался. Затем долго не мог выпустить одну из стоек, пришлось ставить ее на место с помощью пикирования и резкого выхода. Но сел. В отсеке вооружений полно гильз, рукава порвались, два пулемета «ходили под себя». Гильзы оказались даже в соседнем отсеке, где и придавили трос левой стойки. Я сфотографировал все на планшет и предложил поставить туда камеру, и снять, почему рвутся рукава.

Но, винт сняли, и еще через пять минут доложили о готовности первой машины. В воздух на ней поднялся Галлай.

«Долгоносик» превосходил «Е» «Мессершмитт», и по маневренности, и по скорости, кроме вертикального маневра, все-таки, Месс на 200 сил имеет больше мощность. Но, и это важно! «Ишак» – стал скороподъемнее «Месса». При выполнении косой восходящей спирали, а не горки, успевал оказаться в хвосте у «Е», пока тот выполнял «предельную» горку. Сама эта фигура у «И-16Н» была заметно ниже, метров на сто. Когда машины исполняли ее параллельно и это было наглядно видно. Если «И» разгонялся до полной скорости, и нагонял «мессер», то горки выравнивались. Сталин заметно повеселел.

Летчики сели и подошли к Сталину, который спустился из пункта управления полетом. Галлай показал два вытянутых больших пальца вверх.

– Сказка! Она просто порхает! И за температурой следить не приходится. Я только не понял, кто управляет шагом?

– Масло, там встроенный автомат. В стандарте его пока не будет. – хмуро ответил я. Результаты оказались ниже предполагаемых. Надо менять обшивку крыла.

Переговорив с летчиками, Сталин отпустил их, и приказал ехать в штаб. В мою машину он не сел, но подошел к ней и спросил:

– Капот откройте, пожалуйста. Мне сообщили, что эта машина – вовсе не «ЗиС».

Я пожал плечами и открыл капот. Подошел к носу и поднял его.

– Да, это не «ЗиС»! А почему, товарищ Никифоров, вы не передали ее нашим автомобилистам? Это ведь не менее важно!

– Я не могу работать без двух пальцев, товарищ Сталин, и уходить с места работы в авиации мне не хочется.

– При чем здесь пальцы?

– Эта машина управляется с помощью устройства, подобного тому, с которого я вам показывал картинки в кабинете. Вот ее ключ. Вот это – дактилоскопические датчики. Ключ считывает мои отпечатки, и после этого разрешает повернуть его в замке, затем отправляет этот сигнал в устройство управления двигателем. Если отпечатки не совпали, то включить зажигание и активировать устройство невозможно. Ключ каким-то образом перешивают, но как это делается, я не знаю. У меня нет приборов, чтобы перепрощить его и двигатель. Машина дорогая, потому что старая, антикварная, вот и пришлось на нее такую сигнализацию ставить.

– Все не как у людей! Но интересно: до чего дошли богатеи, чтобы свое добро сторожить. – Сталин прикрыл рот ладонью, и, похоже, смеялся.

Вошли в кабинет Филина, который уступил место Сталину у телефонов. Мы с ним селись напротив, по разные стороны стола. Сталин вынул бумажку из кармана, подвинулся в новом для него кресле, достал трубку и кiset, и несколько минут набивал трубку и раскуривал ее.

– В целом, я доволен вашей работой, товарищи Филин и Никифоров. Сроки вы выдержали, обещанные результаты – достигнуты. Вам, товарищ Никифоров, присуждена первая премия за 1940 год за создание модификации самолета «И-16», которая превзошла по скорости «Мессершмитт-109Е». Конкурс конструкторов на эту тематику был объявлен Правительством СССР в 1938-м году. В прошлом году эта номинация осталась не разыгранной, в этом году третью премию получили конструкторы Микоян и Гуревич за самолет «МиГ-3», который превосходит «Мессершмитт» на больших высотах. Ваша машина превосходит его во всех диапазонах высот.

– Служу Советскому Союзу. К сожалению, товарищ Сталин, это не последняя модификация «Ме-109». В настоящее время готовится к выпуску «Фридрих», «109F». Он имеет на 70 километров в час скорость больше, чем «Эмиль». Так что, премия немного устарела, поэтому прошу перечислить ее на разработку лавсана, того материала, который вы сегодня видели.

– Я вас понял. Кто в СССР сделал такой материал.

– Я точно не помню, но аббревиатура взята с названия лаборатории, в которой состоялся синтез этого материала. АН – это Академия наук. В – высокомолекулярный, а С – по-моему, соединения. Но существует ли она сейчас, я не знаю.

– Я записал. Но, я приехал не за этим. Я хочу услышать то, что вы знаете о той войне. С самого начала.

– Разрешите я выйду и принесу прибор, с ним работают, мы начали переснимать документацию.

– Да, конечно!

Пока я ходил в соседнее крыло, на столе появился чай, маленькие бублики, варенье, масло и белый хлеб. Сталин и Филин говорили негромкими голосами, и о чем шла речь я не услышал.

– Жалуются на вас, товарищ Никифоров, говорят, что не обедаете, и можете запороть себе желудок.

– Да привык я так: не обедать. Столовка у нас была, мягко сказать, никакая, поэтому я предпочитал на работе обходиться кофе, а завтракать и ужинать только дома. Поэтому, и желудок и фигуру сохранил.

– Ну у нас-то отличная столовая! – возмутился Филин.

– Александр Иванович, поверь: некогда! Вот кофе бы добыть где-нибудь, но в Чкаловске его нет, а до Москвы не добраться.

– Товарищ Никифоров! Вам же выделили людей для охраны и обслуживания. Это – их вопросы! Озадачьте их! У Вас срочная и архиважная работа, поэтому вам и созданы такие условия. Вот и используйте их, в том числе и для организации питания. – сказал Сталин, но в этот момент включился компьютер и разговор сам-с собой сошел на нет. Тут я, действительно, лоханулся. Спрашивали же меня, что хочу на завтрак, обед и ужин. Помнится, что ученые-атомщики тоже не занимались своим бытом, там были домовые кухни, прачечные и полное гособеспечение. И результат!

– Так вот! Это – дислокация наших и немецких войск перед вторжением. Если 1 сентября 1939 года СССР имел 99 дивизий, то к 22 июня 1941 года – 303 дивизии. Численность РККА за этот период выросла почти втрое, до 5,3 миллионов человек, однако, после окончания мобилизации должна была составить 8,9 миллионов человек. Вермахт к июню 1941 года был полностью мобилизован: 7,3 миллионов человек. И это, не считая войск союзников Гитлера. Всего для нападения на СССР было сосредоточено 181 дивизия, в том числе 19 танковых и

14 моторизованных, 18 бригад, в составе 5,5 миллионов штыков, 3712 танков, 47 260 полевых орудий и миномётов, 4950 боевых самолётов. Кстати, штатная немецкая дивизия в два раза больше нашей.

Удар немцы нанесли ранним утром 22-го июня, ровно через год после подписания капитуляции Франции в Компьенском лесу в сороковом году. Три особых округа: Прибалтийский, Западный и Киевский не смогли довести до войск приказ о полной боевой готовности. Флот и Одесский военный округ были приведены в боеготовность и потери при нападении были минимальны. За первые 8 часов войны советская авиация потеряла 1200 самолётов, из них около 900 были потеряны на земле, бомбардировке подверглись 66 аэродромов. Наибольшие потери понёс Западный Особый военный округ – 738 самолётов, из них 528 на земле. Узнав о таких потерях, начальник ВВС округа генерал-майор Копец И. И. застрелился.

Немцам удалось в первый же день захватить господство в воздухе, они не останавливались и не ввязывались в бои с нашими частями, а обходили их, разрывая коммуникации и окружая войска. В ходе боев выяснилась слабая готовность нашей противотанковой обороны: снаряды к 45-мм пушкам оказались бракованными, перекаленными, и не пробивали броню немецких «троек» и «четверок». Противотанковых ружей и гранатометов у пехоты не было. Как и крупнокалиберных пулеметов. Даже бронетранспортеры немцев требовалось подпускать на дистанцию гранатного броска. Начался отход войск, где-то бегство, где-то более или менее организованный. В плен попало до 2 миллионов человек. В армии осталось три миллиона, против восьми немецко-фашистских. А вот, кстати! «Живые и мертвые» по роману Симонова, он в те дни находился в Западном Особом.

Я включил фильм, Сталин вчитывался в бегущие строки создателей фильма. Через некоторое время он сказал:

– Остановите. Чем объясняли военные подобное ротозейство?

– Ну, скажем так, все валили на вас, как обычно. Фактически, удачно выбранное противником время: ночь с субботы на воскресенье, действия абвер-команд, обрезавших проводную связь, отсутствие в Западных округах средств обнаружения и распознавания самолетов, радиолокационных станций. Летчики в большинстве полков находились на квартирах и успели на аэродромы после того, как их техника была уничтожена. Средства ПВО в войсках отсутствуют, они сосредоточены в полках ПВО, которые никаким боком не привязаны к полкам и дивизиям. В передовых частях оказалось мало топлива и боеприпасов, армейские склады были уничтожены с воздуха, за любой автомашиной охотились «мессеры», и, несмотря на отчаянное сопротивление, на второй день у них кончились боеприпасы и горючее, и они были вынуждены сжечь свою технику и отходить пешим порядком. Мой хороший знакомый, бывший замкомандующего 17-й воздушной армией, отходил от Каунаса, Ковно, до Луги по тылам противника. Пешком, два с половиной месяца выходил.

– Летчик?

– Нет, тогда он был горным стрелком, после обороны Кавказа и ранения, стал летчиком.

– Горные стрелки в Ковно? Зачем?

– Их дивизия была обстреляна в Зимней войне, вошли в Прибалтику, так там и оставались до самого начала новой.

Сталин встал из-за стола и заходил по кабинету.

– Да, еще, товарищ Сталин, газеты и радио. Они реально снижали боеготовность, никто не верил в скорую войну. Для большинства она стала огромной неожиданностью.

– Как смогли переломить ситуацию?

– Несмотря на первоначальные поражения, второй и третий эшелон наших войск оказал серьезное сопротивление противнику, и его смогли задержать на переправах через Днепр и другие реки. Научились заранее подрывать мосты, не дожидаясь, когда «Бранденбург» захватит их целенькими. Этим сорвали план Гитлера провести молниеносную войну. Операция

«Барбаросса» затянулась до морозов и подошли дивизии из Сибири и Средней Азии. Сорвали два наступления на Москву, остановили их у Ленинграда. Затем начали контрнаступление под Москвой, удачное, почти. Сильно потрепали группу армий «Центр», вернули Ростов-на-Дону.

– До Ростова дошли?

– Я же говорю, что противотанковых средств у армии не было.

– Что сделали, чтобы ликвидировать пробел?

– В августе объявили конкурс на ПТР, ко времени битвы под Москвой в войсках появились противотанковые ружья Симонова и Дегтярева. Где-то у меня были фотографии. Вот. 14.5 мм с карбидом вольфрама в качестве сердечника. Два года обходились ими, потом немцы усилили броню, и они стали практически бесполезны. По дзотам били. До конца войны использовались. Проще наладить производство РПГ-2, с кумулятивной гранатой. Вот такие. Но ружья тоже нужны, и срочно. Целей для них до конца войны хватало. РПГ стреляет недалеко, и точность маленькая. И стрелять надо из окопа, но не из блиндажа. Серьезные ограничения, поэтому крупнокалиберные винтовки очень пригодятся. Но забронное действие у них слабое. Одним выстрелом танк или транспортер трудно остановить. Кстати, в ту войну ружья очень быстро сделали. За месяц они прошли все испытания, но с карбидом вольфрама были серьезные проблемы до того, как пустили два новых завода на Урале. Сейчас его выпускают в Москве. Завод эвакуируется на Урал, и он будет долго создавать производство на новом месте. Эта проблема, кстати, была самой большой! Вся промышленность у нас сосредоточена в Европейской части. Требуется уже сейчас озаботиться планами переброски заводов в восточную часть СССР. Так чтобы не повторился 42-й год.

– Что было в сорок втором?

– Эвакуация прошла очень удачно, многие заводы вывезли, но в чистое поле. А тут морозы подошли, в общем, выпуск продукции стабилизировался только к концу года, следующего, сорок второго. После достаточно успешных действий зимой, весной наши получили несколько котлов на юге: на Донбассе, под Харьковом и Курском, немцы дошли до Воронежа, и пришлось эвакуировать и 18-й завод. Наступление немцев продолжалось до предгорий Кавказа, и они вышли к Волге. Там состоялось одно из главнейших сражений, в ходе которого зимой 42-го окружили 6-ю армию Паулюса под Сталинградом, и, смогли остановить и немного потеснить противника на Кавказе. Вот карта операций 42-го года. А это – зима сорок третьего.

– А где были англичане? Что они делали? Вы говорили, что они были нашими союзниками?

– Ну, союзники они условные.

– Это понятно!

– Воевали с немцами и итальянцами в Африке. Там же высадились американцы. Осенью сорок второго года. Гоняли их по египетским пустыням, но в конце концов с немцами там справились, когда они танки под Сталинград отправили, Паулюса выручать. В общем, перелом в войне наступил после битвы под Курском. К этому времени наша промышленность наладила выпуск продукции на новых местах. Наверное, пока и хватит информации. С этим бы разбраться.

– Согласен. – кивнул Сталин. Посидел немного, внутренне переваривая полученный объем не самых приятных данных. – Сегодня из Берлина подтвердили закупку оборудования для вашего завода. Место определено на Щелковском заводе «Холодильного оборудования». Другого места нет. Там заканчивают новый цех возводить, готовятся к заливке фундаментов. Половину цеха приказом Комитета Оборона передаем вам.

Вот это номер! Комитет Оборона уже создан! Оперативно! По характеру вопросов и по поведению, он приехал не советоваться со мной, ему это не нужно! От слова: «совсем». Время он выделил на то, чтобы узнать: кто из его людей не выполнил распоряжений ЦК. Записал себе в бумажку, буквально, несколько слов. Всего. Было интересно наблюдать за ним. Лицо

не каменное, живое, ему, действительно было интересно, но... Четко со своей колокольни. Хорошо это или плохо пока понять невозможно. И что у него на уме – тоже. Он не стал что-то говорить о тех выводах, которые он сделал. Упомянул только один момент:

– Слушая вас, товарищ Никифоров, я понял, что вы стремитесь не называть фамилии тех, кто виноват в разгроме Красной Армии в приграничных боях. Чем это вызвано?

– Я не «сексот», товарищ Сталин. Есть пара человек, вина которых особых сомнений не вызывает, но это позволит им уйти от ответственности.

– А двух миллионов человек вам не жалко.

– Я не хочу быть судьей, ни им, никому бы то ни было, вообще.

– Позиция стороннего наблюдателя наиболее удобна.

– Я не наблюдатель! Две машины уже летают, доведем планер на второй, сменим движок, и третья машина полетит.

– Этого – недостаточно, товарищ Никифоров. Должна выступить вся страна. Без этого – мы проиграем. И я не понимаю, почему до вас это не доходит?! Вы же умный человек.

– Может быть, мне не хватает веры?

– Скорее всего! Но веру к делу не пришьешь. Дела требуются! А пока, кроме двух самолетов, из которых может вылететь один, ничего нет. Будьте добры, форсируйте события. Времени у нас в обрез.

– Мы начали изготовление эталонных образцов для копиров. Сколько уйдет времени – я пока не знаю. В таких условиях я их еще не изготавливал.

– Беру на контроль. Ежедневно докладывать, товарищ Никифоров. И привыкайте исполнять мои требования, в том числе, и по докладам. В этом есть необходимость. Иначе бы я не стал никого беспокоить. Само все сделается.

Кривая улыбка «вождя» отчетливо говорила, что ему надоело мое упрямство.

– Мы просто из разного времени, товарищ Сталин. В моем времени никто не станет разговаривать с тобой, если ты «продаешь воздух». «Товар на бочку» – и по-другому не бывает. И качество товара должно быть подтверждено сертификатами испытаний. Если их нет, то «ты гонишь лажу». И свинцовая точка может быть поставлена в конце предложения.

– «И эти люди запрещают мне ковыряться в носу!» – оказывается этот анекдот из того времени!

На этом Сталин встречу не завершил, а прогулялся до помещений ОКБ, куда мы отнесли компьютер, чтобы не останавливалась работа. Поговорил с людьми, осмотрел отведенные помещения и идущие работы. В двух комнатах уже стояли кульманы и работали чертежники, готовя чертежи «Ла-5».

– Почему выбрали эту машину? – спросил он нас.

– Максимальная готовность и наличие складского запаса двигателей в Перми. Вчера двигатели начали отправлять в Новосибирск. Через два дня комплект чертежей и технологических карт самолетом отправим на 153-й завод.

– Отправлять первый комплект поездом! Самолет может и не долететь.

– Самолет DC-3 с родными двигателями, и доставлять комплект вызвался сам Данилин. Это наша штабная машина. (Данилин был Героем Советского Союза за дальний перелет на АНТ-25, Сталин об этом знал.) Второй комплект отправим поездом через четыре дня, чтобы его на месте не множили.

– Хмм, авиаторы! Вечно сплошной риск! Ладно, коль так.

– Товарищ Сталин, чтобы полностью доделать машину, я имею в виду Ла-5 и не только его, требуется создать патрон 23×115. Для этого соединить гильзу тех самых противотанковых ружей 14.5 мм со снарядами пушек «ВЯ». И заказать оружейникам пушки под него. Большинство авиационного оружия в наше время использует этот боеприпас.

– Почему?

– Большое поражающее действие снаряда и меньше отдача, чем у ВЯ. ВЯ больше подходит в качестве зенитного орудия. Есть такие у нас, ЗУ-23–2 и ЗУ-23–4. Устанавливаются на автомашинах и легких танках. ВЯ сильно раскачивает самолет при выстреле, снижается точность. Я знаю, что Березин собирается перестроить свой пулемет на патрон от ШВАК, это займет много времени, и пушка появится поздно, так как менять автоматику придется. С этим патроном хорошее орудие появится явно раньше. У него гильза одинаковая по конструкции с 12,7-мм патроном, она без ранта.

– Я распоряжусь, чтобы Березин приехал к вам, чтобы разобраться с сегодняшним случаем. Вот и переговорите с ним. Так будет проще. Вы ведь, явно, пушки на самолет не поставили потому, что подходящих не нашли. Так?

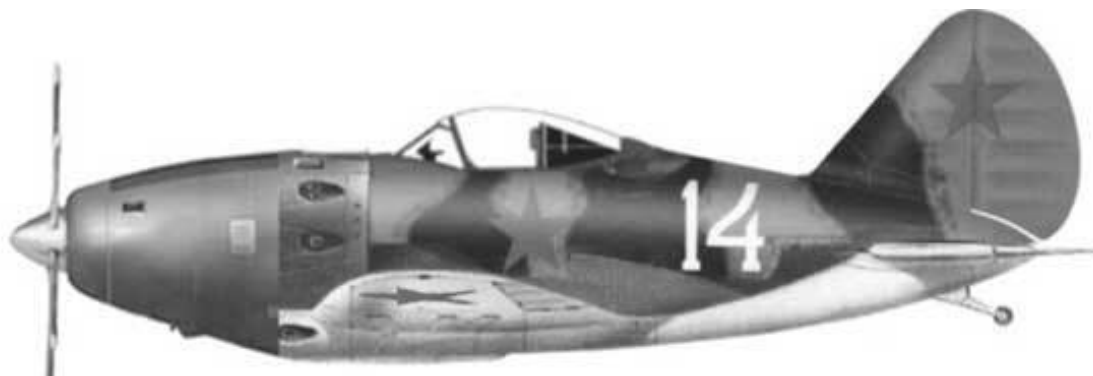
– Так. И пулеметов таких мало. Очень мало. А самолеты у Гитлера бронированы.

Мы проводили Сталина до машины. Перед самым отъездом он сделал мне замечание:

– Вы когда переоденетесь, товарищ Никифоров? Очень выделяетесь! Штаны с какими-то разводами, как гопник!

Это он о моих любимых джинсах! Сам-то, на кого похож! Черт, вылезать из привычных вещей не слишком хотелось, да и со временем было напряженно. А тут еще отсутствие каких-либо документов, как на себя, любимого, так на машину, и права у меня несколько отличаются от общепринятых. В общем, после отъезда «вождя» за меня взялись Филин и появившийся в конце действия Алексей Копытцев. У которого, как оказалось, уже был готов комплект «липы» для меня. Включая учетную карточку трудящегося и удостоверение личности командира РККА. Была и серая книжечка, в которой написано, что могу управлять легковыми и грузовыми автомобилями весом до 5 тонн. Расщедрились! Категорию «С» выдали! Завтра предстоял выезд в Первопрестольную, и не одному, а с сотрудницей оперативного отдела, которая поможет мне потратить деньги. Самому мне не доверяли, еще не то что-то возьму!

Утром, еще до обеда, во фрезерном цеху появился Алексей. Деловой такой! Все осмотрел, со всеми поговорил. Мы заканчивали делать новый фонарь на «Ишак». За основу я взял фонарь «Seafugu», ну, наверное, потому, что очень нравится мне этот самолетик, к тому же он был рекордсменом среди поршневого истребителей по скорости. Плюс там очень оригинальный замок сделан, который обеспечивал сброс фонаря на скоростях свыше 800 километров и без пиропатрона. Поэтому его отдельно рассматривали на нашем курсе. «Препад» наш от «Морской ведьмы» просто тащился! Если ты не знаешь устройства этого замка, значит ты не сдал, и вообще не конструктор. Тут еще сказалось то обстоятельство, что самолет «И-16» от табуретки мало чем отличается! Я этому еще когда его в Новосибирске восстанавливали очень удивлялся. И собственно еще там предлагал и сделал все чертежи для этой машинки. Но мой порыв не оценили. В итоге, пока Алексей болтал с работягами во фрезерной, я убежал в третий ангар с готовым изделием. Алексею и его мадам пришлось туда пешочком тащиться. Он свою машину отпустил, думал, что на моей назад вернется. Заходит в ангар, один, без мадам, ее сюда не пускают, а там вот такой красавец стоит! Копытцев просто застыл на месте.

Машина-то вся деревянная! «И делай с ней что хошь!», как в песне поется. А механики её уже шпаклюют и закрашивают.

– Что ж ты, милый, делаешь! Сталину надо было эту машину показывать! Со всеми переделками.

– Я, что ли, его приглашал? Александр Иванович постарался! Звони ему. Пусть погоняет ее, а то же мы вчера решили, что мне в Москву надо попасть. Вот, чтобы время не терять, заодно и покажем, что сделали, и результат скоростных испытаний предьявим. Осталось убрать костыль и с новым «Мессером» по скорости сравняемся.

Приехал «шеф», и первое, чем возмутился:

– Почему рацию сняли?

– Да никто ее не снимал. Передающую антенну в стабилизатор поставили, а принимающую с двух бортов под обшивкой пропустили. Дерево же, не экранирует.

– Макеты стоят?

– Нет, два БС и крыльевые ШВАКи, 250 патронов на ствол у всех.

– Так говоришь, в Москву? Ну, что Алексей Иванович, придется после полета нам с тобой тоже ГУМ посетить, ну и *хозяйина* навестим. Не возражаешь?

Выставили наблюдателей на мерных линиях, намерили 547 у земли, 618 максимальную и 580 маршевую. Оформили бумаги испытаний, и поехали в ГУМ. Тут оказалось, что здесь, в ГУМе, уже вовсю «застой» начался. Алексей пошептался с кем-то, предьявил свою «ксиву», нас провели в другой зал, где ни одного посетителя не было. Переодели меня в костюм и пальто, импортные, итальянскую шляпу на голову соорудили. Подплечевую кобуру приспособили под пиджак. Покрутили меня и так, и так. Показали вытянутые вверх большие пальцы и через два часа мучений мы остановились, втроем, перед столом Поскребышева. Филин объяснил цель визита.

– Посидите, у товарища Сталина посетитель, затем выезжает по делам. Я сообщу ему, как он освободится.

Ждать пришлось недолго. Из кабинета вышел Лавочкин, который увидел Филина и кинулся обратно в кабинет Сталина. Поскребышев снял трубку, подтвердил, что мы находимся у него, но пригласил пройти только генерала. А мы зависли. Затем вышел Лавочкин, с очень недовольным лицом, лишь после этого нас с Алексеем пригласили пройти.

– Мне уже доложили, еще раз поздравляю, товарищ Никифоров. Покажите! – я включил планшет и передал его Сталину.

– Пальцем перелистывайте, товарищ Сталин.

– Слушайте, а почему такие же не сделать всем членам правительства?

– А я этого не умею, товарищ Сталин. Я видел один раз как это делается, но эти технологии пока недоступны.

– Ладно, вернемся к этому позже. Красивый самолет. То есть, этого самого «Фридриха» вы догнали?

– Если убрать «костыль», то еще 10–12 км в час прибавим.

– Ну, это уже в ходе доработок. Лаборатория, про которую вы говорили вчера, существует. Образцы они получили, ваши формулы я передал. Посмотрим, а пока, разворачивайте производство носовых накладок на «И-16». Генерал Филин, проработайте процесс переучивания летчиков и техников на эти машины. Необходимо сделать это так, чтобы противник не получил сведений об этих работах. Американский двигатель снять и передать в ОКБ Климова в Ленинград. Он будет на днях. Снимите с двигателя ярлык производителя. Этого достаточно.

– Там почти на всех деталях год выпуска и название фирмы. – сказал я.

– Шила в мешке не утаишь, товарищ Никифоров. Эти вопросы решить с Климовым. Товарищ Копытцев, возьмите это на свой контроль и свяжитесь с ленинградскими товарищами. Пусть обеспечат секретность этих разработок. Извините, товарищи! Вынужден с Вами попрощаться. Мое время истекло. Товарищ Никифоров, для вас пакет у товарища Поскребышева. Получите. Хорошо выглядите.

Пока я получал пакет, Сталин вышел из кабинета, мы все вытянулись, провожая его взглядом, как положено. У самой двери он повернулся и сказал:

– Александр Николаевич, пригласите всех троих на трибуны. Святослав Сергеевич, я помню, как вы просили распорядиться премией. Указанная сумма переведена на счет лаборатории. Но этих денег это не касается. Это за «Фридриха». Молодцы, и очень оперативно. Так и работайте.

В пакете лежал диплом об окончании МАИ, первого факультета, с одним прочерком в приложении: по философии и истории партии. Удостоверение лауреата Сталинской премии, медаль с его профилем и лавровой веткой в коробочке, бумажка, сейчас бы ее назвали сертификатом или ваучером на получение персонального автомобиля «М-1» и сберегательная книжка с единственной записью: 150 000,00 рублей.

Когда спустились вниз и сели в машину, Филин рассказал, что делал Лавочкин у Сталина. Он отбрыкивался от перемоторивания «ЛаГГа! Он против всеми фибрами души, ибо это ведет к утяжелению машины, увеличению лба, неизвестно, что делать с носовой частью фюзеляжа, она попросту сгорит. Сталин выслушал его, сослался, что документ пришел из НИИ ВВС, что он должен решать это там. Позвонили по просьбе Лавочкина в Институт, а мы были в уже в Кремле. Филин вытащил из планшета генеральный вид самолета, и передал его Сталину. Тот спросил у конструктора: это Ваша подпись? Тот подтвердил, что подпись его, но отказался, что когда-либо видел эту «синьку» и чертеж для нее.

– Что вы мне, товарищ Лавочкин, голову морочите и вводите всех в заблуждение! Подписали – исполняйте!

Мы поохотали, и вернулись на первый этаж ГУМа. Требовалось отметить Госпремию и потепление отношений со Сталиным. Стоим и выбираем между шустовским «Ахматаром» и новейшим «Юбилейным», посвященному 20-летию юбилею революции. «Шустов» – гораздо интереснее, но стоит под сотню. «Юбилейный» – дешевле. Склонились, что пары бутылок того и другого, каждого, проще говоря, будет достаточно, тем более, что и еще есть разный, и гости будут точно. Белужья икра, балык трех видов, буженина, профессионально порезанная, лимоны и всякая всячина. Машина большая и повод есть значительный. Что скупись?

Мы тогда не знали, что в это же время, пока мы обсуждали меню, состоялся тяжелый разговор между Семеном Лавочкиным и дядей его жены. Тот был старшим сыном семейства Герцева Гольцмана с Адесы, младшей племянницей которого была Роза Герцевна Лавочкина, скромный библиотекарь в Ленинке.

– Щё??? Щё случилось, Сёма! На тебе лица нет! Ты хде его потерял?

– Я от Сталина, дядя Изя. Глядай, шо от нас хотят! И он настроен категорично: давай продукцию! Погляди, какая падла рисовала это, это, я не могу слова подобрать, чтобы не выру-

гаться. Ойсгерисн золстн вэрн. (Непереводимая игра слов и выражений, выражающая полное негодование к тому, кто это сделал.)

– Щё, щё такое? Это у тебя откуда? Иде ты это взял, Сёма?!

– В кабинете у Сталина. Кто делал этот чертеж? Это твоя епархия, дядя Изя! Ты начальник отдела документации.

– Я, милый, я. Э, похоже, что это я делал этот чертеж, смотри, это мои стрелки, моя циферка «два» и «восемь». Тогда вот тут должна быть моя подпись. Ой, зол дайн мойл зих кейнмол нит фармахн ун дайн хинтн – кейнмол зих нит эфэнэн! Она здесь есть! Вот! Я все свои работы подписываю здесь. Смотри. Это – она! Но я этот чертеж не делал! Я никогда не видел такого эскиза или даже наброска. Но, Сёма! Гляди сюда! Здесь перечень всех чертежей и технологических альбомов! Ты показывал ему на «это»?

– Конечно, дядя Изя. «Он» сказал, что через два дня привезут все. Смотри! – Симон Альтер передал дяде приказ Комитета Оборона СССР, несмотря на то, что на нем стоял гриф «Совершенно секретно». Несколько минут дядя вчитывался в документ, и постепенно расплылся в улыбке.

– Ой вэй, Сёма! Щё ты гонишь волну? Если это так, то кто-то за нас сделал это адцкий труд, и записал все на нас! Ты гляди! Буковок «ГГ» на чертежах просто нет! Написано «Ла-5», и все! О чем говорят эти буковки? Ты понимаешь это? Гляди сюда, Сёма! Это еще три завода, куда надо передать документацию и технологические карты. А здесь! Ты смотри, какая сказка записана здесь! «Без ограничений выпуска». Это же золотое дно, Сёма! Это же калабат шабат какой-то. Так не бывает! Но это случилось! Так что, ша! Шо тебя лично не устраивает?

– Я не делал этот самолет! Это не моя работа!

– Это наша работа, Сёма. Мы ее сделали, по всем документам. И мы получим эти дары Яхвы! И не гневи бога! Он улыбнулся тебе.

– Пригласили в НИИ ВВС посмотреть на готовую машину.

– Вот это делать не надо! Найдется кто-нибудь, кто скажет «ему», что ты смотрел на нее, как баран на новые ворота. Придут документы, Сёма, делай машину по ним, и запускай ее. Со своими я поговорю, что это сделали они, а будут болтать – оставлю без премии! Господи! Благодарю тебя за присмотр за нами, детьми неразумными! Иди Сёма, порадууй Розочку, передай ей мой поклон и благословение! Здравья ей, и долгих лет жизни!

А мы возвращались в Чкаловск, маленький гарнизон, названный так еще при жизни Валерия Павловича. Собрались у меня в домике начальника или главкома ВВС. Это на самой южной оконечности аэродрома, даже дальше, чем фрезерный участок и восточнее. Зато тихо, никаких строений вокруг. Примерно в полутора километрах отсюда на северо-восток маленький разъезд «Сорок первый километр». Знаменательное название. Теперь он носит название платформа Бахчиванджи. Старший лейтенант Гриша Бахчиванджи – летчик испытательного полка, служит у нас в «моторной группе»: занимается испытаниями новых двигателей. Видел пару раз, я же пока совсем недолго в полку, а здесь такие «мамонты» от авиации собрались. Завел под коньячок разговор с Александром Ивановичем о провозных. Он меня «порадовал», что теперь мне это запрещено оперативным отделом НКВД. Ну, спасибо! Это я Алексею сказал, а тот – обиделся. Он, вообще, молодой, горячий и прямой, как палка.

– Слава, да я в день на тебя получаю столько «жалоб», что их уже складывать негде!

– Вот интересно, на что жалуются?

– Ну, во-первых, ты – поешь.

– И что? Слуха нет? Вообще-то, в музыкальной школе я учился, и никто не говорил, что у меня его нет.

– Да причем тут слух?! – ответил Алексей.

– А что тогда? Голос? – я пропел гамму «До-мажор» без всяких проблем. – Могу выше и ниже: Ля-минор или Фа-мажор. Дело-то в чем?

– В словах, Слава, в словах! «Если у вас нет собаки, ее не отравит сосед...». Ну что за репертуар! Вот и приходит письмо от жестяницы Алексеевой, что ты отравил ее собаку. Вот только было это в мае, когда тебя не было в гарнизоне.

– Да все собачники малость того, у нас с женой собаки были, Шоло, Шолоитцкуинтле, одни из лучших в мире. Так собачники нас просто ненавидели, хотя мы им не мешали, и даже на выставки не ходили. Просто своим присутствием в стране отравляли им жизнь.

– Да, ладно тебе. Слава. Смени репертуар, и все будет в порядке.

– Ты думаешь? – я встал с дивана, на одной из стен висела гитара, еще от расстрелянного Алксниса осталась. Малость рассохлась, но настроил ее я довольно быстро.

Я – «Як»-истребитель,
Мотор мой звенит.
Небо – моя обитель.
А тот, который во мне сидит,
Считает, что он – истребитель.

В этом бою мною «Юнкерс» сбит,
Я сделал с ним, что хотел.
Но тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою я навывлет прошил,
Меня механик заштопал,
А тот, который во мне сидит,
Опять заставляет в штопор.

Из бомбардировщика бомба несет
Смерть аэродрому,
А кажется, стабилизатор поет:
«Ми-и-и-р вашему дому!»

Вот сзади заходит ко мне «Мессершмитт».
Уйду – я устал от ран.
Но тот, который во мне сидит,
Я вижу, решил на таран!

Что делает он, вот сейчас будет взрыв!..
Но мне не гореть на песке,
Запреты и скорости все перекрыв,
Я выхожу на пике.

Я – главный. А сзади, да чтоб я сгорел!
Где же он, мой ведомый?!
Вот он задымился, кивнул и запел:
«Ми-и-и-р вашему дому!»

И тот, который в моем черепке,
Остался один – и влип.
Меня в заблужденье он ввел, и в пике

Прямо из мертвой петли.

Он рвет на себя, и нагрузки вдвойне.
Эх, тоже мне летчик – ас!..
Но снова приходится слушаться мне,
И это в последний раз.

Я больше не буду покорным, клянусь,
Уж лучше лежать в земле.
Ну что ж он, не слышит, как бесится пульс,
Бензин, моя кровь, на нуле.

Терпению машины бывает предел,
И время его истекло.
И тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то! Лечу налегке,
Последние силы жгу.
Но что это?! Что?! Я в глубоком пике.
И выйти никак не могу!

Досадно, что сам я немного успел,
Но пусть повезет другому.
Выходит, и я напоследок спел:
«Ми-и-и-р вашему дому!»
«Мир вашему дому!»

– Славка, слышь... Ты, это, при моих мужиках ее не пой. По-человечески прошу. – сказал прослезившийся генерал Филин. – А шаз, сбацай еще что-нибудь, до слез проняло. Давай!

Ну, спел я, и про «ИЛ», и про «Их – восемь», и про подсолнух, и про испытателей.

– Кто это написал? – спросил Алексей.

– Высоцкий, только ему сейчас три года. Это отголоски войны, а не сама она.

Допелся! Аннушка, горничная, нам закуску принесла, и пепельницы вынести решила. А лицо все заплаканное. Опять кто-нибудь донос напишет. И про штилеты (кроссовки), и про маечки с надписями на иностранном.

– Так, с лирикой закончили! Александр Иванович, вы не в курсе, в Щелково стекольный завод уже работает или его еще нет.

– А фиг его знает, не интересовался. Леш, ты знаешь?

– Нет, не помню. Хотя постой, что-то со стеклом делают. Для аптек склянки льют.

– Отлично! Мне нужно переговорить с их главным инженером. Фонарь для «Ишака» мы сделали, но мы выдавили его из акрила, плексигласа.

– Ну, прекрасный фонарь получился.

– Через месяц его надо будет менять. Качество у него весьма паршивое, под солнцем он быстро пожелтеет и станет матовым. Мы сделали две формы, которые позволяют выпрессовать такие фонари из закаленного стекла. Причем одна входит в другую, если плекс перевести в метилметаакрилат мономерный, то его можно, при температуре кипящей воды в 100 градусов или чуточку больше, запрессовать между этими стеклами. После охлаждения мы получим идеальный фонарь. Стекло перестанет колотиться и рассыпаться, а плекс перестанет желтеть и

царапаться. На плекс с внутренней стороны можно положить нихромовую проволоку, чтобы удалять наледь от дыхания на больших высотах или зимой. В общем, надо бы завтра с ним переговорить.

– Завтра не получится – воскресенье.

– Как воскресенье? Уже?

– Угу.

– Две недели и почти в пустую!

– Ну, нахал! Нейдется ему! Садись и пей! Твою премию отмечаем. Ты думаешь они с неба так и сыпятся? Ни фиги!

– Так мы его по-человечески пригласим, на рюмку чая. Вон, Лешку пошлем, и пусть попробует не приехать.

– Ну, ты и змей, Слава! Нашел кого посылать! Старшего майора! Он же его живым не довезет, помрет со страху по дороге. А клей такой у нас есть. Нам его присылают плекс клеить. Только он ядовитый здорово, дихлорэтан называется. Туда крошат плекс, растворяют его, а потом клеят.

– Вот и отлично. Тогда надо будет заказать у гражданских два типа стекол, а их склейку наладим в институте. Пресс-формы для обоих готовы, размножить их методом отливки могут на месте, впрочем, там надо трубку для нагрева запрессовать. Не знаю: справятся – не справятся.

– Ну, привезу я тебе инженера, привезу. Живым постараюсь!

Проснулся утром, голова вроде не болит, в квартире убрано, все чисто, даже не слышал, как убирались. Прошел на кухню кофе сварить, чтобы их бурду не пить. Не умеют здесь кофе готовить, а там Аннушка его уже моим способом варит, снимая всплывший кофе с подошедшей к кипению джезвы.

– Доброе утро, Святослав Сергеевич. Проходите в столовую, завтрак готов, сейчас подам.

Пришлось развернуться и следовать в указанном направлении. Их двое, вообще-то, вторую, вроде, Карина зовут, высокая такая, темноволосая и не очень улыбчивая. Но у них какие-то смены, в общем, не поймешь: кто – когда, видимо, чтобы «клиенты», вроде меня, к не привыкали, а воспринимали их как службу, только. Психологически верно.

– Пожалуйста, Святослав Сергеевич.

– Спасибо.

– Душевные вы вчера песни пели! Война будет?

– Будет, милая, будет.

– Скоро?

– Уже скоро. – она тяжело вздохнула и выскочила из столовой. Завтрак был обильный, на таком я скоро в телевизор влезать не стану, как Гайдар, поэтому сам себя ограничиваю. Инженера не везут, видать что-то не срастается. Сегодня в АРМе практически никого нет, полетов тоже нет, в домиках до забора, кроме срочников, абсолютно никого нет. Только Филин да Золотаревич могут пробежаться по ангарам, и пометить места, за которые требуется прописать дрозда их владельцам. Двадцать седьмое октября. Пасмурно, легкие снежинки летают отдельными мухами. Накинул летную куртку и пошел в тир полковой. Взял за правило пару раз в неделю заниматься этим бесполезным занятием: пытаться попасть в центр мишени из тяжеленного «Браунинга». Там меня и нашел Алексей с каким-то дедком. Инженера на стекольном заводе не оказалось, так что льют они склянки без него. Георгий Иванович стеклом занимается всю жизнь. Седой, как лунь, с жиденькой бородачкой, пальцы на руках насквозь пропитались никотином. На нем короткое драповое пальтишко и горло замотано клетчатым серо-черным шарфом. Жалуется, что оторвали его от яблонек, которые он хотел на зиму укрыть от зайцев.

Проехали в мастерскую, показал ему акриловые 3 и 6 мм заготовки для фонаря рассказал, что хочу, показал чертеж и пресс-формы.

– Ну, отчего не сделать! Сделаем, мил человек. Только об этом надо с директором порешать, в план включить.

– Ну, а если частным порядком, мы оплатим. Есть у меня еще один заказик, малость посложнее. – и я показал ему чертеж резонатора Фабри-Перо четырех размеров. – Здесь важно параллельность вот этих вот зеркал выполнить, так чтобы отраженный свет приходил в ту же точку. Вот это зеркало должно быть абсолютно непрозрачно, а это иметь 95–96 % проницаемости. Ртуть не годится и серебро, тоже. Золото. И вот такие электроды впаять, точно на оптической оси зеркал.

– Ну, мил человек, как-то давненько заказывал нам примерно такой приборчик господин профессор Лебедев, только в середине зеркальце стояло под углом.

– Так вы лампы для рентген-аппарата делали?

– Для него, милай, для него. Столик для такой работы у меня имеется, с зеркальцами, чтобы уголки выставлять. Поколдуем мы с Митричем. Скоро, барин, не обещаю, но к святам сделаем. Стекло – материал мягкий, податливый, так что за уголки не беспокойся, господин-товарищ-барин. Но, две тыщи рубликов, каждому, вынь да положи. Ну и за материалы.

«Ох, не ценит себя народ! Ох, не ценит!» – ударили по рукам, полторы тысячи на материалы я ему отсчитал. Он обещал счета предоставить.

– Поскажи, товарищ Нестеренко (мне такой псевдоним местные телефонисты придумали), пошто такой сложный приборчик заказал?

– Ну, если получится, то он вам будет помогать нам фонари делать.

– Инструмент, значитца. Теперь понятно, сделаем в лучшем виде!

От рюмашки водки дедок не отказался, выпил и закусил капусткой, и огурчиком похрустел. Его отвезли к его яблонькам, снабдив его записью телефона станции полка, позывным, отзывом, добавочным номером и тем, что звать надо полковника Нестеренко. Будет говорить он или его адъютант.

– Тащ Никифоров! Я сегодня глянул в трубу, как вы стреляете. Это ж позорище какой-то. Такие золотые руки, и так стрелять!

– Да я сегодня стрелял в четвертый раз в жизни. Два раза из них из автомата. В среду впервые из пистолета четыре выстрела сделал, и рука заболела. А вот сегодня уже двадцать выстрелов. И ничего, вроде не болит.

– Везет! А я настрелялся по самое не хочу. Давайте я вам покажу, как это делается, иначе только жечь патроны будете.

И мы вернулись в тир.

В понедельник с утра в Чкаловском начала работать целая «комиссия НКАП». Понаехали со всех КБ, видать сведения о премиях проскочили куда не следовало. Меня от нее спрятали в третьем ангаре, на суд «лучших в мире самолетостроителей» выставили только первую переделку «Ишак», без винта. Больше всех шумели Шахурин и Яковлев, с пеной у рта доказывая, что не мог «Ишак», даже с таким носом, превзойти «Мессершмитт-109 «Е». Машина стояла без винта, на козлах, ей «убирали» костыль, поэтому летать она не могла. Вторую машину я готовил к демонтажу двигателя. С нее снимали вооружение, да и допуска в ангар ни у кого не было. Но, Яковлев помнил, что машина, которой Сталин уделил много внимания, вышла из ворот этого ангара. Его «ББ», который разбился, стоял в соседнем, а остальные ангара Сталин не посещал, а там стояли несколько «Яков», в том числе «Як-1В», с помощью которого он хотел получить премию за скорость на высоте, как Микоян и Гуревич. Однако, генерал Филин стойко держал оборону, и только показал оригиналы записей стартовых инспекторов института при замерах. На вопрос Шахурина:

- Почему на официальный замер не были приглашены представители НКАП?
- Таковы были указания товарища Сталина.

Спор несколько утих, спорить с мнением руководства никто не решился. Через два часа делегация удалилась, оставив кучу окурков в кабинете Филина и двух человек в его приемной. Но у них были подписанные в оперативном отделе НКВД командировочные удостоверения в НИИ ВВС в распоряжение товарища Нестеренко. Фамилия одного была Антонов, второго Лозино-Лозинский. Меня высвистали из третьего ангара, и я впервые посетил собственную «тюрьму» или кабинет.

Филин привел обоих, но приглашал их поодиночке. Глеба Евгеньевича я помню глубоким стариком, приходилось несколько раз пересекаться три года подряд, когда работал на доводке Су-27ИБ. Сейчас ему 31 год, и он работает в Харькове на турбогенераторном заводе, но по авиационной тематике. Он проектировал паротурбинный двигатель для самолета Туполева, который никогда не взлетит. (Много позже эти наработки будут использованы им для другого проекта, атомного самолета, но это будет много позже) Тему НИИ ВВС закрыло на основании тех данных, которые предоставил я. Сидит, губы поджаты, знаю я это выражение у него. Так он всегда показывал свое недовольство.

– Глеб Евгеньевич, мы хотели бы предложить вам принять участие в разработке газотурбинного двигателя с приводом на сверхзвуковой винт в качестве ведущего конструктора.

– Я утопиями не занимаюсь! Меня сняли с перспективнейшего направления работ и предлагают заняться тем, чего быть не может. Разрушаются винты при превышении линейной скорости законцовок в 343 метра в секунду. Это нам еще в институте говорили.

– То есть, вы не желаете выполнять задание Советского правительства под номером 3951/40.

– Я не понял, это что, не личная инициатива, а государственный заказ? И как вы смогли протолкнуть эту утопию?

Про упрямство Глеба Евгеньевича в МАПе легенды ходили, поэтому с наскака его было не взять! И показывать ему фотографии до подписания им допуска «три нуля» нельзя.

– А как вы думаете, почему законцовки разлетаются в щепки.

– Да какие щепки? Сталь гнется!

– А если ее предварительно согнуть?

– Как это: согнуть?

И я вытащил из стола чертеж В-509А-Д7, уже перечерченный в нашем ОКБ. Это был ступор. У него зашевелилась левая рука, когда он видел решение, он всегда начинал сжимать и разжимать пальцы левой руки, произвольно. Ключуло! Ой, ключуло! И я подвинул к нему бланк допуска.

– Это бланк допуска «Особой Важности», ОВ, его предстоит подписать прежде, чем вы получите возможность познакомиться с материалами.

Глеб Евгеньевич на секунду перевел взгляд на бланк, и вернулся глазами к чертежу, правой рукой доставая ручку из кармана. Сбросил пальцем колпачок, и, почти не глядя, подписал бумажку о том, что больше не принадлежит к обычным людям, и все, на что он может рассчитывать, это заседание особого присутствия при Верховном суде СССР на закрытых слушаниях.

– Тогда еще и заявление о переходе в ОКБ НИИ ВВС СССР на должность начальника отдела движения.

Тут душа очень веселого человека, коим был Лозино-Лозинский, не выдержала, и он усмехнулся.

– Что, двигаться будем со скоростью звука?

– И выше, Глеб Евгеньевич.

Я убрал со стола бумаги, подписал заявление, передал ему и попросил его зайти в соседний кабинет к старшему майору Копытцеву.

– После того, как с ним поговорите, подождите меня в приемной.

– Мы так и не познакомились.

– Святослав Сергеевич. Остальное вам объяснит старший майор. До встречи!

С Антоновым было проще, он, оказывается, был на приеме у Сталина, который пообещал ему собственное КБ, и не в Ковно, куда его собирался сплавить Яковлев, а здесь, в Москве или на одном из новых заводов, девять которых заложили по всей стране еще полгода назад. Единственное условие, которое поставил Сталин: немного поработать во вновь созданном ОКБ НИИ ВВС замначальника ОКБ. Недолго, чтобы познакомиться с новыми требованиями к новой технике и набраться опыта в руководстве конструкторским бюро. Опыта у Антонова хватало, но перечить Сталину он не решился. Дескать, малость посижу, не особо высовываясь, а там глядишь и собственное гнездо начну вить. Я его не стал расстраивать, что он попал, и попал крепко. С бланком новых списков и Лозино-Лозинским направляемся в третий ангар.

– Вот, примерно, то, что Вам предстоит сделать, Глеб Евгеньевич.

– А где обещанные винты?

– Для этой мощности двигателя они избыточны. Самолет летает без них со скоростью 618 километров в час.

– Мне кажется или задняя часть – это «И-16».

– Да, это он. Так что ОКБ будет заниматься земными делами, а вы – перспективой. Требуется турбовинтовой двигатель мощностью до трех тысяч сил, с тремя вариантами отвода отработавших газов: вправо, влево и в обе стороны. Двигателю предстоит стать основным двигателем в нашей авиации в ближайшее время. Особое внимание на начальном этапе уделите лопаткам газовой турбины. Некоторое количество таковых есть в ЗИПе. Такие материалы у нас не выпускаются. Большая часть чертежей выполнена на английском языке и в дюймовом стандарте. Это еще одна сложность. Вам в помощь придается КБ товарища Климова и завод в Ленинграде. Они с турбинами не работали, поэтому и было решено привлечь к этой разработке Вас. Главным конструктором двигателя товарищ Сталин определил Владимира Климова. НИИ ВВС считает, что к ним в обязательном порядке необходимо подключить турбиниста. Мой выбор пал на Вас.

– Постараюсь не подвести, Святослав Сергеевич.

– Климов появится сегодня или завтра. Времени у Вас немного, вон там раздевалка, будем снимать его с машины. А перед этим съездим в инструментальный цех, где готовятся эталоны для винтов, в том числе, и В-509А-Д7, который вы видели у меня в кабинете.

Мы ушли переодеваться, а когда вышли из раздевалки, то увидели Антонова, ходящего вокруг «И-16бм». Увидел нас, замахал руками, и двинулся к нам навстречу.

– Это о нем сегодня до хрипоты спорил наш Нарком?

– О нем, только у нас теперь новый «Нарком». ОКБ напрямую подчиняется товарищу Сталину.

– Я в курсе уже. Теперь я верю, что он обогнал «Мессершмитт».

– Он обогнал другой «Мессер», с тем справился тот, который вы видели утром. А «Фридриха», Ф-модификацию, еще никто не видел, но у нас есть его характеристики. Так, ладно, давайте проедем по местам, на которых будет базироваться наше опытное производство. Задача стоит очень сложная: наладить производство новых изделий, большая часть которых в СССР никогда не производилась.

– Насколько я понял, товарищ Нестеренко-Никифоров, вы работали не у нас, чуть ли не в Америке, и мне приказали присмотреться к новым приемам организации производства и планирования.

– Да нечего пока планировать, станки для нас еще только закупили, ждем поставки из Германии.

– А вы литер им присвоили?

– А получатель должен этим заниматься?

– Нет, конечно, но если есть внимание со стороны руководства, то это можно организовать дополнительно, так называемый «встречный литер». У Яковлева для этого в транспортном отделе КБ сидело пара человек, со связями в НКПС. И грузы для нас шли значительно быстрее. Чем для остальных.

– Не сомневаюсь, что «серые схемы» значительно удобнее. И мзда небольшая: подумаешь пара лишних человечков, главное – они нужные и за госсчет. Но, ко ли упомянули, попробуйте протолкнуть наши вагоны.

Этот разговор состоялся уже в машине, и через пять минут прервался из-за осмотра фрезерно-инструментального участка. Здесь несколько фрезеровщиков и модельщиков вручную создавали эталонные образцы, по которым будут скользить копиры станков-полуавтоматов, создавая серийное изделие. Увидев, наконец, саблевидную лопасть, Глеб Евгеньевич расстроился!

– Она же дико тяжелая!

– Во-первых, вы чуть не испортили эталон. Без перчаток к нему прикасаться нельзя. Вон перчатки лежат. Во-вторых, сама лопасть будет изготавливаться из сплава В95 (Al – Cu – Mg) и термоупрочняться. А это стальной эталон, по которому будут изготавливаться сами лопасти. Как видите – 11–12 класс чистоты. Малейшая пылинка или жирное пятно, и лопасть пойдет на вторичную переработку. Горы отходов и брака мне не нужны.

– Дешевле было бы штамповать дюралевые детали.

– Да, первичная обработка будет с помощью штампа, это позволит снизить количество отходов, но качественную пресс-форму для него можно получить, только обжав подобный эталон. Вон штампы готовят, видите.

– А это что за пленка? Я такой не видел.

– Фторопласт-4, толщиной 0,005 мм. Ее у меня совсем немного, в Союзе его не делают. Очень удобна для получения разъёмных литевых форм.

Когда сели обратно в машину, Лозино-Лозинский, который работал на крупном заводе, задумчиво сказал:

– В Харькове работяги вас бы в темном месте отловили, и мало бы вам не показалось, Святослав Сергеевич. Мысль – замечательная. Здесь работает шесть человек...

– Восемнадцать плюс три мастера, в три смены.

– Не важно. С восьмьюми разрядами, не меньше.

– Ну, сетка не позволяет дать им разряд выше.

– А обеспечат они работой тысячи людей со вторым и третьим разрядом, и даже учеников. Но вот скажите, чем эта элита будет потом заниматься? В домино рубиться?

– Ну почему? Если основной работы нет, будем брать стороннюю. Это же деньги, большие деньги: наладить серийное производство.

– А по поводу фторопластов, – вставил Олег Константинович – надо бы Сергею Николаевичу позвонить, Ушакову. Когда нам для «Аиста» подобный материал понадобился, он его довольно быстро сделал. Вы разрешите, Святослав Сергеевич?

– Да, указания Копытцеву я дам. По-другому не получится. И вообще, Олег Константинович, вы московскую кухню лучше меня знаете, буду благодарен, если конкретных людей будете подбрасывать, только не из ведомства Кагановича и Со. Я имею ввиду: не из толкачей.

– Да, я понял.

– Тогда вернемся в третий ангар, дадим Глебу Евгеньевичу заняться двигателем, а сами съездим на стройку в «Холодильник». Я там еще ни разу не был.

Олег Константинович имел талант организатора, и чувствовал себя в Москве и в Наркоматах, как рыба в воде. С его помощью начали значительно быстрее обрастать кадрами.

Большое начальство предпочитало этими вопросами не заморачиваться. Оставались вакантными шесть мест начальников отделов, но брать их было не откуда. Дефицит кадров с хорошим образованием и опытом был страшный. Интернета не было (и слава богу), газеты пестрели объявлениями «Требуется, требуются, требуются», в свободном плавании практически никого не было. Попытались подобрать человека по объявлению в транспортный отдел, Копытцев его «зарубил» и поздравил с первым выловленным немецким шпионом. Проверку товарищ не прошел и завалился. Вместо него прислали из Рязани лейтенантика из автомобильного училища. Впрочем, все когда-то начинают! Закончилась еще одна неделя, прибыли станки из Германии, ничего, не задержались и не потерялись. Засуетилось немецкое посольство, дескать, фирма-производитель, по контракту, желает произвести пуско-наладочные работы закупленного оборудования. А «Холодильник» в ста метрах от нашего забора, и взлет-посадка идет прямо над цехами. Копытцева вызвали в Москву, и, черт побери, на «Холодильник» приехала целая немецкая делегация! А у меня готовы винты для всех трех машин. На всех стоят новые фонари, убран гаргрот, наземные испытания оружия под шестилопастные винты закончены. Надо летать, а тут под боком немцы. Четвертое ноября, понедельник. Недаром понедельник считается тяжелым! Да и День поляцких оккупантов к тому же. Я решил проблему звонков Сталину, сразу как появился адъютант. Сводку я давал ему, и тот звонил Поскребышеву, передавая тому ежедневную сводку о проводимых работах. Ну, я – умный! Всех надул, и волки сыты, и овцы жирные, и живые. А тут такая задница. Ладно, повод есть, первый день собираем опытные изделия. 15 штук собрали. Надо звонить и выгонять фрицев с нашей территории! Сел в кресло, рядом кремлевская вертушка. Она ни разу при мне не звонила. Меня тоже игнорировали, как класс. Тут чайник закипел, я себе кофею заварил в толстой керамической чашке. Из-за «кремлевки» кипятком плеснул на стол. Звонок, громкий, требовательный и непрерывный.

– Товарищ Нестеренко? С Вами будет говорить товарищ Петров. – шелчок, молчание и низкий тихий голос Сталина.

– Товарищ Нестеренко, каким образом решался вопрос с дефицитом топлива у вас?

– Не было никакого дефицита, перебои с бензином бывали, раньше, но сезонные, в период уборки или отпусков. Стоп, я понял, о чем вы! Вспомнил! Перед войной, в конце сорокового года, были остановлены разведочные работы в Приволжском нефтеносном районе. Они не дошли сто или двести метров до пласта, и буровые были остановлены. Продолжили это в сорок шестом на тех же буровых, и получили нефть. Очень большой бассейн. Еще она есть в районе реки Белой, и на Нефтяных камнях в Баку. Это острова справа от входа в Бакинскую бухту, восточный остров. Кум, по-моему, и отмель у мыса Сан... Сангачал. Или что-то в этом духе. Это южнее Баку, прямо в море, там тоже есть остров, плоский такой, но вышки стоят по всему району. Прямо в воде.

– Харашо, товарищ Нэстэрэнко. Ми, видимо, гаварим аб одном случае. Жду вас сегодня в час-ноль-ноль.

Опять злится! Чё злиться-то? Я, что ли, виноват в том, что меня этот проклятый «ЗиС» сюда отправил? И, черт, я ему не успел сказать, то что требовалось. А это – срочно. Снимаю трубку, смотрю в справочник, ответ телефониста:

– 27 «А», «Голубизна», Нестеренко, товарища Петрова.

– Ожидайте, соединяю. – слышу голос Поскребышева, повторяю позывной.

– Ожидайте! – И тишина, хорошо, что музыку не включают и не передают каждую минуту: «Ждите ответа оператора, ждите ответа!». И трубку не положишь, уже представился. Через семь минут Сталин отозвался.

– Петров у аппарата, слушаю вас, товарищ Нестеренко! – надо бы позывной сменить, достали уже.

– Закончили сборку первой партии изделий 90 и 91. 15 штук. Испытать не можем, на объекте 197 работы ведут господ из Абвера. Кто разрешил – не знаю.

– Мы разрешили. Это необходимо, товарищ Нестеренко. Мне говорили, что полетам это не помешает, будут взлетать в другую сторону и обходить объект 197.

– Мы по силуэту сильно отличаемся от основных самолетов полка.

– Сколько времени будут идти работы на «сто девяносто седьмом»?

– Не знаю, вечность, наверное. Работают ни шатко, ни валко, их другое интересует.

– Передайте Совину мое распоряжение переместить ваши машины в Тушино. Вы меня поняли?

– Так точно, товарищ Сталин.

– В Красной Армии это выражение не употребляется, товарищ Нестеренко. Ставлю вам на вид, товарищ полковник.

Злющий, я позвонил Филину, передал все, кроме первого разговора, переоделся в форму, в третьем ангаре нашел чей-то шлемофон, забрался в третью машину, она сохранила дублированное управление, и делалась как учебно-боевой самолет, и решил сам перегнать машину в Тушино. Как чертики из бутылки, тут же выскочили Филин и Копытцев. Дескать, вылезай из машины! Двигатель заглушил, но обратно не вылезает. Ору на генерала, что он давно должен был провести вывозной, а сидеть в клетке и служить справочным бюро не желаю! Пообещал сегодня же поднять вопрос у Сталина.

– Да это его приказание, товарищ Никифоров! – сказал Копытцев.

– Вы что думаете, что противник не знает на какой машине я езжу? Если их по всему Союзу три тысячи штук, если не две. Вы что думаете и чем? Где проще меня прихватить? На земле или в воздухе? Как я буду доводить машину, если не смогу увидеть результаты испытаний? По бумажке, что ли?

Спорили минут пятнадцать, и Филин сломался.

– Ладно, к запуску!

– Товарищ Филин! Не занимайтесь самоуправством! Я доложу по команде!

– Докладывай! Это – авиация, Леша! А то скоро и мне летать запретят, как секретноносителю. – Филин набросил шлемофон и вскарабкался в заднюю кабину. – Заводи!

– От винта!

Из-за этих фрицев, взлет по ветру получается, для такой легкой машины это не айс. Но ничего, кой-какой опыт имеется, почти полторы тысячи часов, большая часть из которых на пилотажных машинах. Отрыв, шасси, ручку на этих машинах вращать уже не приходится. «Холодильник» оказался с большим дном! У него развитый цех по производству электродвигателей. Оформили шефство, заключили договора и начали к нам поступать 24-вольтовые двигатели, к которым и я приложил свои ручонки. В брызгозащитном исполнении. Планетарные редукторы для них выпускал АРМ, кроме того «Холодильник» делал очень неплохие насосы. «Зил “Москва”» считался и считается самым надежным холодильником в СССР, а установки для него делались в Щелково! Так что начинаем обростать агрегатами. Ушли в южную пилотажную зону, и там я оторвался! «Нож», «косая восходящая горка» в обе стороны, «колокол», «переворот», затем уход на полигон и отработал по земле в трех заходах без ухода на круг. А вот автомат шага надо срочно доделывать, но там у американцев счетно-решающее устройство стоит, и надо решить его алгоритмы. Боезапас исчерпан, уходим в сторону Тушино. В наше время от огромного аэродрома осталась маленькая полоса для легкомоторных самолетов, а сейчас там чуть ли не дивизия стоит. Когда я с воздуха увидел, что на аэродроме полно машин и, почему-то очень много народа, нажал кнопку СПУ.

– Тащ генерал, летим обратно! Нас ждут, с кинокамерами.

– Эт, точно! Ну, стервецы! Сборище болтунов! Давай обратно! – он ушел со связи, видимо, говорил по другому каналу. Затем вернулся. – Помочь? Садиться по нижней глиссаде придется, над лесом с юго-востока.

– Справлюсь.

– Красиво фигуры крутишь! Молоток, но есть вопросы, на земле разберем. – это о «колоколе», наверняка! Не применялся он до 42-го, и «переворот» на поплавковых карбюраторах – тоже. Я ж ему не доложил, что диафрагму вместо поплавка поставил. Ой, блин, что будет! Но тут старая привычка: не помогать конкурентам, сработала. Яковлевский «ББ» навернулся из-за поплавков. Узнает – выкрутится! Вот я и зажал инфу до окончания разборок. Филин за это выпорет, ему пофиг, кто в НКАПе командует. Он же не в курсе, что Яковлев подставит его через полгода со смертельным исходом. Так и случилось! Допуск он мне подписал, еще в воздухе, а потом допрос с пристрастием учинил, почему у меня на отрицаловке движок не глохнет. Я показал на руки, и обвинил их в причастности к этому вопросу, а вот «как» – это я в Молотове расскажу. Пора мне туда лететь, раз сами не спешат приехать. Повезу документы сам. Вон Климов, приехал, двигатель забрал и уехал. Дескать, вопросов не имеем, имеем указания товарища Сталина: изъять и сделать точную копию. В НКАПе я никто, и звать меня никак. Так что, одна надежда на Лозино-Лозинского. Он за дело взялся круто, трое суток разговаривал со мной о лопатках и мономерной кристаллизации, уловил в чем дело, взял лопатки всех четырех турбин и уехал в Москву в институт стали. Все верно! За этими сплавами наши охотились несколько лет, пока их на завод Роллс-Ройса не пропустили. Они надели ботинки на микропористой резине, армейские, потоптались у станков по стружке, и институт стали выдал на-гора через неделю ее рецепт, а через полгода «Электросталь» дал первую плавку титан-никелевой тинидуровой стали. Здесь еще сложнее, это сплав титана и никеля в виде монокристалла. Лопатка – полая внутри. Как это делается – я знаю, но как это поставить на поток, такую задачу я не решал. Это будет решать Глеб Евгеньевич. Ему это по силам. Он доводил двигатели не менее сложные. Правда, в иное время. Так что, держим кулаки!

Вечером, доложившись по команде и с двумя «церберами» на сиденьях от Копытцева и Берегового, выехал в Кремль. Пробок нет, улицы, правда, освещены достаточно плохо, и пешеходы переходят где попало. Регулировщики сидят по будкам. Они здесь парные, обычно, и, практически, без машин или мотоциклов. Раций у них тоже нет. Если что – бегут до ближайшей будки и бесплатно звонят по 02, если автомат-станция в районе, или орут барышне: «ОРУД дайте!». К Большому дворцу не пропустили, направили на стоянку у Оружейной палаты. Вход через другой подъезд, чем днем. Более тщательный осмотр, включая охлопывание по карманам и подмышками. Заглянули и в планшетку. Провожают до дверей кабинета. В коридорах практически никого нет. Тишина, даже стрекота машинок не слышно, когда был прошлый раз здесь, то стрекот «ундервудов» слышал. Наверное, поэтому Сталин и работал здесь ночью. Я прибыл чуть раньше назначенного часа, минут на пятнадцать. У Поскребышева сидит вальяжный «барин», нога на ногу, и курит. Одет в полувоенный костюм, лицо властное, крут, как несваренное яйцо. Кто такой – я не знаю. Никогда его не видел. Я в гимнастерке, с петлицами инженер-полковника авиации, в хромовых сапогах, никаких значков и медалей, «Сталинку» я так и держу в коробочке. Из кабинета вышел гражданский, лысоватый, с портфельчиком, человек, который вытирал платочком свою лысинку. Запустили «барина», он пробыл там минут пять, и выскочил оттуда с абсолютно белым лицом. Вытащил из кармана кителя алюминиевую колбочку, резко запахло валерьянкой или валидолом, я в них не секу, но запах не люблю. Оставалось еще восемь минут, но Поскребышев показал мне рукой на дверь. Уйти из этого медкабинета было благом, тем более, что барин подошел к столу Поскребышева и глотал стаканами воду.

Представился. У Сталина на лице появилось подобие улыбки, он впервые видит меня в форме командира РККА.

– Вживаетесь, товарищ инженер-полковник?

– Так... Да, товарищ Сталин!

– Тогда почему приказ председателя Государственного комитета обороны Вы не выполняете?

– Тот, что провели испытания не в Тушино, а в Чкаловском? Там народа очень много собралось, у кого-нибудь могла найтись 8-мм «Agfa» «Movex 8» или, не дай бог, 16 мм «Сименс», и наш секрет был бы у Гитлера в кармане, поэтому я и отвернул.

– Так это вы, оказывается, сделали! А генерал Филин взял это на себя.

– Он был во второй кабине. Товарищ Сталин! Война еще не началась, сейчас идет битва конструкторов: выше, дальше, быстрее. И каждому из них хочется, чтобы его машина была лучшей. В ход идет все, в том числе и шпионаж, технический.

– Да, идет, и НКВД докладывает, что генерал Филин и, как выясняется, вы, сорвали операцию по поимке немецкого разведчика, которого собирались взять с поличным во время этой съемки.

– Там мог быть не один такой аппарат, и с гораздо большей скоростью съемки. Я не хочу рисковать и подставлять разработки под камеру.

– Мы это поняли, тоже самое говорил и товарищ Филин. Но, я спрашиваю о другом приказе, запрещающем лицам, находящимся под охраной оперативного отдела, летать самолетами. Вполне достаточно тех жертв, которые понесла страна в авиакатастрофах.

– Товарищ Сталин, но я – летчик и авиаконструктор. Это моя работа, а вы серьезно ограничиваете этим скорость моих разработок. Я не спорю, что условия для работы мне созданы идеальные. Оперативный отдел работает просто сказочно. Никаких бытовых нужд не стало. Занимайся своим делом, и мы тебе во всем поможем. Но я – довожу самолеты. Я их должен чувствовать. Я так работаю всю свою жизнь.

– Другие авиаконструкторы беспрекословно выполняют эти требования.

– Я могу назвать несколько человек, которые просто не докладывают об этом. Но не хочу этого делать. Кстати, Поликарпов очень болен, ему требуется операция и как можно раньше. Рак.

– Мы обязательно направим его на лечение к Бурденко. Я подумаю о том, что вы сказали. Но я вас пригласил не для этого. Страна испытывает острую нехватку полезных ископаемых. По нефти у нас разговор уже состоялся. Возьмите вот эту карту и поработайте над ней. Наверняка многие месторождения были открыты позднее, и вы их знаете. Постарайтесь вспомнить, где находятся эти богатства. И, это нужно не товарищу Сталину, товарищ Никифоров, это требуется стране. И чем быстрее, тем лучше.

– Разрешите пройти к столу?

– Вы сможете прямо сейчас?

– Я думал уже над этим. Мы поручили инженеру Лозино-Лозинскому разработать турбовинтовой двигатель мощностью около трех тысяч лошадиных сил, который закроет все текущие проблемы с моторами для авиации. Для этого требуются новые материалы, поэтому я уже думал над этой проблемой. И так! – я наклонился над картой и стал наносить на нее условные значки, затем достал планшет и открыл электронную карту, где мною были проставлены еще такие же, но я их не все помнил на память. Часть районов я просто обводил кругами и делал надпись: газовые месторождения, нефтяные поля.

– И вот еще. Это крупнейшее в СССР месторождение урана. В прошлом году немцы начали работы по его обогащению. К концу 44-го года они выделили U-235 для создания трех атомных бомб. Уран они добывают в Чехии, в Моравских Альпах, и есть несколько небольших, но богатых месторождений на территории самой Германии. Это – оружие, которое применялось в той войне. Известно об одном случае применения его немцами, против конвоя англо-американского флота, и два взрыва произвела Америка, не считая испытаний. СССР создал бомбу в 49-м, из-за этого пришлось поступиться частью Западной Европы и согласиться разделить Берлин.

– То, что уран – это оружие, я знаю, мне докладывали об этом.

– Нам, для успешного создания реактивной авиации, требуются никель, вольфрам, тантал, рений, рутений, алюминат кобальта, фторопласты и синтетические масла, товарищ Сталин. Вот отдельный список, без них на создание хорошо работающих двигателей уйдут годы. А небо надо удержать сейчас.

– А золото?

– Да я обозначил! Вот, вот, вот, вот и вот. Это крупные месторождения. Мелких я не знаю.

– А это что?

– Алмазы. Здесь трубки, а вот тут подводные россыпи в трех местах.

– Алмазы? Вы не путаете?

– Нет, трубки надо искать по пиропам, природным гранатам, но вот эти трубки я привязал точно, и вот их координаты.

– Как добываются рассыпные алмазы?

– Драгами, как золото добывают. И еще, товарищ Сталин, мелкие технические алмазы производятся у нас путем воздействия высокого давления на графит с помощью импловзивного взрыва. Метод открыт в СССР во время создания ядерного оружия. А это – надежные плунжерные пары для топливных насосов, да и, вообще, абразивы – наше все.

– Поставили вы передо мной дилемму: с одной стороны, требуется категорически запретить вам летать, с другой стороны – это подрезать вам крылья. На сегодня все, товарищ Никифоров, отдыхайте. Завтра покажете, что получилось с винтами.

– Да вот они. Визиты руководства только мешают работе, все срываются с мест и спешат отметить перед вашими глазами, а потом куча разговоров, вместо работы. «Он сказал: то-то, повернулся и посмотрел эдак». И не успокаиваются несколько дней. Я – не публичный человек, меня это раздражает.

– Вы не понимаете значения этих встреч. Необходимо сплотить всю страну перед огромной опасностью. Я буду завтра у вас.

Он, действительно, приехал на следующий день, но целью визита был вовсе не винт, а выездная сессия военного трибунала Московского гарнизона. Старший лейтенант Ягудин, заместитель начальника службы снабжения НИИ был разжалован, лишен правительственной награды: медали «За трудовое отличие», получил 15 лет лагерей и 10 лет поражения в правах. После заседания выступил сам Сталин и в речи упомянул «битву конструкторов за воздушное пространство».

– Вы, товарищи, находитесь на самом острие этой битвы! Сюда стекается все, что создано нашими конструкторами и трудящимися! Вы, как никто другие, должны отчетливо понимать свою ответственность за сохранение Государственной и военной тайны страны Советов. А такие как Ягудин – позорят ваше честное имя. Крепите обороноспособность нашей Родины! Вскрывайте злые замыслы врага!

Ну, и пошел сыпать сплошными лозунгами. Немцев увезли на автобусе на бесплатную экскурсию по ВДНХ, а три самолета, звеном, выполнили показательные полеты. Одна из машин, которая с прозрачными крыльями, имела сейчас двигатель М-63, и превосходила остальные по мощности. Сделано это было специально: все расходы и проводимые операции по уходу за машинами тщательно калькулировались, как по финансам, так и по времени. Сталину мы показали М-62ИР, который наработал к тому времени в постоянном режиме 453 часа с полными оборотами и полной нагрузкой. Чтобы проводить такие испытания у него стоят двойные фильтры по маслу и топливу, что позволяет их своевременно менять и чистить по очереди.

– Что скажете, генерал? – спросил Сталин у Филина.

– Машина потеряла 3,2 % мощности, дальше ухудшение характеристик пойдет по экспоненте, положенные 10 % будут выработаны к 870–1000 часам. Ломаться вроде не собирается, тьфу-тьфу-тьфу.

– То есть, паспортные 1500 часов она не выработает? Так? Почему, товарищ Никифоров?

– Из-за масла, товарищ Сталин. Требуется, как минимум, добавки молибденита, и перейти на полусинтетическое масло, добавив в него предельные олефины в виде дигалогенидов со фтором, F₂, так называемые жидкие фторопласты, но придется менять войлочные масляные фильтры на механические щелевые. В обоих случаях. Молибденит, тоже, через войлок не проходит и выпадает из масла.

– Молибденит – это что?

– Вам формулу или...

– Формула не нужна.

– Полуфабрикат для получения молибдена, который используется для производства ламп накаливания и в радиопромышленности. А олефин можно получить из фреона. Он есть на заводе «Холодильного оборудования», но не из любого, из фреона-22. Если его нагреть до 78 градусов, и пропустить через олефин фтор, то получим дигалогенид, добавку в масло, повышающую его способность образовывать неразрывную пленку при высокой температуре.

– А почему сразу не сказали?

– Я, вообще-то, хотел посмотреть, будет или не будет работать двигатель первой серии. Он ведь мог разрушиться много раньше, если плохо собран или имеет бракованные детали. Пока работает, да и нет механических фильтров. Их в СССР не выпускают, а на войлочные наши механики женские чулки из нейлона в два слоя надевают, но нейлон у нас тоже не выпускают, пока. Так что, от ворсинок не избавиться.

Сталин записал что-то себе в талмуд, перешли к обсуждению установки М-63 на крайнюю машину. Подводим его к мысли, что решать все будет экономика. У кого все будет дешевле и лучше, тот и выиграет. Заодно он нас расспрашивал про саблевидные винты. Денег они стоят, а какая с этого отдача. А пока никакой! И величины шага им не хватает для этих оборотов и этой мощности. Легковаты получаются. А «стакан» пока один. Его хода не хватает, чтобы вывернуть лопасти больше. В 13.30 Сталин поехал в Кремль, чтобы успеть к началу своего рабочего дня. Надо отметить, что он почти всегда приезжал до его начала, и стремился завершить встречу так, чтобы успеть к 14.00–14.15 в свой кабинет. Еще пару часов успокаивали людей и отвечали на попутные вопросы. Затем все приступили к своей обычной работе. А в 17.20 с «Холодильника» вернулся Олег Константинович и «порадовал». Туда приезжал вице-консул Германии, и пригласил его на фуршет 7-го Ноября в честь национального праздника СССР. Заодно, дескать, поговорить о закупаемой лицензии на «Физелер-Шторьх-157». Официально именно Антонов числился бенефициаром этой сделки.

– Вы отказались, надеюсь?

– Почти, я сказал, что лично принять такое предложение не могу, сообщу по команде. Я же был в Берлине и там договаривались, что эту машину буду вести я, и что все переговоры немецкой стороне необходимо вести со мной. Это был приказ Кагановича, который никто не отменял.

– Тогда идите к Копытцеву, но скажите, что я против.

– Наше дело доложить, товарищ Никифоров. Иду!

Через сорок минут они оба вломились в мой кабинет, едва успел сунуть в стол «камп»: Антонов его не видел и не имел права видеть, а он мне требовался по работе.

– Нас вызывают в Москву, в НКВД, с этим вздором.

– Ну, езжайте! Я не возражаю!

– Нас троих вызывают! – отвечает Копытцев.

– А я-то здесь причем?

– Без понятия! Приказ передал старший майор Мешик, начальник ГЭУ оборонпрома, по его словам, это распоряжение Федотова, из 3-го отдела. С ним лучше не шутить, Святослав Сергеевич.

– Ну, звоните Берии и Власику.

– Позвонил. Федотов докладную на нас троих написал, вместе с ним. (Палец Алексея безошибочно указал в сторону кабинета Филина.) Власик сказал, чтобы по приезду сначала вызвали его с проходной. Берии на месте нет. Филин не вернулся из Воронежа, сидит по погоде. Его тоже вызывают, но причина уважительная.

– Да не поеду я никуда, Леша! У меня работы выше крыши, и мне возиться с немцами никакого резона нет. Я же сказал, что возражаю! Никаких встреч.

– Так в этом-то и дело! Федотов и Мешик настаивают, чтобы встреча была.

– Слушай! Это дурдом какой-то с этими фрицами! Какому дураку это в голову пришло: разрешить им работу возле испытательного центра.

– Федотову. А мы ему мешаем.

– А он кто такой?

– Я же сказал: начальник 3-го отдела. Комиссар 3-го ранга.

– В общем, большая шишка на ровном месте, а головы нет.

– Да с головой у него все в порядке, самый молодой комиссар у нас. И на такой должности, что не позавидуешь.

– Ладно! Олег Константинович, сходите переоденьтесь, и возвращайтесь к моей машине.

Антонов вышел, я вытащил из стола компьютер, и мы его отнесли обратно для работы ребятам Копытцева. По дороге Алексей сказал, что третий отдел – это контрразведка, и докладную требуется остановить, иначе не миновать серьезной проверки с их стороны. Федотов мужик жутко упрямый, но толковый, и свое дело знает туго. Одну он уже написал, вторая только что подана, а по третьей будет работать президиум при Наркоме, и головы точно полетят. Видимо у него что-то серьезное, если такую волну гонит.

Мы, оба, тогда не знали, что днем ранее майор абвера Аксель Хойзе и группенфюрер СА Арманн обсуждали вопрос приглашения Антонова в немецкое посольство.

– Мой группенфюрер! У русских что-то происходит в Москве. Именно поэтому я попросил Берлин прислать для консультаций кого-нибудь из СД. Так что, просмотр их парада – это лишь повод для Вашего приезда. Итак, по порядку: Сталин зачастую с поездками в их испытательный центр в Чкаловске. В газетах почти ничего не было, кроме вот этого сообщения, в котором говорится о присуждении двух Сталинских премий в области обороны. Как всегда, без упоминания за что и кому. Но, всполошились люди из их министерства авиапромышленности. Новый министр ездил в Центр, вместе со своими заместителями. Вернулись недовольными, устроили длительное, глубоко за полночь, совещание. Сведения абсолютно точные. Сталин еще полтора года назад объявлял о трех премиях в этой области тем конструкторам, кто превзойдет наш «Vf-109E». За полтора года выдали одну премию, самую маленькую, одну на двоих двум конструкторам, один из которых младший брат их Наркома Внешней торговли. Так что почти сто процентов, что премии получил кто-то из авиаконструкторов. Единственный человек, которого опознали мои люди, которых я подключил к группе электриков и наладчиков от фирмы «Борзиг», приехавших монтировать новые копировальные станки-полуавтоматы этой фирмы, закупленные недавно у нас, это Олег Антонов. С этой закупкой тоже были странности, русские, обычно, долго торгуются, оговаривают кучу условий, требуют пуско-наладочные работы. Здесь же закупка прошла практически мгновенно, торопили с отправкой, и, по сообщениям из Бреста, сразу присвоили им два «литера». Так они обозначают срочность поставки. Мои люди взяли этот груз на контроль. Груз прибыл в Чкаловск на завод холодильного оборудования. Я организовал требование со стороны фирмы, под угрозой снятия гаран-

тий со станков, подключить и наладить станки представителями фирмы. Удалось взять под наблюдение северную часть аэродрома, но, кроме устаревших моделей самолетов, в сторону поселка все перестали взлетать. Руководит от лица заказчиков именно авиаконструктор Олег Антонов. В прошлом году он был с делегацией их Наркомата в Берлине, Касселе и Росток. Он и его конструкторское бюро должны были готовить к лицензионному выпуску самолет Физилера «Шторьх». Но, он не в Ковно, где расположили их производство! Он в испытательном центре и готовит к пуску завод в Щелково. По словам рабочих завода, Антонов – не главный человек там, всем руководит другой человек, фамилию которого выяснить не удалось. У него черный «Бьюик» 1936 года, «ЗиС-101А». Очень редкая здесь машина. Несколько раз мне удалось ее увидеть. Отличительная черта: свет фар, его фары светят ослепительно белым светом. Нашу группу сильно торопят, и говорят, что если такой темп работ сохранится, то они откажутся от гарантий фирмы.

– С этим понятно, господин майор. Что-нибудь еще видели?

– Видеть не видел, а вот слышать – слышал! Новый звук двигателя, совершенно иной, нежели у остальных двигателей самолетов. Словами не передать. Вот, послушайте! По моему мнению, это звук турбины. А после этого послушайте его выключение. Десять дней назад дважды ветер дул в нашу сторону, и нам удалось это записать. Где-то около месяца назад их Эн-Ка-А-Пэ, черт побери эти русские аббревиатуры, тоже всполошилось из-за слухов о новом двигателе из Новосибирска, но потом эти новости дезавуировали, сказали, что просто привезли двигатель из Америки. Так вот, тот человек, который ездит в «Бьюике», первое время одевался странно, не так, как одеваются здесь. Но, тогда попасть так близко к Центру было невозможно.

– Что вы хотите, майор?

– Я хочу, чтобы господин Шниттке, как вице-консул, пригласил Антонова к нам на ужин в честь их революции. Мы это делаем здесь каждый год, в этом нет ничего удивительного. Если ему не разрешат, значит, это он получил премии, и он представляет опасность для рейха. Если разрешат, то кое-какой материал на него у нас есть, слабенький, я не спорю, но он может испугаться этого компромата. И, главное! Антонов не сможет дать нам ответ немедленно. Это будет решать его начальство. Не исключено, что этого таинственного «американца» удастся вытащить из его берлоги. Два моих агента служат в Москве в ОРУД. У них есть оружие, которое они могут безопасно доставить группе, приехавшей из дома. Группа подстрахует их и ликвидирует охрану, если таковая обнаружится. Попытаемся выкрасть «американца» и сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться. Вывезем его к Смоленску и отправим в рейх.

– Это слишком рискованно, дорогой майор! Диверсия практически в Москве!

– Это уже отработанный вариант. На счету у этих двоих три летчика и пять инженеров этого Центра. К сожалению, не из высшего состава. Одного удалось переправить в рейх. Он имел отношение к русскому жидкостному ракетному двигателю.

– Ну, этот случай я знаю. Он только подтвердил насколько сильно они отстали в этом вопросе. Хорошо, готовьте операцию. Я не возражаю!

Пока Антонов переодевался, на улице стемнело, и мы втроем выехали в Москву. Брать еще охранников Алексей не стал, а после того случая с отрывом от преследования, в мои шоферские навыки поверили, как и в ходовые качества машины. Не заходя в проходную НКВД, Алексей позвонил Власику из будки на противоположной стороне улицы, затем мы втроем ждали его появления десятков минут. Вчетвером прошли в кабинет НачТриО. Голубоглазый очкарик с лихим чубом, встретишь такого на улице – ни за что не подумаешь, что это грозный контрразведчик всея Руси. Худощав, плотно сжатые сухие губы, довольно большие раковины ушей. Вид, можно сказать, интеллигентный, модные очки в металлической оправе, явно «Цейс».

– Так вот, товарищи, вашим Центром и стройкой заинтересовался сам майор Хойзе. Бывает там чуть ли не через день. Это – матерый разведчик, но, он – легален. Чтобы его прижать, требуется взять его с поличным, а вы второй раз пытаетесь сорвать мне эту операцию. Именно Хойзе стоит за убийством восьми человек из вашего Центра, но до сих пор продолжают крупные и мелкие нарушения режима на вашем аэродроме. То огни над лесом появляются, то громы гремят среди ясного неба, то отказываются исполнять приказы Председателя ГКО. Такое впечатление, что вы взялись помогать Хойзе.

– Вообще-то, я просил убрать немцев с нашей стройки! Сами установим и подключим станки.

– Вы – инженер-полковник Нестеренко?

– Он самый.

– По вам у меня отдельный вопрос! И мне не понятно, каким образом вы оказались на этом месте!

– Петр Васильевич! Тон сбавь! Это – мой человек! Проверенный и находящийся под охраной первого отдела. У тебя есть вопросы к нему? Задавай их мне! – за меня ответил Властик.

– Извините, Николай Сидорович, не знал. Вопросы задам вам, по его анкете, если это ваш человек, то необходимо подчистить анкету. Светится, насквозь. У меня в столе ордер на его арест.

– Давай сюда! – так, ордер разорван на мелкие кусочки! Есть, все-таки, польза от «первачей», и не только по быту!

– Второй вопрос: по товарищу Антонову. Олег Константинович! Мы вас прекрасно знаем, и все рекомендуют вас как преданнейшего нашей стране человека. У меня есть предложение пойти на контакт с немцами и согласиться давать им информацию. Без этого, мы Хойзе не возьмем. Хитер, зараза, переигрывает нас, как котят слепых. Без своего человека в их организации, мы будем биться с ним до бесконечности.

– Товарищ комиссар третьего ранга, вы когда смотрели дело товарища Антонова?

– В прошлом году, перед его поездкой в Берлин. И товарищ Яковлев рекомендовал его, как хорошо знающего немецкий язык.

– У него допуск «три нуля», какой из него разведчик или агент? – сказал Алексей.

Комиссар тяжело вздохнул, дело, которое веденного яйца не стоило, развалилось под напором неопровержимых доказательств невиновности участников и непродуманности действий следствия.

– Ну, в этом случае, можете сворачивать деятельность компании «Рога и копыта Хойзе унд партнер» в вашем лесу, товарищи! Одну минуту! – он снял трубку и позвонил майору Мешику.

– Пал Яковлевич! Звони немцам и отказывай Антонова, не может он, занят в Кремле.

Едем домой, улыбаемся, Олег Константинович анекдоты травит, про разведчиков. Он им только что не стал. Проезжаем Медвежьи озера, дальше лес пошел, я как из поселка выехал на дальний свет переключился. Бля, менты! Я их, дояров, спиной чую!

– Пост – чужой, стой! – это закричал Леша!

Только стоять нельзя, и вперед нельзя, там шипы!

– Держись! – педаль газа у меня спортивная, к полу прикреплена, ее пяткой выжимать можно, а носком жать на тормоз. Ручку принудительно на вторую передачу, полтора оборота рулем и газ! Визг страшный, «Good year» сзади визжит, как неудачно зарезанный поросенок. Полтора оборота обратно, тормоз долой и педаль в пол. Развернулся.

– Дегтярев слева! – орет Леша.

– Олег! Оружие есть?

- Есть, маузер! – и достает из кармана манюсенький 6.5 мм пистолетик.
- После отворота вправо – торможу, и кустами к перекрестку! Номер, номер их запомни!

Держись!

Я, почти без заноса, повернул направо. Дороги здесь нет, проселок до Ледово, но тут не до изысков, торможу, Олег выпрыгивает из машины и хлопает дверью (она назад открывается, поэтому без полной остановки даже не выйти). Вторая не выключается: «кикнулась», газанул резко. На ней доползли до изгиба дороги, там выключил двигатель, вынул ключ, потом завелся и поехал нормально. Очень боялся, что двигатель не заведется. Пронесло! Выскочили на шоссе уже за лесом. Алексей приказал остановиться у «Холодильника», там пост 3-го отдела, немцев пасет, а я тут же газанул дальше, к нашему КПП.

– Караул, в ружье! Дежурный, телефон! Ерофей Никодимыч! Засада, с пулеметом, в леске у Медвежьего. Копытцев на «Холодильнике», приказал прочесать лес от «связников» к Медвежьему!

- Там пулемет слышали, три караула в ружье подняли.
- Здесь на Ка-Пэ ни черта не знают, я назад, там Антонов.
- Запрещаю! – но я повесил трубку. У домика с внутренней стороны выстроился караул.

Авиацию всегда снабжали стрелковым оружием по остаточному принципу. В общем: один дег-тярь, и сержант с карабином и револьвером. У остальных – карабины.

- Ты и ты, за мной! Остальным – занять оборону!

В кругаля до поворота, где Антонова оставили, довольно далеко, десяток километров. Но доехали быстро. Олег Константинович вышел из кустов, мою машину ночью отличить всегда можно, из-за фар, таких ни у кого нет. Сел рядом с сержантом на заднее сиденье. Зубы у него стучат – замерз и перенервничал. Плюс, судя по пальто, лежал на земле.

– Прошла одна машина, ГАЗ-АА. Московский «М 348 МН». В кабине два милиционера, в кузове никого.

И я втопил газ. До Сокольников – 21 километр, машина прошла минуты три-четыре назад. Максимум – пять. Давлю! Но чертов свет, он же меня выдает с потрохами! Машину мы увидели еще до поворота на Измайлово.

– Так, орел! Пулемет за окно, ствол на зеркало и бей по скатам по команде! – солдатик лихорадочно ищет ручку, а я опускаю стекло кнопкой. Пулемет длинный, зараза, он его с трудом выставил, ремень набросил на шею. В кузове возникает фигура, и видны вспышки выстрелов.

- Бей, бей по скатам! – а сам маневрирую, сбивая наводку стрелку в кузове. Очередь!

– Да не по моим скатам! По нему бей! – Еще две очереди, их машина заюзила, а у нас появились две дырки в ветровом стекле, и наш пулеметчик ухватился за плечо, между пальцами течет кровь. Сержант справа из окна открыл огонь из нагана, человек в кузове откинулся назад и прекратил огонь. Глупейшее положение! У Олега маленькая пукалка, у сержанта кончились патроны, и он никак не может на ходу переснарядить барабан. Поворотик к переезду, и там длинная очередь из машин. Водитель ГАЗа резко сворачивает в Сиреневый сад направо, я его обхожу по внутренней стороне поворота. Положил ствол «Браунинга» на предплечье левой руки, а рулевое колесо взял повыше. Там их двое, в кабине, и правый может открыть огонь. Газ до упора, машина рванула вперед, и, как только я увидел дверь, выстрелил раза четыре или пять. «ГАЗон» вильнул и врезался в столб. Я отскочил метров на полсотни, и с визгом развернул машину. Сержант выскочил из машины, вырвал, буквально, пулемет у раненого, и осторожно пошел к «Газончику». Антонов тоже выскочил, пошел за сержантом, но я его остановил.

- Олег! Стой! За столб! Прикрой сержанта! За кузовом смотри!

Сержант приоткрыл стволом с раструбом дверь.

– Один готов, второй не жилец! – Встал на подножку, поднял наган и потом заглянул в кузов.

- Тут оружие и человек лежит. Добить? Вроде живой! За живот держится.
- Нет, держи на прицеле! Олег! Вон у дома в будке телефон, звони в комитет.
- Куда?

– В третий отдел, Федотову! – глушу машину, ключ в карман, заменил обойму, пошел к той машине. Чел не шевелится, дырка справа в районе печени, у водителя ось руля вошла в грудь, на третьего мертвяка стараюсь не смотреть. Олег дозвонился, кричит: «Как улица называется?». А фиг его знает!

- Парк возле Амурской улицы, недалеко от переезда, если из города, то слева.

Красноармейцу рвем гимнастерку, подложили несколько салфеток на рану. В моей аптечке всего пара бинтов, зеленка, жгут, и все, досокращались. Он сознание не теряет, хоть и бледный. Через двадцать минут появились машины, некоторое время искали нас, затем подъехали. Федотов, хоть и генерал, но лично приехал.

- Это Хойзе! Почему помощь не оказали?

- Нечем.

Немца быстро уложили на носилки, и погрузили в салон «Скорой помощи», она завывла сиреной и уехала. Лишь после этого оказали первую помощь красноармейцу. Сволочи! И всех собрались потащить на допрос. Но тут подъехал Алексей, в часть, все-таки, сообщили: где мы. Затем подъехал Власик. Нас с Олегом отпустили, а сержант уехал на Лубянку, площадь Дзержинского.

Алексей получил выговор от Власика, что людей с собой не взял. Мне комиссар вломил по первое число, что надо было оставаться на КПП, а не гоняться за диверсантами. Похвалили только Олега Константиновича. Доехали до моего домика, а там ужин готов, коньяку охрана выставила море. Власик доложил в Москву, сказал, что проводит профилактическую беседу, и раскупорил первую бутылку. В общем, Олега Константиновича оставили в домике ночевать, ибо ходить он в конце вечера уже не мог. Вот такой вот профилакторий. Страшно мне стало чуточку позже, когда коньяк выветрился и я стал вспоминать, как наощупь вел машину. Выговор за взятие пятерых немцев тепленькими – это оригинальная награда герою-чекисту. И достойная! Алексей их успел перехватить до того, как они вернулись из засады на завод.

Утром осмотрели машину, немец стрелял очень прилично: шесть пробоин, из них две пришлись по металлу, два по стеклу, а остальные деревяшки раскурочили. Салон и правая дверь залиты кровью, охрана хоть и оттирала, но кровь во всех щелях видна. Придется перекинуть брат, а там – посмотрим. Скорее всего, кресло надо будет перетягивать. Перегнал машину в АРМ, там жестянщики хорошие и столяры. Обещали, что к вечеру машина будет как новенькая. А сами на «ЭМке» поехали на «Холодильник», фронт работ определять. Блин, пролетарская солидарность, эти ее мать! Трое немцев в бешеном темпе продолжают работать. Один из них ночью на допросе слил всю абвер-группу, включая тех, кто оставался в общежитии и в засаду не ходил. Фирму «Борзиг» представляло только трое наладчиков, остальные семь человек были из абвера. Двое пожилых немцев и один помоложе. Один за другим крепят штатные эталоны, прибывшие со станками, в копиры, показывают, как настраивать резцы и другой инструмент, и переходят к новому станку. Чуть позже стало известно, что двое из них возвращаться в Германию не захотели, ведь за провал группы придется отвечать. Но, приказ – избавиться от немцев в Щелково мы выполнили: настройки показывали на одном станке из партии однотипных, а не на каждом. Вальтер, пожилой немец, потом вернулся на завод, из-за поломки одного из станков, да так и остался в цеху настройщиком. Но это было уже позже, перед самой войной. Линию разместили в четырех местах. Не сильно удобно, особенно когда снег выпал и аккумуляторные тележки стали активно буксовать на дорожках между «Холодильником» и АРМом. В итоге, отдали нам еще один цех, и вторую половину того, где копиры стояли. Там расположился электроцех (как и было, но он принадлежал заводу), который полностью пере-

шел на выпуск авиационного оборудования. На АРМе осталось только производство валов, их закалка и выпуск каленых шпилек.

7-го ноября, несмотря на мое откровенное желание остаться дома и поработать над разгадкой алгоритмов привода механизма шага, меня впахивают в машину, в которую набилось людей под завязку, и с революционными песнями мы тронулись в сторону Москвы. Полк выставлял сводный батальон на параде, а АРМ и полугражданская часть института отдельную колонну в демонстрации. Филин, прилетевший шестого из Воронежа, сидел рядом со мной. Его на трибунах не будет, он возглавит колонну сводного батальона, который на грузовиках едет за нами, и пройдет на трибуны после прохождения. Я же сегодня не в форме, а в костюме, и буду изображать полностью гражданского человека, коим я и являюсь. Но в данный момент я возглавляю длиннейшую колонну машин, направляющуюся в сторону Красной площади. Еще темно, но подготовка к параду уже началась. Москва кипит, отовсюду появляются колонны, куча ОРУДовцев, направляющих их своими маршрутами. Гудки недовольных водителей, вырванных из колонн действиями других участников парада. Небо чистое, но довольно холодно. Снега нет, легкая гололедица, я еще вчера поставил на задние колеса зимнюю шипованную резину, заменив запаски. Их у меня две, сразу за передними крыльями. Разгрузились на Моховой, машины тронулись в обратный путь, к Большой Ордынке, куда выйдет колонна после прохождения. Моей машине предписано стоять у Ленинской библиотеки. Кладу пропуск под стекло и направляюсь туда. Час просидел в машине, затем постовой постучался в окошко и показал, что пора посмотреть на часы. Да, время: половина девятого, пора. Чуть размялся после сидения в согнутом состоянии и через Александровский садик пошел в направлении Красной площади. Уже рассвело, погода обещает быть хорошей, значит воздушный парад состоится. Первая эскадрилья задействована в нем на показе новой техники. Удалось отбить желание некоторых товарищей показать и «долгоносиков». Сталин не возражал, что они останутся на земле. Их время еще не пришло. Через некоторое время ко мне пробилась Лозино-Лозинский и Антонов, но сопровождавший меня товарищ из первого отдела, после наших рукопожатий что-то шепнул им на ухо, и они перешли обратно на «свои» места. Тут как в театре: все занимают места согласно купленным билетам. Знакомых лиц практически нет. Скучновато, и приходится прихлопывать туфлями, чтобы согреть пальцы ног. Еще через час площадь огласилась криками «ура» и аплодисментами. Политбюро поднялось на Мавзолей. Затем, под бой курантов началось действие.

– Справа работает немец кинокамерой, товарищ Нестеренко, чуть назад сдуйте, я вас прикрою. – прошептал мне охранник. «Блин, лучше бы я дома остался!». Над ГУМом мелькнуло звено длинных истребителей с квадратными законцовками. Очень далеко оттянута назад кабина летчика, будет не прицелиться. Перехватчики, наверное. Скорее всего ИП-21. Мелькали разговоры о таких, но их никому не показывали. Немец увлеченно снимает и их. Орда ТБ-3, но их дивизию ведет эскадрилья ТБ-7. Следом следуют красноносые «Ишачки», это наши и «кубинские», специально вчера красили. После того как огромные Т-28 проползли по площади, на него вступили физкультурники. В этот момент кто-то прикоснулся ко мне слева, я повернулся: командир НКВД, капитан.

– Товарищ Нестеренко?

– Да, я.

– Вам передал товарищ Сталин. – и протягивает мне пакет, из которого торчит горлышко бутылки. Отдал честь и исчез в толпе зрителей. «Погреться, что ли, прислали?» – мелькнула шальная мысль.

– Подержи! – передал пакет охраннику. Тот взял его за низ, а я потянул за горлышко. Бутылка из-под шампанского, заткнута обычной пробкой, вместо этикетки надпись: «Товарищу Сталину от нефтяников Астрахани». А чуть ниже: «Принимай Родина наш подарок к

23-й годовщине В. Октября!». Оказалось, что глаза у меня немного на мокром месте. Прослезился и протер оба глаза.

– Давай сюда! – И я положил пакет с бутылкой в карман пальто.

– Что это? Не опасно? – забеспокоился «первач».

– Нет. Все нормально. Ваши же передали. – запоминать их имена и спрашивать о них не рекомендовалось.

Впрочем, мое умиленное настроение длилось недолго! Не прошло и пяти минут, как оно сменилось тоской и безысходностью. Над Красной площадью загремел голос Левитана, поздравляющего трудящихся с новой трудовой победой!

– Ура, товарищи!

Выговариваю слово, начинающееся на отношение длины окружности к ее радиусу, смотрю как зашептались немцы в шести рядах от меня, бью по плечу охраннику и киваю ему головой: Пошли! Недоуменный взгляд в ответ, действие еще не кончилось, а он – зритель, и хочется досмотреть. Хлеба!!! Зрелищ!!! Зашагали в сторону машины. Такие же недоуменные взгляды энкавэдешников на выходе. Острое любопытство по поводу бутылки, точащей из кармана, но после показа надписи меня пропускают беспрепятственно, а предъявленная ксива «первого отдела» охранником поставила все на свои места, там, где у обычного человека мозг находится. Сели в машину, рядом охранника не посадил, отправил на заднее сиденье. Попытку поговорить и высказать свое мнение об увиденном, довольно резко остановил. Тот замолчал, обиженно, сидит сзади и не отвечает. Все, что сделано, накрылось медным тазом, с экскрементами. И их выльют на меня, как только ситуация пойдет по другому пути. А она уже пошла. Я нарушаю, иду на предельной скорости. Попытку какого-то мента меня остановить, я проигнорировал. КПП, ворота еще полностью открыться не успели, как я влетел на территорию гарнизона.

Лихорадочно просчитываю варианты, и практически не нахожу их. Торможу у ворот домика. Ворота открывают, недоуменные взгляды, они еще слушают Левитана с площади. Гремит «ура».

– Тишину в доме, пожалуйста, обеспечьте! Кофе!

Входит Карина, она, вообще-то, неразговорчивая и не улыбочивая, но сейчас глаза очень выдают ее настроение.

– Святослав Сергеевич! Что-нибудь еще? Что-то случилось?

– Да, Карина. Вас, пока, это не сильно касается. Спасибо, ничего больше не нужно.

– Вот сахар, я не клала, вы не любите, когда это делают за вас. – она машинально коснулась меня рукой, стараясь приободрить. Все понимали, что что-то стряслось. И ничего никому не объяснить! Смотрю на часы, действие будет длиться еще сорок минут. Ноги согрелись еще в машине, кофе вернул возможность кипящим мозгам соображать. Снимаю вертушку.

– 27 «А», «Голубизна», Нестеренко, товарища Никонова. – позывной Сталина меняется с завидной регулярностью, только успевай отслеживать. А я, по-прежнему, Нестеренко. Несколько гудков, дольше, чем обычно и голос Поскребышева. Он на месте.

– Товарищ Никонов вышел, позвоните позднее.

– Александр Николаевич!

– Слушаю Вас, товарищ Нестеренко. – послышалось после короткого молчания.

– Понимаю необычность просьбы, попросите товарища Никонова связаться со мной, как только придет. Имею «Воздух».

– «Воздух» передают обычно мне.

– Прошла утечка, мощная. Остальное только ему.

– Я вас понял, передам. Ожидайте. Если что, я позвоню. С праздником!

– Спасибо.

Сорок минут как на иголках. Секунды растягиваются, как хрен знает что. Стрелка просто прилипла к циферблату. Наконец, звонок, и голос Поскребышева.

– С вами будет говорить товарищ Никонов. – и тишина.

– Ви об объявлении на параде? Дежурный редактор «Известий» Шевчук уже арестован, вторично это сообщение не повторилось.

– Да, я о нем. Это не должно попасть в Берлин. Я видел, что Шуленбург оживленно разговаривал с каким-то штатским, справа от него. Который снимал технику на параде.

– Этим вопросом занимаются, товарищ Нестеренко.

– Я могу поинтересоваться: что они предлагают?

– Нэт.

– Я не знаю, что вам советуют, но у посольства нет прямой связи с Берлином. От них должен вылететь самолет сегодня.

– Возможно.

– Этот самолет не должен долететь. Он стоит у нас на аэродроме. Иначе завтра планы командования вермахта начнут переделывать. И все, что мы имеем обратится в ноль. Требуется остановить выпуск сегодняшних газет и проверить все на эту новость. Послать распоряжение в Астрахань и окрестности, и изъять все выпуски местных газет. Немцам нужна нефть, и они ударят на юг, а там степи, и танкоопасные направления, повсюду.

– Они могут передать это по радио или через агента.

– Информация через агента должна быть проверена. Замените Поволжье Туркменией, товарищ Сталин. Там нефть тоже есть, я вам показывал. Надо раздуть эту новость в газетах. Ошибся товарищ Левитан, но открыто об этом не объявлять. Так мы, по меньшей мере, снизим результат утечки.

– Жду вас через час у себя. Ситуация – критическая, это мы понимаем. Но в панику впадать не стоит, товарищ Нестеренко. И действовать в ущерб международному праву я считаю преждевременным. Особенно перед визитом товарища Молотова в Берлин.

– Ему предложат присоединиться к Антикоминтерновскому акту в войне против Англии, обещая отдать Афганистан. Япония и Италия против этого. Это инициатива Адольфа.

– Ми в курсе. – Сталин повесил трубку. Опять злится, что я знаю их секреты. Что сделаешь, там такая орда «историков» покопалась, что и не разберешь, где истина, а где ложь.

Жму на звонок, дважды. Это для кухни.

– Слушаю вас, Святослав Сергеевич.

– Еще один кофе, на обеде не буду.

– Так все готово! Подавать?

– Нет, спасибо, кофе, только кофе, Карина.

– А вы откуда? И почему имя такое? – спросил я у нее, когда девушка вернулась.

– Я из Архангельска, но родилась на переходе из Диксона в Архару, в Карском море. Отсюда и имя. Мама – поморка, а папа из Петербурга, Ленинграда.

– Странно, всегда считал поморов русыми, блондинами.

– А я в папу, его родители из Италии. Он у меня моряк и метеоролог. А мама, да, блондинка. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

Она вышла, я еще раз пересмотрел бумаги, на которых черкал варианты событий. Сунул это в печку, переделался в форму и выехал обратно в Москву. Все, что можно было предпринять я сделал, все остальное от меня особо не зависит. Решения принимаю не я. Я только главный конструктор опытно-конструкторского бюро. Маленький винтик в огромной машине государства. Да, меня, в отличие от многих, выслушивают, но реально повлиять на ход событий удалось один раз, и это кончилось плачевно. Не готова страна к войне и не собирается это делать. Психология мирной жизни мешает!

Охранник – другой, сколько их в доме я даже не знаю. Да и черт с ним. Пусть сидит. Сегодня праздник, и машины в Кремль не пускают, только правительственные. Приходится парковаться на том месте, где и утром, и идти пешком к Боровицким воротам. У Большого дворца – большая очередь, но я знаю ночной вход! Обратился туда. Пропуск на сегодня у меня есть, его проверили, но мне не в залы, а выше, в кабинет Сталина. Пришлось ждать, пока охрана согласует вопрос. Утвердительно кивнули и проводили до места, как обычно. У Поскребышева куча народа, все в праздничном настроении, ждут самого, чтобы проводить его вниз. Поскребышев посмотрел на часы, показал мне один палец вверх. Это означает ждите, от стола не отходить.

– Здесь Нестеренко... Понял! – и рукой мне показывает на дверь в кабинет. Вхожу, внутри похоже, идет бурное совещание. Здесь и Молотов, и Берия, и Меркулов, и Федотов. Это, по-моему, Серов, плохо его помню молодым, вроде он. А этот грузин – похоже Деканозов. Скорее, всего он. А этого я совсем не знаю, на Крючкова похож, не артиста, а Председателя КГБ, последнего. А это – Шапошников, что ли? Мощное совещание!

Я присел в сторонке ото всех, в том месте, куда мне показал товарищ Сталин. К столу меня не пустили. Докладывает Молотов. Я слушаю не с начала, приходится улавливать суть. В основном речь идет о переписке между Риббентропом и Молотовым за последние несколько месяцев. О том, как менялся стиль и поводы для переписки. Сижу, слушаю, ловлю на себе недоуменные взгляды некоторых товарищей, с кем сталкиваться еще не приходилось. А это, практически, все. Не совсем понимаю обстановку, я не рассчитывал на такое! Считал, что Сталин примет меня одного. Интересно, как он подаст остальным мое присутствие на таком заседании. Люди собрались здесь, в основном, из КГБ, оно сейчас носит немного другое название ГУГБ. Молотов выступить закончил, через 4 дня он встретится с Риббентропом, а через пять дней с Гитлером. Насколько я помню, последним предвоенным послом в Германии был Деканозов. Он здесь.

– Мы прослушали то, что лежит на поверхности, товарищи. Но есть еще один немаловажный фактор. Здесь находится руководитель одного из направлений, которое может существенно повысить нашу обороноспособность. Так вот, не далее, чем вчера ночью, диверсионная группа, возглавляемая помощником военного атташе Германии майором Хойзе, попыталась осуществить покушение на товарища Нестеренко, с целью похитить или уничтожить его, и еще одного нашего конструктора, находившегося в той же машине. По показаниям участников покушения, Хойзе приказал похитить товарища Нестеренко и вывезти его в Германию. Это абсолютно недружественный акт со стороны разведки иностранного государства. Что обращает в ноль Ваши договоренности с Риббентропом, товарищ Молотов. Сегодня ситуация еще более ухудшилась! По недоразумению или злему умыслу совершенно секретная информация об открытии у нас нового крупного месторождения нефти стала известна нашему противнику, давайте называть вещи своими именами. С указанием места этого открытия. Мне поступило предложение о необходимости провести ответные действия и операцию по дезинформации германской разведки и их генерального штаба. Я готов выслушать как тех, кто предлагает провести эту операцию, так тех, кто имеет возражения, и тех, кто возьмется за ее проведение. Говорите, товарищ Нестеренко, доложите присутствующим ваши соображения.

Я встал, собрался с мыслями и духом, и начал:

– Я находился на трибуне в седьмом ряду справа от Мавзолея. Примерно в 20–30 метрах от делегации Германии. Обратил внимание на человека, снимавшего на кинокамеру все, что его интересовало на параде. Он стоял по правую руку от посла Германии в СССР. Одет в гражданскую форму одежды. Он снимал людей, стоящих на трибуне, где, в основном, находились работники оборонной промышленности. Снимал технику, самолеты и войска. Камера у него совершенно новая, с длиннофокусным объективом. Особенно тщательно снималась техника. При этом он постоянно пользовался ручкой изменения фокуса. Затем я услышал из уст дик-

тора сообщение об открытии нового месторождения в Поволжье. Человек прекратил снимать и требовательно начал разговаривать с послом. То есть, этот человек в иерархии рейха занимает место выше, чем посол. Насколько мне известно, в настоящее время немецкое посольство имеет маломощную радиостанцию в своем распоряжении, и использует самолеты Люфтваффы для связи с Берлином. Ближайшим рейсом в Берлин отправится информация, имеющая стратегическое значение. Имею все основания предполагать, что она существенно повлияет на разработанные планы Гитлера в отношении СССР. В случае начала войны, гитлеровцы ударят в сторону Поволжья, где местность наиболее удобна для их техники. Необходимо помешать немецкой разведке доставить эти данные Гитлеру. У меня все.

– Садитесь, товарищ Нестеренко. Вопросы?

– Но информацию слышало большое количество людей! Весь Союз! В том числе, и все агенты абвера.

– Человек, в том числе и Левитан, может ошибаться. Читал одну бумажку, она упала, сказал по памяти. Но в завтрашних и сегодняшних вечерних газетах должна прозвучать иная информация, где вместо Поволжья будет фигурировать полуостров Мангышлак, пески Кара-Кум, Небит-даг, на выбор. А бригада из Астрахани, которая была упомянута, находилась там на вахте. Своих нефтяников нет, вот центр, Москва, и прислал их открывать туркменскую нефть. Пара фотографий на фоне песков, нефть там есть, только объем ее меньше и топтать солдату дальше, а танки дотуда вообще без ремонта не дойдут.

– Идея – хорошая! – подхватили чекисты практически хором, они же сами вспомнили о многотиражках в Поволжье.

– Я прошу не забыть этого «ганса». Если он доложит Гитлеру о Поволжье, Гитлер поверит ему, а не абверу. Он и его пленки не должны долететь до Берлина. И еще, товарищи. Несколько недель возле нашего испытательного центра работала абвер-команда. И та же камера могла снять те машины, которые проходили испытания в центре. Или записать звук новых двигателей. Вы меня понимаете, товарищ Сталин.

– Теперь я Вас отчетливо понимаю, товарищ Нестеренко. Товарищ Серов! Вы понимаете, что необходимо сделать?

– Совершенно отчетливо. Немец, его фамилия Арманн. Он – группенфюрер СА, прибыл четыре дня назад из Берлина, работал в Испании, принимал участие в разгроме компартии Германии. Он долететь до Берлина не должен. Самолет упадет в лесистой зоне Белоруссии. Откажут все три двигателя.

– Товарищи Молотов и Деканозов! Ваша задача успокоить наших немецких «друзей», в кавычках, и принести им искренние соболезнования от лица всего советского народа. Товарищ Нестеренко, ваш вопрос решен. Увидимся за столом. Еще раз, с праздником.

А Сталин, все-таки, иезуит, изувер и, как его, во! Редиска! Самое страшное ругательство в Советском Союзе! Последними словами хочется обругать, но все по порядку! Иначе не поймете моего возмущения. В общем, с совещания меня выпроводили, и наладили вниз в зал Советов, так у них Георгиевский зал назывался. Был там однажды, когда диплом доктора получал. Ельцин зал таким количеством украденного у народа золота украсил, что глазам больно смотреть было. Сейчас здесь много скромнее, золота не видно. Стены украшены «соцреализмом», смотреть особо не на что. Перед входом регистратора, как обычно, берут приглашение и выдают бумажку с номером столика. Чутьочку раньше столы выставляли по-другому, как мне сказал Филин, буквой «п», и стулья ставили с обеих сторон стола. Сейчас столики на четверых, с проходами между ними, как в ресторане. Места для танцев не оставили, посетовал Александр Иванович.

– В 38-м тут Чкалов такую «барыню» отплясывал! Любо-дорого посмотреть! Но народу больше стали приглашать. Растет страна! Богатеет! И культуры стало больше! У тебя какой столик?

Я показал табличку, оказалось, что нас рассадили по разным местам. Но ничего, Филин сказал, что с соседями всегда можно договориться. Еще никто не рассаживался, а бродили все по коридорам и курилкам. Сталина не было, а без него не начинали. Праздник несколько затягивался. Затем шум стих, раздались аплодисменты, и к столикам у заднего входа из противоположных дверей стали выходить члены Политбюро и Правительства. Седой, как лунь, Калинин жестами пригласил всех рассаживаться. Я подошел к своему столику, увидел свою фамилию: Никифоров, и сел. Справа от меня сел сам Поликарпов, слева – незнакомый мне человек, а ко мне подошел молодой летчик, лет тридцати, майор. Немного потоптался у столика, затем он обошел стол и сел напротив, решив не беспокоить пожилого человека и полковника. Тут вошел Сталин, все встали и зааплодировали. Сталин подошел к небольшой трибуне, где стоял микрофон, и произнес короткое приветствие всем собравшимся с годовщиной Октября. Предложил всем сесть и наполнить бокалы. Майор, как самый молодой, проявил инициативу, разлил по рюмкам водку, зачем-то взял карточку с моей фамилией, и заменил ее своей. Я опустил глаза и увидел там «Нестеренко С.С». И тут до меня доходит, что на той карточке не мои инициалы. Там были буквы «Т» и «Л». Смотрю на летчика и понимаю, что вижу фотографию деда, только одной шпалы у него еще нет. Не так я представлял себе эту встречу! Совсем не так! Я же хотел ему Ла-11, именной, подарить, чтобы мог сопровождать бомберов до самого Берлина. И на тебе! Сижу, как дурак, напротив деда, под чужой фамилией, и должен каждое слово обдумывать, чтобы «ОВ» чертово не нарушить. До этих «Ла-11» как до Пекина босиком, да по колючкам! А он, вот он, сидит напротив меня и разговаривает с Поликарповым, что новую машину только что испытал. На ухо ему, втихаря от меня, название машины говорит. А что за мужичка слева посадили – хрен его знает. Тихон Лукич и его, и меня, игнорирует. Он знает только Николая Николаевича, а мы ему мешаем. Между тостами знакомлюсь с соседом: Березин его фамилия, приехал в златоглавую, чтобы встретиться с главным конструктором НИИ ВВС, который написал, что его пулеметы не стреляют. Я, правда, так не писал, и ни фига не подписывал такого. Письмо прислали из другого ведомства. Я – зверь, и ни фига не понимаю в самолетном вооружении. Вот такой слушок пополз по наркоматам. Этим со мной поделились приватным характером после того, как вторую или третью бутылку раскупили. Я особо и не лез. Мне деда в качестве упрёка хватало.

– Святослав Сергееч! Давайте все к нам, мы там столик освободили и сдвинули! Николай Николаевич! Как Вам наш новый зам? Это он ваш «Ишачок» переделал! Вот такая машина получилась!

Возникла глухая и тупая пауза. Всем было неудобно. Мне за то, что не мог представиться, как есть. Сижу под чужой фамилией, на чужом месте и в чужом времени. И остальным, потому как на меня каждый по ведру помоев вылил. Первым очухался Поликарпов:

– Да я, как бы, домой собрался, Александр Иванович, не шибко себя хорошо чувствую.

– Если это из-за меня, то не стоит обращать на это внимание, Николай Николаевич. Это мой позывной по ВЧ. Под ним и записали. Михаила Евгеньевича я, извините, не знал, поэтому и представился, как представился. Ну и майора Никифорова – тоже. Позвольте представиться: Никифоров, Святослав Сергеевич, главный конструктор ОКБ НИИ ВВС. Извините. Это я домой собирался.

– Какой домой, Слава, ты о чем?! Так, разговоры и обиды в сторону, все за мной! Тихон Лукич, не отставай! Тебя это тоже касается, и даже больше всех остальных! Но ты об этом узнаешь последним! Не положено! – генерал уже крепенько приложился, но трезвость мыслей не терял.

– Да никуда я не пойду! – ответил я.

– Я – тоже! – подтвердил Поликарпов. – Ты, Саша, себе американца выписал? Вот и сиди с ним, хоть в обнимку! А я – в госпиталь. У меня режим и обследование.

– Я – тоже никуда не пойду.

– А это кто такой? – спросил у меня Филин.

– Березин, конструктор УБТС и УБС, которые стоят на «долгоносиках».

– Вот, заразы! Пересраться успели! – генерал вложил большие пальцы сзади за ремень гимнастерки. – Твоей машины хватит, все едем в НИИ. И это – приказ! Всем понятно? Слюни можете оставить здесь! За мной! Без разговоров!

У машины генерал выдал вечное и непререкаемое:

– Слава, ты ее заведи и вылезай, он поведет! – и указал перстом на сонную харю стражника из «первачей».

– Ну, да, он – доведет! Всех нас до могилы.

– Не перечь! Боец, машину в Чкаловск доведешь?

– Отчего не довести, товарищ генерал! Вот только почему педаль одна? Как нейтраль включить, и где первая передача?

– Все! Ша! Веду я. Можете для контроля кого-нибудь посадить рядом.

– Сам сяду! Гляди у меня, аккуратно! Да-да-да! Стой! На два умножать не забудь! – Вспомнил, сволочь! Аккуратно тронулись, но впереди «гаец» пристроился, который наблюдал за нами на стоянке. Вывел нас за границу города, поморгал фарами, развернулся и исчез. Не было в правилах пункта о запрете управления под шэфэ. Упоминалось, что требуется особая осторожность. Осторожность нам обеспечили, но и я, после ухода «гайцов», скорости не прибавил. Выпито было совсем немного, дед мешал своим присутствием, не знаю почему.

– Давай в пятый ангар! – приказал Филин. Он тоже проветрился, и понимал, что мы сейчас выполняем самую главную работу. Эти три машины под другим допуском: «001», который у всех имелся, поэтому и стоят в пятом, а не в третьем ангаре. Через пару недель его понизят до «002», «Секретно». Требуется учить людей работать с этими машинами и летать на них. От них, людей, зависит, как встретим орлов Геринга. Без этого – никак! У машины иная, немного, центровка до использования боезапаса, другая дальность, и вообще, это не «Ишак». Увы! «Ишак» и сложнее, и проще, одновременно. «Долгоносик», за счет тяжелого клюва, более устойчив на курсе, и менее склонен к штопору, но возвращается на «исходные» после израсходования топлива и боезапаса. Одна машина, первая, которую переделали, больше напоминает «ишак», и более маневренна. Остальные имеют большую скорость и большую нагрузку на ручку. Вторая машина, с прозрачными крыльями и 63-м двигателем, абсолютно не аналогична «И-16», кроме скорости крена. По этому параметру она еще более верткая.

Все это, вместе с листами испытаний вручили Поликарпову, а остальные ходили вокруг да около и смотрели каждый свое. Березин разобрался, что такое УБТС – «универсальный березин турельный синхронизированный». Это – самый короткий пулемет Березина, с электроспуском и электросинхронизатором, стоящим отдельно от пулемета. Остальные не влезали в носовой отсек. По баллистике он уступает всем моделям, кроме УБТ. Как сделал! Но, я ему сунул патрон 23×115, и сказал, что пушка по длине вряд ли превзойдет УБТ.

А вот Поликарпов потребовал данные по обдуву моделей, и графики эффективности винтов. Он, в основном, сравнивал графики с тем, что помнил, как отче наш, у своей машины.

– Нескромный вопрос можно?

– Почему нет?

– Это другая машина, почему сохранили старое название?

– Это – «И-16», как ни крути: фюзеляж – ваш, управление, расположение приборов – ваше, за некоторым исключением, не было у вас надежных электроприводов. От нас только винт, иной профиль кокпита и принудительное охлаждение.

– Только! Это большая часть машины!

– Самолет – ваш. Мы изготавливаем только носовую насадку и часть электрооборудования. Это наш с вами козырь! Стандартный «ишак» устарел, и не представляет из себя опасности для «Мессера», за исключением лобовой атаки и боев на виражах. Этого – недостаточно. И выйти из боя он не может. Вот эти две машины – выйти из боя не могут тоже. Они примерно равны по скорости «сто девятому», а этот от «мессера» уйдет, даже на пикировании. И что еще более интересно: на кабрировании. Гоняли. Вот графики скороподъемности и сравнительных скоростей на кабрировании с малой интенсивностью. Я, конечно, не знаю, когда промышленность выдаст нам новый материал на обшивку. Но экспериментальный самолет и чертежи для раскроя мы имеем, и можем все машины переодеть, как только материал поступит. А этих машин в войсках около 10000 штук, по пять на все «мессера» Люфтваффе. Вы меня поняли?

– А что с новыми машинами? У меня третий год стоит без двигателя «И-185».

– Будет тебе двигатель, только 73-й, сдвоенный 62-й. Под его диаметр. И 82-й, хоть завтра.

– У него мощность меньше, Александр Иванович!

– Зато работает. Вон, Лавочкин, уже выпустил Ла-5. Тихон Лукич! Пробовал?

– Было дело, 596 кмэ дал, без проблем, по времени, с третьего виража заходит в хвост «Мессеру».

– Станет он три виража крутить! Уйдет на вертикаль и поминай как звали!

Я решил встрять:

– Есть там возможность на двести сорок сил поднять мощность. Месяца два требуется.

– Тут два месяца. Там не пошло и еще столько же, если не больше. Предлагал же: купить у «Райта».

– Денег дай! Пошли! – генерал махнул рукой и повел всех к работающему «М-62ИР» в третьем ангаре. ТВД там уже не было, и допуск стал обычным для всех.

– Вот, смотри! Пятисот шесть часов отработал, мощность на этот момент 962 силы. Видишь? Или ты думаешь, что мы тут ши лаптем хлебаем и зря хлеб едим? И американцем прикрываемся? Он что – американец? Херню ты городишь, Николай! Извини за резкое слово.

– А ты в курсе, что 153-й завод у меня опять забрали?

– В курсе! Твое КБ возвращается на Беговую, и тех, кого необходимо, заберешь у Микояна. «21-й» будет в твоём распоряжении. Вопрос решен. Так что лечись, и возвращайся. А пока мы твоих людей у себя задействуем, переделать «185-й» под новый диаметр двигателя и новое оружие. Как, Михал Евгенич, дадим Родине угля?

– Хоть мелкого, но много? А техзадание будет?

– Техзадание есть, проблема в том, что артиллеристы пока патрон не приняли, отстреливают.

– Так может быть ШВАК-патрон задействовать?

– Время потеряешь, а толку будет с гулькин нос. Это ж всю автоматику переделывать. Впрочем, как знаешь. Могу и Таубину отдать.

– Этот – возьмется, он за все берется. А потом сплошные клины. Сколько он будет проходить пристрелку?

– Еще два месяца. У меня таких только двенадцать штук. – Александр Иванович врал, у нас их 64 штуки, два ящика, но он не желал складывать все яйца, включая собственные, в одну корзину.

И тут, когда он начал рассказывать о том, какой замечательный способ мы придумали для переподготовки личного состава, чтобы скрыть масштабы поставок новой техники в развернутые у границы полки, до меня дошло, как выполнить последнюю операцию: подбор параметра в алгоритмах «шаг-винт»! Для этого надо уравнивать моменты сил, а ведь это – весы! К одной стороне прикладываем результат-силу от трубки Пито, к другой – от тахометра, и уравниваем их, путем перемещения точки подвеса. КОС – от датчика на упорном подшипнике. Как

перемещают грузик на весах. Если двигать точку опоры, то ее перемещение даст угол, на который требуется развернуть лопасти. Ставим туда подшипник, и пусть рычаг качается на нем. Стоп! Еще раз только с давлением. Итак: справа – давление от трубки Пито, слева от насоса тахометра, они давят каждый на свой гидроцилиндр, между ними – коромысло, под которым «плавает» опора. Высокое давление справа перемещает коромысло вправо, уменьшая рычаг, пока давление там и там не выровняется. Положение опоры через рычаг даст угол поворота лопасти. КОС запрещает нулевое положение угла атаки, кроме пикирования. Для этого его надо связать с авиагоризонтом и высотомером. Этим предотвратим раскрутку двигателя.

– Александр Иванович, я на минуту! Решил, как подобрать параметр по результатам деления для винта.

– Ой, вали отсюда! Никогда разговор не поддержишь! Все самому приходится делать! А задумка – его! В общем, 4 полка делятся на четыре части: летный состав, технический, БАО и обслуживающий персонал. Все они едут на переучивание в четыре разных центра за Волгой и на Урале, после окончания учебы направляются в разные полки. То есть мы перетасовываем полки, разрывая связи на местах. Агенты, а таковые, по умолчанию, существуют, лишаются связи. Почта переученных – люстрируется, приказ об этом издан. Самые большие сложности с обслугой, но ее перевели на военное положение, так что отказаться она не может. Комплекты «долгоносиков» поступают на складское хранение непосредственно в части. Места для крепления очищаются и подготавливаются для установки насадки. Причем приказы подготовлены с совершенно другим обоснованием. Не для установки, а для снятия местного перегрева цилиндров. Когда я доложил «самому» и тот посчитал, что полк может собраться в старом составе только после 16 переучиваний, он дал добро на этот способ. Сейчас собираем комплекты для второго учебного полка. Скорость производства возросла, через месяц начнем обучение сразу в четырех местах.

– А почему Сибирь или Волга?

– Ну, мы считаем, что там у противника меньше агентуры и больше трудностей по связи.

– Это не панацея! – заметил Николай Николаевич. – Ладно, пойду посмотрю, что там твой главный придумал. Как он тебе, Саша?

– Работаем, душа в душу.

– Это хорошо, когда так. Так говоришь: мои к вам все попадут?

– Не все, у нас по штату 15 конструкторов не хватает, остальных посадим переделывать машину под новые двигатели.

– Так их же еще нет!

– Не скажи! Вал и всю оснастку для него передали в Молотов, к концу месяца вернут готовый. Обвяжем здесь и поставим на доводку.

– Когда и как успели?

– Ну, все тебе расскажи! Есть способ! Ты лучше скажи, как здоровье?

– Ну, как-как! Резать будут! Я отказывался, да «Он» приказал. Я ему: «Не имеете права!». А он: «Я? Имею! Я – Председатель комитета обороны, а лучший конструктор у меня болен, и тяжело. Так что имею!» Весь разговор. 10-го операция назначена. Слушай, я тебе Степанчонка направлю, пусть попробует все до 10-го. Так мне спокойнее будет под нож ложиться. Он у меня теперь «ведущий», вместо Валерки.

– Присылай!

– А где здесь телефон?

– Вон там, в каморке, куда Славка ушел.

– А тебе как машина?

– «Мессер» ей по зубам, почти по всем параметрам превосходит. Если успеем сменить перкаль, то хрен ее возьмешь за хвост.

– А где материал брали?

– Опытный. Оборудование для него пока делают только в Америке, ну и наши теперь пыхтят, но вроде договорились о поставке оттуда. Придет во Владивосток, оттуда в Новосиб. Там будут ставить завод.

– А что прозрачный такой?

– Краску не держит, красить надо в момент производства или накатывать ее термическим образом. Такой установки и краски у нас нет.

Поликарпов куда-то долго звонил, потом разговаривал с женой Василия Степанчонка, начальника ЛИС КБ. Сам Степанчонок спал, видать после праздника. Затем Филин вызвал машину, и все уехали обратно в Москву, а я перебрался в дом, и работал до четырех утра.

Утром меня разбудил рев двигателей! В небе над Чкаловском шел учебный бой между «Мессершмиттом» и «долгоносиком». Яростный и надрывный. От самой земли до самого потолка. Два аса сошлись в этом бою, и никто не хотел уступать другому небо. Топливо быстрее кончилось у «Мессера». Машины сели и подрулили к КП. Из кабин выскочили летчики в мокрых, хоть выжимай, гимнастерках. Техники набросили на них меховые куртки, как только они обнялись и похлопали друг друга по спине. Мы с Филиным стояли в прозрачном «курятнике» – СКП, и гоняли чай, в ожидании Супруна и Степанчонка. Они шумно вошли в помещение.

– Товарищ генерал! Учебный бой закончил, проиграл по топливу, но приходилось постоянно отбиваться и на вертикаль уходить, не давая Ваське разогнаться. Было не холодно! Майор Супрун!

– Ну, а ты что скажешь?

– От движка жарковато в левом углу. Непривычно кнопкой триммеры поправлять. Уборка шасси – сказка! Великолепно тормозит щитком, и лихо разгоняется. Неохотно идет вверх после пикирования, приходится триммером подгонять. – ответил, смешно шевеля ворoshiловскими усами, подполковник.

– Поэтому электротриммер и поставили. В курсе.

– Обалденный обзор и панорамное зеркало. Сидеть очень удобно. Дважды мог обстрелять Степана, кнопки нажимал, но где ФКП я так и не понял.

– Снизу под обтекателем, внутри капота стоит.

– Чудесно! Хочу тот, прозрачный, попробовать.

– Отдыхай, запарился весь. Сейчас ему винт перебросят.

– Зачем?

– Он, пока у нас один. Остальные с двумя фиксированными положениями шага, большой-малый. Не готов пока регулятор шага.

– И когда? – спросил Василий и уставился на генерала.

– Вон у него спроси!

Я представился.

– В той машине, на которой вы сейчас летали, стоит механизм, который разворачивает лопасти на максимально выгодный угол атаки в зависимости от нескольких условий полета. И он это решает сам, без участия летчика. Но сделать точно такой же у нас не получается, он электрический, и у нас таких приборов не делают еще. Мы вместо электрики ставим гидромеханику. Окончательное решение получено только сегодня. Отправим в Ленинград, ну а там, как сделают. Летать с ручной регулировкой шага можно. Но придется отвлекаться на управление винтом. И у нас три разных регуляторов шага, пока не выбрали: какой из них окончательно будет стоять на машинах, если задержится изготовление автомата в Ленинграде.

– Ну, более-менее понятно, но машину с ручным управлением я тоже хочу попробовать.

– Попробуете, но ту, у которой кабина сзади. Это основной тип, наиболее массовым будет. И он максимально похож на «Ишака», и не только внешне.

Через полчаса Степанчонок продолжил испытания, и по их окончании скривил губы, и сказал:

– Третий тип от «Ишака» практически не отличается, только скорость больше, и динамика выше. Существенно хуже обзор, легче срывается в штопор, как «Ишак», чуть на меньшей скорости, но выходит уверенно и быстро. От двигателя не жарко. Но машина хуже. Много хуже.

– Там минимальные переделки боевой модификации «И-16». Массово переделывать даже уборку шасси не будем. Нам столько не осилить в отведенное заданием время. Полностью переделывать будем 1320 истребителей УТИ-4 тип 5, в такой, как вы летали в первый раз. Для самых опытных летчиков. Второй тип привязан к новому материалу, который поступит неизвестно когда. Ну, а о третьем вы сами все сказали.

– Спасибо! Я в Центральный госпиталь. Утром мне звонил Николай Николаевич, просил передать Вам, что хотел бы переговорить с Вами до операции, товарищ главный конструктор.

Отказываться было не с руки, я сходил переоделся и через некоторое время выехал вслед за машиной Степанчонка, которого нагнал перед самой Москвой. Быстро ездит испытатель! Свернули с Щелковского шоссе, и через десять минут поставили машины на площадке внутри госпиталя. Машин еще немного, и на них ездят «уважаемые люди», поэтому особых сложностей с парковкой не возникает. Все ворота открываются по гудку и проверки документов, сводящихся к показу красной книжечки, даже не раскрывая ее. Василий Андреевич явно уже бывал здесь, поэтому иду за ним. Нас снабжают белыми халатами, которые мы набросили на плечи, и мы продолжили путешествие по хирургическому отделению. Николай Николаевич в коричневом халате, с воротником цвета хаки, лежал поверх одеяла и что-то читал. Палата – отдельная.

– Ну, как?

– Во! Обзор – просто сказочный. Топлива больше, чем у «Мессера», и по динамике он его превосходит на все сто. Степка мне в хвост зайти так и не смог. Ему приходилось только отбиваться. Есть отдельные замечания, жарковато в кабине в левом нижнем углу, а так – мечта! Но, они говорят, что только УТИ будут переделываться по полной схеме, остальные, кроме носа, ничего не получат.

– Я знаю. Что по ней? Это главное!

– Ну, «Ишак», более динамичный и скоростной, но после их «капли», как на «фарман» пересел. Из нового: только механизм привода щитка поставили. Остальное все: как и было. Маневренные характеристики практически без изменений.

– Ну, все, спасибо, Василий! Извини, что в праздник побеспокоил!

– Да ничего, я пойду тогда!

– Марье привет передавай и мои извинения, что все ее планы сорвал.

– Она привычная! Я зайду одиннадцатого.

– Если пустят, позвони в дежурный покой предварительно.

Николай Николаевич заглянул в тумбочку, и вытащил оттуда блокнот. Полистал его и передал мне.

– В общем, я тут написал обо всех своих, кто есть кто, и что можно поручать. Вы же их не знаете совсем. Отдельным списком: кого бы хотел вернуть от Микояна, раз такое возможно. Так как вы человек новый, и из другого ведомства, на последней страничке те люди, от которых бы я с удовольствием избавился бы, да грехи не пускают. У вас может получиться. Да, если что произойдет, непредвиденное, в моей квартире чемоданчик коричневый, опечатанный, в шкафу на верхней полке лежит. Там то, что не успел. Наброски мои. Вот мое распоряжение об этом. Скорее всего, в этом случае все КБ к вам уйдет. В общем, я подумал, что так будет лучше для дела. Иначе Яковлев или Микоян себе приберут. Они давно за этим чемоданчиком охотятся.

– Да все будет хорошо, Николай Николаевич. Спасибо за блокнот, верну, как только выйдете из госпиталя.

– Тьфу-тьфу-тьфу.

– Не беспокойтесь! Хирурги здесь великолепные. Кто вас оперирует?

– Сам, Бурденко.

– Все будет хорошо, Николай Николаевич!

– Да не уговаривайте меня! Просто я вижу, что вы человек пожилой, опытный. Не кинулись, как наша молодежь, «Мессер» копировать, а понимаете, что радиальные короче и имеют большую мощность уже сейчас. И оружие предлагаете использовать короткое, что позволит сдвинуть кабину вперед и вести огонь по видимой цели на виражах, что горизонтальных, что вертикальных. Машину я вашу посмотрел. Это – шедевр. У меня тямю не хватило это сделать! Мысли были, но как воплотить их в металл, не додумался. А сейчас, даже если уйду, то передам это в руки, которые доведут до ума. В этом я уже не сомневаюсь. Обидно было, что КБ растащат по углам всякие «микояны». Ой, не возражайте, я знаю, что говорю. Не в службу, а в дружбу: посмотрите, что можно сделать, чтобы «сто восемьдесят пятый» до ума довести. Хорошая машина должна получиться. Идите! Извините, что гоню! Нервов не хватает. Болячка, сука, прицепилась, и не отпускает.

На выходе из палаты меня поджидал незнакомый мне молодой бровастый парень, человек лет тридцати, представившийся не много не мало, как директор 39-го завода. Серый костюмчик, серый галстук в полоску, серые ботинки, на руке темно-серое пальто, на плечах, как и у меня, белый халат. Наверное, идет посетить Поликарпова. Я его переспросил об этом, и хотел сказать, что тот устал, разнервничался и не стоит его беспокоить. Но, оказывается, он уже был у Поликарпова, и ждал нас со Степанчонком у другого входа. Степанчонка только что видел, и поджидал именно меня. Звали его Михаил Янгель. До назначения директором завода он был заместителем Поликарпова, назначенным им после ареста Томашевича из-за аварии «И-180», в которой погиб Чкалов. И принял на себя доводку этого самолета. 39-й завод должен стать первым серийным заводом для этой машины, после того, как горьковчанам с 21-го завода удалось отпихнуться от размещения серии у себя. Янгель был представителем КБ в Горьком, но не сумел добиться размещения заказа в 100 машин, кстати, принятых на вооружение РККА и прошедших полный курс испытаний в НИИ ВВС. Распоряжением Шахурина завод 21 репрофилируется на выпуск «И-26», еще не принятого на вооружение «Як-1», и ЛаГГ-3. И Янгеля отправляют на 39-й завод, причем не конструктором, а директором. А диплом инженера он получил в июне 37-го года.

– Мне Николай Николаевич сказал, что КБ, в почти полном составе, направляется для работы в ОКБ НИИ ВВС. А меня четыре дня назад направили на 39-й завод директором, и замнаркома Яковлев вручил мне вот эту бумагу. – он протянул мне приказ по НКАПу о снятии самолета «И-180» с серии, и подготовке оснастки под выпуск «Як-1». – То есть, меня из КБ забрали, а я у Николай Николаича работаю с 32-го года. Еще студентом начал подрабатывать. Вот, получил на доводку принятый в серию самолет, и меня пинком под зад выбрасывают из КБ. Я пришел просить Ник-Ника помочь, а он говорит, что все теперь решает не он, а Вы. Сегодня праздник, поэтому еще можно этот вопрос утрясти, а завтра будет поздно. Должность я еще не принял.

Передо мной стоял будущий академик, дважды Герой Соцтруда, генеральный конструктор знаменитой «Сатаны» Р-36. Легенда советского ракетостроения. И что делать? Вытащил из кармана блокнот Поликарпова, фамилия Янгеля подчеркнута дважды, написано, что разработал и внедрил батарейную лафетную установку вооружения на самолетах «И-180» и «И-185». Способный инженер, много и активно работает с вибрацией и ударными нагрузками.

Я почесал себе слева верхнюю губу под усами. Черт знает, что делать! Такая корова нужна самому, но связываться сейчас с НКАП – занятие довольно тухлое. Тем более, что человека повышают. И я даже догадываюсь: почему! Рассчитывают, что на этом месте он себе шею и сломает. 39-й завод – это дочернее предприятие «Дукса», вторая площадка завода № 1. Когда-то на обоих безраздельно хозяйничал Поликарпов, сейчас завод трясет и лихорадит из-за того,

что на нем сидят четыре КБ. И каждое из них тянет одеяло на себя. Серийное производство машин Поликарпова потихоньку сворачивают в пользу еще не состоявшихся машин. Сам я кадровыми вопросами не занимался, никого, кроме Лозино-Лозинского к себе не перетаскивал. А стоит!

– Ладно, если не возражаете, то можем подъехать в институт и попробовать решить проблему. Пройдемте!

Михаил Кузьмич активно пытался расспросить про машину, а я напряженно думал о непоследовательности Сталина, который только что хвалил нас с Филиным за проделанную работу и тут же подписывает постановление о признании двигателей воздушного охлаждения бесперспективными, и снимает с серии машины, уже прошедшие испытания и готовые идти в нее.

– Это со мной, он в отдел кадров.

Усадил Янгеля перед кабинетом подполковника Алексева, а сам направился в кабинет Филина с бумажкой НКАП.

– Александр Иванович! Вы это видели?

– Нет, где взял?

– Возле кабинета Алексева сидит инженер Янгель, его пятого числа вечером назначили директором 39-го завода.

– Да он же к нам переведен! Он же зам Поликарпова! – Филин потянулся к телефону, и через минуту уже разговаривал со Сталиным. К тому заходили Шахурин и Яковлев, и на пальцах доказали, что я сделал то, что и они: уменьшил лоб машины, соответственно, статья в «Технике воздушного флота» за декабрь 1939 года верная, и надо действовать именно так: отказаться от звезд в пользу V-образных двигателей, как у Мессершмитта. И привели мнение «ручных» ученых из ЦАГИ в поддержку этого мнения. Сам Сталин – это постановление не подписывал, пообещал разобраться с вопросом. Собирался побеседовать с нами по этому поводу, но, мы исчезли с «посиделок» 7-го ноября, и разговор не состоялся. У него запланирована встреча с нами по этому вопросу на завтра.

– А у нас, под шумок, из КБ Поликарпова, которое вы передали нам на время болезни Николая Николаевича, увели исполняющего обязанности главного конструктора Янгеля. Он ответственный за доводку «И-180», который уже принят на вооружение ВВС, и мы за почти год не получили ни одной машины, потому, что КБ постоянно перебрасывают с одного завода на другой, умышленно затягивая поставку в войска этого самолета. И он же назначен Поликарповым ведущим конструктором «И-185». Его перевели на 39-й завод директором, с задачей снять с производства самолет «И-180», и начать изготавливать оснастку для «И-26», который испытания еще не прошел и в серию не принят.

Филин замолчал, слушая Кремль.

– Да, это его машина. – опять молчание.

– Два БС и два ШКАС на едином лафете, и это разработка именно Янгеля. Впервые в мире единая платформа для вооружения...

– Да, так же как в «И-16НМ» у Никифорова. Это общепринятая система установки вооружения, и она разработана именно им...

– Да-да, три года назад, но в КБ он работает с 1932 года...

– Что Никифоров? Привез его из Москвы к нам и посадил у кабинета начальника отдела кадров. Но без Вас, товарищ Сталин, мы эту проблему закрыть не можем. – прикрыл трубку рукой. – Спрашивает: как проявил себя самолет «И-180» в войне?

– Никак, его сняли с производства. Двигатели М-88 летали до конца войны.

– Говорит, что никак, этим постановлением их сняли с производства. А двигатель летал до конца войны на других машинах. Да, даю трубку.

Я принял протянутую трубку.

– Что говорят в ваше время по поводу этого постановления?

– Сам Шахурин написал в своих воспоминаниях, что это была ошибка НКАП. У меня есть сохраненная страница с этой цитатой.

– Забирайте себе Янгеля и тридцать девятый завод. Я, как Председатель Комитета обороны, отменяю данное распоряжение. Помогите товарищу Янгелю освоить специальность директора завода, и предупредите его, что он лично отвечает за скорейший выпуск серийного самолета «И-180». Первый серийный самолет назвать именем Чкалова. Вы меня поняли?

– Так точно! Да, товарищ Сталин.

– Я уже передал товарищу Филину время нашей встречи и поднимаемые вопросы. Готовьтесь! До свидания. – короткие гудки в трубке.

– И чего он хочет?

– Требуется обоснования о первоочередных НИР на декабрь 40 – июнь 41. Вторым вопросом мы уже сняли. И хочет поставить тебе задачи на время моего отпуска. Распишись в приказе, остаешься за меня, до 4-го декабря. Я хотел утром уже выехать в Кисловодск, придется отложить на сутки. Супругу с младшей отправлю завтра, билеты мы уже взяли. Арцимовича я отправил в командировку в Иркутск, там опять катастрофа и разрыв пушки. Судя по всему – это он подписал принятие «ЦКБ-57», я его планировал оставить за себя. У Щербакова – план на этот месяц, ознакомишься завтра. Его сегодня нет, куда-то умотал, кто-то у него болеет. Да и праздник. Я на сегодня все, Анна уже раз пять звонила, надо домой, помочь ей собраться. Так что, дай краба, и я пошел.

Мы вышли, он закрыл кабинет, я предложил его подбросить домой, но он отказался. Поднявшемуся со стула в коридоре Янгелю сообщили решение Сталина. Подписали ему пропуск, чтобы его выпустили из части, и он ушел на станцию. Время почти обеденное, на территории почти никого нет, только шум на стадионе, там в футбол играют. Страна отдыхает, последний предвоенный ноябрь. Немного посидел в машине, перебирая в памяти события этих двух дней, и вернулся в «свой» домик, чтобы не держать засидевшуюся охрану на заднем сиденье. В одиночестве я могу посидеть только там.

Угу! Как же! Дадут тут поработать! Не прошло и сорока минут как вернулся, у ворот стоит три машины, товарищ Шахурин, собственной персоной. С целой делегацией! Работенки у охраны сегодня вдоволь! Собирает оружие у желающих пройти в дом. Странно, что не видно Яковлева. Впрочем, из пяти вошедших, трое – наших: это инженер 1 ранга Воеводин, и два его помощника по отделу истребителей Максимов и Васильев. Из НКАП только Шахурин и Хруничев. Поздоровались, познакомились. Пинок, оказывается, уже достиг цели, и заставил пятую точку начальства пошевелиться.

– Товарищ Никифоров, вы знакомы с таким понятием, как план? – пришлось покивать, что был знаком, и нарком продолжил свою мысль, выложив на стол бумажку. – Вы видите здесь самолет «И-180»?

– Нет, здесь только самолет Яценко, «И-28», но его разместили на «Саркомбайне», вместо 81-го завода, поэтому план по его выпуску будет сорван. Сегодня 8 ноября, выпущено – 7 машин, из 300. А 81-й передали бюро Яковлева, на котором выпускают его Р-12, модификацию ББ-22, которая выпускается на заводе № 1. Не проще ли было на сто самолетов увеличить выпуск на «единичке»? Ведь по словам Яценко, у него было все готово для начала работ на родном заводе. «И-28» построен там, и оснастку на него начали делать сразу же. В результате ни одного современного самолета ВВС не получит. Ни «И-28», ни «И-180», который, каким-то чудом, даже в плане не фигурирует. Это называется нечестной конкуренцией, использованием служебного положения в личных целях. Летчики стонут от ББ-22 и Р-12! Вон там лежат его обломки.

– Товарищ Яковлев снят с должности заместителя Наркома НКАП по опытному самолестроению. Назначена комиссия, которая будет решать его судьбу по результатам проверки его деятельности.

– Ну, а ко мне-то вы зачем?

– Получили разрешение товарища Сталина ознакомиться с самолетом «И-16н» и «И-1буб». Вот его записка. Он Вам звонил, но вас не было на месте.

– А смысл вам его показывать? Эта разработка не имеет никакого отношения к НКАП? Это – полевая переделка основного истребителя ВВС. Который снимается с производства.

– Товарищ Сталин поставил нам в пример эту машину, как очень простой и эффективный, с экономической точки зрения, способ модернизировать устаревший самолет, не залезая глубоко в карман государства. Сказал, что мы просто разворачиваем бюджет. Товарищ Хруничев занимается планированием работы наших предприятий, и в настоящий момент готовит изменения в плане на 1941 год. Товарищ Сталин приказал все изменения согласовывать с Вами, Святослав Сергеевич. Он сказал, что завтра у него назначена встреча с Вами, и это войдет в ваши прямые обязанности. До этого, он обычно согласовывал эти вопросы с Яковлевым. А этот «Остап Ибрагимыч» работал с Михаилом Васильевичем. – нарком ладонью руки показал на своего заместителя, приехавшего с ним.

– В записке о товарище Хруничеве нет ни одного слова, так что извините, но машина будет показана только вам.

Хруничеву самолет было показывать бесполезно! Он, кроме планирования и выбивания сроков, в том числе и тюремных, ничем больше не занимался. И здесь сидел насупившись, и прозорливо рассматривал меня, с точки зрения поиска врагов народа и скрытых троцкистов. Специалистом в области авиации он не являлся. Нарком пожал плечами, расписался в журнале допуска, который подал ему Копытцев, мы надели куртки и вышли к моей машине. Шахурин недоуменно посмотрел на усевшегося вместе с нами охранника, но затем его больше заинтересовал непривычный звук мотора и циферки, высветившиеся на нижней панели приборной доски. Все внимание переключилось туда. Он, все-таки, авиационный инженер, а не хозяйственник, как его зам. Но вопросы он стал задавать только, когда охранник остался в машине, а мы прошли в ангар.

– Вы под арестом, что ли?

– Нет, это охрана.

– А где до этого работали?

– Все в личном деле, не здесь.

– Понял! Двигатель на вашем автомобиле странный! Звук незнакомый.

Я включил свет в ангаре, здесь даже окна под потолком занавешены изнутри, и начал расстегивать чехлы. Алексей Иванович помогал отщелкивать кнопки.

– Достаточно! – я залез на крыло и откинул чехол с фонаря, нажал на панель замка, переместил ее вниз и дернул ручку, поднимая «каплю» чуть вверх, после этого отодвинул сдвижную часть.

– Прошу! – сам спрыгнул вниз и обошел крыло. Взял стремянку у стенки ангара и перекатил ее к капоту. Чехол с винта снимать не стал. Алексей Иванович уже забрался в кабину и даже задвинул обратно фонарь. Крутил головой, осматривая заднюю полусферу. Ручка была неподвижной, так как рули были расклинены. Он поднялся с кресла и спустился вниз. Подошел ко мне и поднялся на стремянку.

– А это что за... УБТ, что ли?

– Да, четыре УБТС. Или два и две пушки, крыльевые.

– А где синхронизатор? Не вижу!

– Здесь электроспуск, а синхронизатор вон там, напротив винта стоит.

– То есть это у вас отсек вооружения.

– Да, и внутри его проходит вал и поток воздуха для охлаждения двигателя. Охлаждение принудительное.

– Красивая задумка! Насколько я понял, это сделано из УТИ-4?

– Да. А вон там стоит «И-16н». Он будет массовым. Он сохранил практически все от старой машины, только пулеметы переехали вперед, и вместо ШКАСов стоят УБТС. Убрали наплывы на капоте от них. Фонарь закрытый, но штатный, с тип 12. Переделка, включая винт и перевооружение, стоит 8700. Самолет вместо 207 тысяч будет стоить 215 или чуточку меньше.

Я опустил капоты, закрыл замки и начал натягивать обратно чехол. Застегивать кнопки не стал, закрепил его штатными резинками. Утром придут механики, разберутся. Мы вышли из ангара, и я закрыл его, зашел в будку охраны и расписался, поставив время и цель вскрытия. Шахурин стоял на площадке и делал какие-то пометки в блокноте.

– Это так, чтобы не забыть, никаких упоминаний о секретном самолете, не беспокойтесь. – он показал записи. Просто перечислены названия деталей, которые его поразили.

– Винт вычеркните. Ни одного слова о нем! Вы его не видели.

– Но где-то же они делаются!

– Делаются, у нас.

– Они же заводские.

– Заводские, и могут производиться массово. Но это – секретно. Это наш подарок Гитлеру и Герингу. Главное не сделать его преждевременно.

В машине он опять молчал, а вот у меня в кабинете выдал такое! Подошел к Хруничеву, хлопнул его по плечу, причем довольно сильно:

– Утерли нам нос вэвэсники! То-то этот гад так кипятком брызгал во всех углах! Вот сссу-сволочь! Так подставил! Нам еще очень-очень повезло, что дело кончилось только этим. «Хозяин», правда, был на редкость спокойным.

– Это-то и плохо! Уж лучше бы кричал.

– Да не кричит он, не любит этого. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Давай план, Михаил Васильевич. – мне передали план на 41-год, но я отрицательно покачал головой.

– Не-а, завтра, могу точно сказать, что можно сразу снимать: «Чайку» и ББ-22 с Р-12. Увеличить выпуск ДС-3 вдвое или втрое. 21-й завод – Ла-5, первый завод, там все готово по МиГ-3, запускать ограниченную серию, максимально быстро, и готовить оснастку для «И-180». 18-й завод – готовить оснастку под «ЦКБ-55», у меня приказ Сталина довести эту машину в кратчайшие сроки, который по неизвестной мне причине до сих пор не выполнен. Машину нам так и не перегнали.

– Было такое? – спросил Шахурин у Хруничева?

– Не знаю! Это епархия Яковлева, может быть Кузнецов в курсе.

– Там их две модификации, требуется именно двухместная.

Воеводина и его замов уже из домика выпер Копытцев, после того, как они подтвердили, что испытания «И-16н» и «И-1буб» были закончены пятого ноября. Они предъявили резолюцию, подписанную председателем комиссии генералом Филиным, с росчерком И. Сталина: «Подготовить комплекты оборудования для полевой переделки всех имеющихся истребителей «И-16» и «УТИ-4» в соответствующие модификации «Н» и «УБ» в срок до 1-го мая следующего года. Выпуск новых истребителей «И-16» на заводах НКАП прекратить с 29 декабря текущего года. НКАП сосредоточиться на выпуске двух новых моделей самолетов-истребителей: «И-180» и «Ла-5». Предусмотреть вопрос перехода на единый двигатель для обеих марок самолетов.»¹

¹ Думаю, стоит напомнить современным читателям, что самолет «И-180» был легче протаскиваемого Яковлевым собственного самолета «Як-1» или «И-26» на 500 килограммов, имел большую дальность, большую скорость, более мощный двигатель и больший потолок. Взлетел раньше и прошел полный цикл испытаний. Все, кто ратовал за скорейшее развертывание серийного самолета «И-180» сорок второй год не пережили. В мае сорок первого НИИ ВВС понес первые потери и очень

Хруничев передал наркому эту бумагу и тот на мгновение застыл, не давая мне ответа, но затем лицо чиновника от авиации посветлело: все решено за него и ломать голову в поисках решения не надо. Проклятый «105-й» дров наломал немеряно, нормально работать он пока не научился, вернее люди его не научили, да и сами устраивали с ним такое, что хоть стой, хоть падай.

– Да-да, Святослав Сергеевич, я прослежу, чтобы машина была отправлена вам. А там много работы? Успеем к январю развернуться?

– Есть подозрение, что да, успеем, но требуется пересмотреть места для производства бронекорпусов, уж больно близко к границе их подтащили.

– Запорожье близко к границе? Это что-то новенькое в географии! – усмехнулся Хруничев. Можно не сомневаться, закладная в НКВД появится именно сегодня!

– Да, товарищ Сталин указал на эту ошибку, и потребовал размещать это в Уральском Промышленном районе, Миас и Каменск-Уральский.

Чертежи на Ил-10 и Ил-1 были готовы на 70 процентов, примерно, но Сергей Владимирович к нам не торопился. Я даже начал вспоминать: когда он попал в аварию и не поэтому ли не спешит с приездом. Нет, Шахурин подтвердил, что в Наркомате Ильюшин регулярно появляется. Так что просто побаивается Чкаловска. Яковлев ему много понаобещал, все они: и Микоян, и Ильюшин, и Гуревич, и многие другие были выходцами из КБ Поликарпова, когда-то рядышком стояли их кульманы, но вот птенчики встали на крыло и ушли в самостоятельный полет, заодно растащив и разворошив, если не сказать сильнее, старое. Знакомая картина! 90-е в конце тридцатых. Куча «собачьих клубов» вместо системы ДОСААФ. Это так, как пример. Тоже самое и в авиации проявилось. Тем более, что как я уже говорил, самолеты больше напоминали летающие табуретки, и делались плотниками, и, иногда, для этого приглашали столяра, отделать «рояль». Но столяры были штучным товаром, и не всякий соглашался идти на такую работу, где по заправку за брак можно было быстренько получить. Завод «Дукс» до эпохи авиации выпускал велосипеды, а КБ Яковлева ютилось в бывшей кровати мастерской.

Митинг с наркомом закончился приглашением вечерком посидеть в ресторане, но я сказал, что вынужден отказаться, так как имею совершенно другие планы на вечер, и в них не входит поездка в Москву. Неожиданно для себя отметил, что общаться с Шахуриным приятно, человек понимает то, о чем говорит, и к чему надо стремиться. То есть находится на своем месте, но чересчур доверился Яковлеву, впрочем, именно Яковлев был назначен Сталиным «куратором» молодого наркома. Читал его воспоминания: Сталин в день назначения познакомил Шахурину с Яковлевым и настоятельно рекомендовал ему прислушиваться к умному человеку. Также он поступил и сейчас, и, в глазах Шахурина, я – такой же Яковлев, только постарше и из другого ведомства. Но, я представитель заказчика. И это несколько меняет дело. Прошел уже почти месяц с момента моего появления здесь, и только сейчас удалось что-то реально изменить в текущей обстановке. Обстановка сопротивляется, и изменяться не хочет. Но, уже вечером, впервые затарахтел древний аппарат под названием «БОДО», пылившийся в углу без дела. Несмотря на продолжавшийся праздник, на заводы полетела РДО за подписью министра и какого-то Алексева, похоже парторг НКАП, в портянке говорилось о роли парт-организаций заводов в деле скорейшего развертывания серийного производства современных машин. Ильюшину без промедления перегнать БШ-2 в варианте ЦКБ-55 в распоряжение НИИ ВВС, с обещанием открутить все что можно за промедление у самого главного конструктора. В адресах теперь числился и мой «позывной»: «товарищу Нестеренко». Тут же появилось стойкое ощущение, что я что-то забыл сделать! Ах, да, башенку командирскую не прикрутил и про патрон промежуточный забыл! Точно-точно, и, как его, Хрущева к стенке не поставил! Кои

серьезные потери: Филин, Воеводин, Максимов и восемнадцать человек из истребительного отдела, штаба НИИ и даже отдела кадров, были арестованы и преданы суду военного трибунала Московского гарнизона. Большая часть из них была расстреляна в сорок втором, несмотря на приговор, который этого не предусматривал.

наши годы! Правда, я еще не в должности, и своим заместителем Сталин меня не назначил. Поэтому, сажусь за БОДО, и начинаю исправлять ситуацию! А если без смеха, то отправил сводку в адрес Поскребышева с количеством выпущенных комплектов. Более я ни за что в Советском Союзе не отвечаю. А вот за отсутствие этой бумажки могут снять голову. Пришлось малость попотеть, прежде, чем отправил несколько групп цифр из заранее составленной шифровки.

Утро началось с небольшого «прикола»! Я обустроивался в кабинете Филина, а он собирал что-то для себя в комнате отдыха. Я наклонился за столом, и перекладывал провода, которые у Филина проходили как раз под моими ногами. Он ниже меня ростом, а мои ходули как раз доставали до них. Входит довольно шумная компания и с порога заявляет:

– Марк! Хрена ли ты под стол залез! Бумаги мы привезли, давай подписывай, а то нам указивка пришла, что надо сюда «пятьдесят пятый» перегонять, который твой Филин уже браканул.

Я поднял голову из-за стола, и состоялась сценка из «Операции “Ы”»

– Ты кто?

– Я? Сторож!

– А бабуля где?

– Я за нее!

А из комнаты отдыха появляется Филин. Группа пытается наострить лыжи из кабинета, но грозный окрик генерала останавливает ее. Документы переходят к нему в руки. Внутри папочки готовое заключение о прохождении испытаний, несколько положительных резолюций. Не хватает только подписи Филина. Я эту бумажку, правда порядком пожелтевшую, видел, держал в руках. Подписана она была именно 9-го ноября. Что тут началось! Ор стоял минут сорок. Тут рев двух двигателей над крышей штаба, прибыли оба штурмовика с аэродрома первого завода. Филин к тому времени орать уже устал и передал это дело мне.

– Ну, что, говорите, что испытания пройдены, и перед нами грозный бронированный штурмовик, летающий танк?

Кивают. Ильюшина среди них нет. Мордашки мне незнакомые, но характерные, одесские. Звоню Никитченко.

– Петр Сергеевич, тут «ЦКБ» пригнали! Ставь «пятьдесят седьмой» как договаривались! Закончишь – позвони.

Пока ребятки писали объяснительные, раздался звонок, что все готово, но на «ЦКБ-55» прилетел Ильюшин, и грудью на Никитченко бросается, говорит, что такого испытания программой не предусматривается. Филин закончил собираться, мы забрали с собой объяснительные, и со всей этой «шоблой» пошли в тир самолетный. Там на козлах стоял «57-й», шасси убраны, как в полете. А сзади Никитченко в 150 метрах пристроил «Мессер». Этот на шасси, но под хвостом у него козлы установлены.

Увидев Филина, Ильюшин подбежал к нему, и раскричался, что Петя его шедевр расстрелять пытается.

– Если ты не остановишься, то я тебя в кабину посажу, впрочем, так и сделаем! Залезай! «Мессера» видишь?

Фонарь был закрыт, и как Ильюшин не крутил головой, увидеть на хвосте противника он не мог, обзора назад нет совсем.

– Вылезай!

Отошли от машины, и Филин махнул рукой. Два пулемета «Мессера» хлестнули по «танку» 8-миллиметровыми «БЗ». Две короткие очереди, чуть сзади кабины летчика. После второй все ильюшинцы кинулись тушить загоревшуюся машину. Двигатель у Ила работал и

угрозы взрыва не было. В бак подавался выхлоп от движка. Но машина горела, так как протектор не закрывал пробоины в дюралевом баке «танка». Погасить его удалось.

– Вот это я и запишу в акте испытаний. Тащите в АРМ, а лучше сразу на свалку. Вам пятерым – десять суток ареста, увести! Ну, а вы, Сергей Владимирович, за мной!

Вернулись в кабинет, и тут Филин выдал шедевр! Я от него такого не ожидал! Не зря он так внимательно рассматривал чертежи Ил-10!

– По итогам прошлых испытаний я имел встречу с товарищем Сталиным, который просил нас оказать помощь бюро Ильюшина по доводке ваших, прямо скажем, неудачных самолетов со скорейшим вводом их в серию. Вам под строительство этих машин передается самый мощный завод в СССР, 18-й. Не полностью, но два цеха переходят к вашему КБ. Наше ОКБ доработало вашу машину. Вот она! Подписывайте!

В ОКБ лежит точно такой чертеж, но уже с подписью Ильюшина, но Филин рассчитал все верно! Такой провал на испытаниях никому не прощают! А тут всего на всего подписать какую-то бумажку под передачу в серию самолета Ил-10.

– А почему «десять»? Он же БШ-2!

– Десять узлов мы переделали. И так, шасси. Всю оснастку получить у Сухого. Его И-330 имеет узко поставленное шасси, что совершенно не годится для фронтового истребителя. А шасси – удачное! Но, щитки изготавливать из брони. На чертеже отмечено. Воздухозаборники, вот они, они изогнуты, здесь применена комбинированная броня с пулеулавливателями. Видите?

– Вижу.

– Бронекapsула приведена к нормальному аэродинамическому качеству. Оборонительный пулемет – УБТ. ШКАС и ультраШКАС броню «Мессера» не пробивают. Топливный танк из фиброкартона, с внутренним протектированием, перенесен нами в наименее поражаемое место. Костыль – убираемый. Вся водомасляная система двигателя теперь находится внутри бронированной части фюзеляжа.

– А это что?

– Пусковая установка для авиационных гранат. Она – экспериментальная, сами гранаты еще не готовы, но установка предусмотрена. Подписывайте, Сергей Владимирович, не стесняйтесь!

– Это не моя машина, и я ничего подписывать не буду, пока она не взлетит.

– Для того, чтобы она взлетела, требуется эта подпись. Это раз. Ты закладные своих архивовцев читал? Там речь идет о взятке. Мне позвонить Береговому? Это он шустренько оформит!

Ильюшин поставил свою подпись, и начал оправдываться, что это не он, а Яковлев все придумал.

– Вы же дружны с ним были?

– Почему был? С Сашкой мы познакомились, когда я еще студентом был, а он школьником. Он у меня конспекты по аэродинамике выпросил, так до сих пор не вернул.

– Может быть, уже и не вернет.

– А что случилось?

– Сняли его вчера с должности, комиссию назначили для расследования деятельности. Вас же он тоже подбил на незаконные действия.

– Он сказал, что самолет нужный и хороший, а вы, извините, его зажимаете в пользу Поликарпова, который тоже штурмовик готовит.

– Да, штурмовик он сделал, ВИТ-2 называется. Может работать пикировщиком, может штурмовиком. Машина, сама по себе, удачная и универсальная, но живучесть никакая. Поэтому, несмотря на пройденные испытания, она в серию не рекомендована, как штурмовик. Мной не рекомендована. И, хотя она превосходит твои машины в том варианте, который ты

представил, в серию она не пойдет. Слишком дорогая машина, чтобы ее под танки бросать. И выпускать ее негде. В общем, мы её запустили в производство как СПБ, скоростной пикирующий бомбардировщик, но план по нему так и не выполнен. Казанский завод с ними не справляется. Вместо него погнали ББ-22 и попытались из него сделать пикировщик. Если бы он не грохнулся на глазах у Сталина месяц назад, сидел бы и сейчас твой Саша в Наркомате и продолжал бы всем козни строить. – Филин положил подписанный экземпляр себе в папку. Затем почесал себе волосы сзади, откинулся в кресле и заложил обе руки за голову.

– Сразу домой не отпущу, пока все техкарты не будут подписаны.

– А они что, готовы?

– Готовы. Карты готовили в первую очередь. Все подпишешь, Святослав тебе передаст согласованный список поставщиков комплектующих, и вперед оформлять договоры с ними. Учти, Сталин потребовал снабдить «спутники» оснасткой и полным комплектом чертежей. Спутниками у тебя Миус и Каменец-Уральский. Основная площадка – Улан-Уде. Срочно направь туда снабженцев и строителей. А сам – на 18-й завод. В декабре, как хочешь, но машины должны начать поступать в войска. Бронекорпуса от «57-го» использовать запрещаю. И сразу переходить на новый бронекорпус. Кстати! Компоновка понравилась?

– Обидно! Столько пыхтели, а до такой простоты не дотумкали.

– Обиду спрячь. Сейчас главное – дело! Слава, проводи его и посади техкарты подписывать.

– А Сухой-то отдаст стойки?

– Куда он денется?! Война на носу, с бардаком, который возник из-за «разукрупнения и ликвидации монополизма», будем заканчивать. Монополист у нас один, государство.

До конца дня занимался с Ильюшиным, вводя его в курс изменений, постигших его машину, а заодно наводя мосты, без которых дальнейшее движение вперед невозможно. И печатал на допотопной машинке план НИР на текущие месяцы. Около одиннадцати вечера Ильюшин засобирался домой, и нам предстояло тоже путешествие в Москву, поэтому до метро мы его подбросили. Собственные машины еще далеко не у всех главных конструкторов вновь образованных конструкторских бюро, коих расплодилось, как мух плодовых. А все дела финансовые... Деньги вокруг авиации вертелись огромные, и каждый хотел дотянуться до куска пирога. Некоторым пришлось это рвение несколько укорачивать на 29-м заводе в Калининграде.

Филин, который на ногах был с раннего утра, клевал носом на переднем сиденье, пытаясь добрать хоть немного перед разговором со Сталиным, затем, уже в центре Москвы, он проснулся, заявил, что он голоден, и направил меня к гостинице «Москва». Несколько вычурный зал, с росписями под потолком, живая музыка, хотя не могу сказать, что мне она нравилась. Но обслужили нас быстро, и кухня была неплохой. Кто-то подходил к Филину, лицо очень интересное, судя по всему военный и летчик, но в гражданской форме одежды. О чем-то пошептались, почти неслышно, Филин поморщился, и громко сказал, что он утром уезжает, а все вопросы требуется решать со мной, или после его возвращения. После ухода незнакомца, Филин наклонился ко мне и тихо сказал:

– Начальник Осоавиахима Гроховский, не принимай, одни неприятности после него. – остальное он не уточнил, углубившись в поглощение ужина. Затем привстал, приветствуя подошедшего к столу генерал-лейтенанта с двумя Золотыми звездами. Яков Смушкевич, генерал Дуглас, генерал-инспектор ВВС РККА. Я остался сидеть, так как Филин выбрал столик на троих с диванами и видом на танцпол, и мне пришлось подвинуться назад, когда к нам присаживался Гроховский. Смушкевич сел справа от меня, знакомиться со мной он не пожелал, спросил у Филина:

– А это кто такой?

– Мой Главный Конструктор.

– Да, читал. Кто это придумал? Тебе ОКБ нужно, как собаке пятая нога. Своих дел не хватает, что ли?

– Почему не хватает, даже с избытком.

Генерал-лейтенанту принесли заказанную водку, бутерброды с икрой и лососиной, поэтому Филин протянул с ответом, дожидаясь, когда официантка отойдет.

– Так распорядился «сам». И я не в курсе, почему командование об этом не знает.

– Я к нему приглашен на половину второго, и Рычагов, тоже.

– А мы на половину первого, поэтому я и в Москве. Должен был подъезжать к Кисловодску.

– Да-да, припоминаю. Кто-то вычеркнул из плана на 41-й год «И-153», совсем. Даже на замену ничего не поставили. Вместо них планируется какой-то Ла-5. Я не помню, чтобы нам его показывали.

– Яков, потом поговорим. Здесь не место.

– Может быть и не место, но не люблю я, когда неизвестно откуда появляются ценные указания, идущие вразрез с принятой и сто раз обсужденной концепцией развития ВВС.

– Ситуация изменилась, Яков. Игрушки кончились. Теперь хозяин с нас не слезет.

Мне, почему-то, был не интересен этот разговор. Я ничего против Смушкевича не имел и не имею. Заслуженный человек, который пострадал неизвестно за что. Хотя недостатков в работе у него было с избытком. Боевая работа и учеба в войсках организованы не были. А на одном героизме и энтузиазме можно выиграть кампанию, но не затяжную и тяжелую войну. Я жестом попросил разрешения у Филина выйти из-за стола, и возвращаться к ним не стал, ушел в машину. Филин появился через полчаса, примерно, был жутко недоволен как разговором с генерал-инспектором, так и тем обстоятельством, что я покинул его в неподходящих условиях. Я протянул ему деньги за ресторан, но он оттолкнул мою руку.

– Да пошел ты! Жди беды! Замучит проверками.

– Ну, к проверкам нам не привыкать.

– Ты без году неделя в армии, и не знаешь, что такое проверка заместителем начальника Генштаба. Ладно, поздно пузыри носом пускать, уже ничего не изменить. Поехали! Пора.

Сталин принял нас без ожидания, сразу как Поскребышев доложил о нашем прибытии.

– Вы подготовили ваши предложения?

– Да, товарищ Сталин! – и я передал ему листок, набранный мной на потрясающе паршивом «Ундервуде». На компе я набираю текст быстро, а у машинки ужасно длинный ход клавиш, и требуется навык, а адъютанту такой текст не поручить. Пункт № 1 вызвал сразу кучу споров и разночтений: ни мало, ни много я предлагал изменить боевой устав ВВС, создав при отделе тактики НИИ ВВС соответствующую группу специалистов, которая проанализирует боевые действия во Второй Мировой войне, исходя из практики Германии объявлять войну и ультиматумы непосредственно перед началом боевых действий, когда у противной стороны просто не остается времени на проведение мобилизационных мероприятий.

– Вы понимаете, что скрытая мобилизация – это реальный повод к войне?

– И я надеюсь, что вы понимаете, что Германия уже отмобилизовала свою армию и часть промышленности. Она готова к войне с нами, но пока ее части только начали перемещаться в нашем направлении. И она увеличила закупку у нас газовых углей.

– А откуда ви... Для чего? Для чего она это делает?

– Создает стратегический запас бензина для танков и автобронетанковой техники, а имеющуюся у нее нефть, в том числе и из Румынии, направляет на создание авиабензина.

– Бензин и уголь? Какая в этом связь?

– Они используют перегонку угля в жидкое топливо, получая ароматические бензины. У них один недостаток: легко замерзают при отрицательной температуре, и немцы пока не

придают значение этому. Опомнятся только зимой сорок первого. Потом найдут присадки, исключающие этот недостаток.

– Так, хорошо. Допустим! У нас Рычагов постоянно жалуется на нехватку топлива в частях. Что вы можете предложить для коренного исправления ситуации.

– Срочно осуществить перевод имеющихся нефтеперерабатывающих заводов с термического крекинга на каталитический. Природный катализатор: цеолит, у нас имеется в Бурятской АССР. В сорока пяти километрах от станции Могзон, это недалеко от Читы. В районе Холинского перевала. На самом перевале и чуть южнее. Есть такой ученый у нас: профессор Зелинский. Ему можно поручить этот вопрос и вопрос получения тетраэтилсвинца, самого простого средства для повышения октанового числа у топлива.

– Что реально даст этот каталитический метод? И как это применяется?

– Цеолит – это губчатый минерал, что-то вроде пемзы, бывает натриевым и кальциевым. Вулканическая порода. Этими кристаллами снаряжают погружную матрицу, которая предохраняет катализатор от разрушения и отводит тепло. Благодаря наличию катализатора разделение на фракции идет очень быстро, и легких фракций выделяется существенно больше. Термический и прямой крекинг в наше время не применяется. Цеолиты можно получать и искусственно. В промышленности синтез цеолитов проводят нагреванием до 200°C гелей, образующихся при смешении растворов NaAlO_2 и жидкого стекла (или золя H_4SiO_4), либо смесей растворов NaOH с прокаленным каолином. Полученные кристаллы (размер несколько микрометров) гранулируют. Затем катализатор извлекают и прокаливают, чтобы восстановить его свойства. Этот метод предложил использовать и запатентовал американец русского происхождения генерал-лейтенант царской армии Ипатьев. У нас в академии Ворошилова служит его сослуживец генерал-майор Игнатъев, бывший военный атташе в Париже. Целесообразно было бы направить его на переговоры с Ипатьевым, потому как Ипатьев это не только ректификационные колонны, но и новые материалы из пластических масс. Нужно попытаться склонить великого русского ученого к сотрудничеству со страной.

Сталин отрицательно покачал головой.

– Ну, как знаете, товарищ Сталин! Хотя хотелось бы напомнить слова Ленина о союзниках и попутчиках социалистической революции. Ипатьев и ему подобные сами учудили хаос февральской революции. И привела их к этому война с Германией. Вполне возможно, что он ненавидит вас, как узурпаторов той власти, которую он пытался создать в России, но немцев, которые разрушили его уютный мирок, он должен ненавидеть больше. Почему бы не попытаться? Белое движение в результате побед Красной Армии раскололось и лишь немногие из них примкнули к Гитлеру, как Краснов или Шкуро. Не все, кто помогает стране, обязательно должны быть коммунистами. – и я рукой показал на самого себя.

– Ви, товарищ Никифоров, нэ путайтэ себя с бэлым отребьем! Вы – советский человек! И мы, даже, пошли на рыск и изъяли 4 километра бесшовных труб из стратегического запаса, опираясь только на ваши воспоминания.

– Нефти-то много получили?

– Пока фонтан до небес, пятый день никак заглушку поставить не могут. Много нефти.

– Ну все, пора указ издавать.

– Какой?

– О присвоении английскому шпиону Никифорову эС-эС почетного звания «заслуженный шпион Британской ССР». А то я как-то забываю, кто я есть на самом деле.

Сталин прикрыл рот рукой и почти беззвучно рассмеялся.

– За словом в карман вы не лезете, товарищ Никифоров. Хорошо, попробуем направить господина Ипатьева на путь истинный. С Маннергеймом, правда, у товарища Игнатъева не получилось...

– А он в своих воспоминаниях писал иное, что письмо и личная встреча двух бывших кавалергардов оказали влияние на принятие решения о признании СССР за доброго соседа. Несмотря на три войны.

– Две!

– Три. Финны выступят на стороне Гитлера, перекроют Беломорканал и возьмут Петрозаводск. Их войска будут блокировать Ленинград с севера. «Война-продолжение».

– Вот сволочь! А на переговорах утверждал, что пограничный инцидент исчерпан! – Сталин неожиданно снял трубку и позвонил куда-то, но, оказалось просто связался с Поскребышевым.

– Свяжитесь с Комаровым, пусть обеспечит мою встречу с товарищем Зелинским. Найдите генерала Игнатьева, назначьте ему встречу завтра на 15.00. Нет, не его. Алексея Алексеевича, бывшего торгпреда во Франции... Сидят? Пусть сидят.

Он положил трубку и вернулся к списку работ. Там оставалось 15 пунктов, которые мы еще и не приступали обсуждать.

– Пометьте у себя пункты «10» и «14», товарищ Никифоров. По ним дать развернутое обоснование. По остальным пунктам будем готовить постановления ГКО. Что касается тактики и боевого устава ВВС... Вы, конечно, не специалист в этих вопросах, но, несомненно, и интересовались ими, и напрямую были связаны с ними, так как технически обеспечивали исполнение этих приемов. Товарищ Филин, даю разрешение на создание такой группы и начало ее работы. Людей у вас достаточно. Времени нет, к сожалению, несколько затянули мы обсуждение первого пункта. Мы передали распоряжение в НКАП безусловно согласовывать с НИИ ВВС программу и план выпуска новых самолетов для ВВС. Мне доложили, что они уже связались с вами, товарищ Никифоров. Хочу напомнить вам о необходимости учитывать состояние нашей авиационной промышленности, принимать взвешенные и хорошо продуманные решения. Нами рассмотрен вопрос о переносе акцентов на скорейшее внедрение новейших средств обнаружения и наведения в практику действий нашей армейской авиации. Поэтому сейчас перейдем к этому вопросу, для чего я пригласил товарищей Смушкевича и Рычагова. А после этого мы продолжим с вами обсуждение еще одного вопроса, который у меня имеется к вам. – уже не спрашивая нашего согласия, он нажал на кнопку под столом, и в дверях появились два генерал-лейтенанта авиации. Действовал Сталин методом накачки, как лазер! Усадив обоих за стол, он поинтересовался организацией обнаружения воздушных целей в настоящий момент времени. Было видно, что этот вопрос у обоих генералов не был подготовлен. Никто не доводил до них тему предстоящего разговора. И выглядели оба руководителя ВВС несколько растерянными. В тот момент охраной воздушных границ СССР занималось другое ведомство. В прямые обязанности этих людей это не входило. Перехватами они занимались, но, от случая к случаю. Максимальное внимание «большого начальства» было направлено на скорейший ввод летного состава, который в массовом количестве поступал из большого числа военных училищ. Так же массово шли новые «старые» самолеты. Численный рост авиационных частей был огромным, и командующий, и генерал-инспектор, в основном занимались этими вопросами. Тем более, что и дров ломали молодые летчики немало. Поэтому Рычагов сходу попытался перевести разговор на то, что на эти вопросы должен отвечать не он, а командующий ПВО генерал Штерн, который в кабинете отсутствовал.

– Хорошо, товарищ Рычагов. Здесь в кабинете есть все средства связи, чтобы связаться с любым полком ВВС.

Запросите у них воздушную обстановку на их участке. Мэня интэрэсует положение на участке Бэлостокского виступа! – сказал Сталин, вытащил из стола секундомер и включил его. Рычагов закусал губы, нервно обтер рот, и заметался глазами по столу Сталина, не решаясь выбрать: каким аппаратом воспользоваться. Осторожно протянул руку к ВЧ и вопросительно посмотрел на Сталина.

– Пожалуйста, пожалуйста, товарищ Рычагов! Действуйте! Время идет!

Генерал снял трубку, передал позывной, связался с дежурным по штабу ВВС. Поставил тому аналогичную задачу. И завис у аппарата. Сталин раскурил трубку и вяло прохаживался по кабинету. Смушкевич сидел, подобрал ноги под себя, и неотрывно смотрел на Рычагова. На Сталина он боялся и глаза поднять, чтобы не пересечься с ним взглядом. Связаться со штабом 126-го полка 9-й САД ни у кого не получилось. 124-й полк проводил ночные полеты, командир полка майор Полуниин не был в курсе обстановки в воздухе, и не мог передать дежурному звену, находящемуся в воздухе, данные об учебной цели, которые, как вводную, дал Рычагову Сталин. Со времени начала «КШУ» прошел час, прежде, чем Полуниин сказал ключевую фразу:

– Так нечем мне это передать Кравцову! Разрешите поднять другое звено?

Сталин забрал трубку у совершенно растерявшегося Рычагова и сказал в нее:

– Нет, товарищ Полуниин. В этом нет никакой необходимости. Передайте Черных при-
быть ко мне завтра. Вы, товарищ Рычагов, постоянно пишете мне докладные записки, что вам не хватает топлива, чтобы обеспечить работу нашей авиации. Вы не подскажете мне, для чего жжет топливо 124-й полк? Если он не может, даже находясь в воздухе, предотвратить налет на Минск, как имея связь со службой ВНОС, так и не имея ее! И это положение, я уверен, распространяется на всю авиацию СССР. Зачем мы присвоили наименование ОСОБЫХ трем военным округам? Чтобы они находились в постоянной боеготовности! Сколько времени прошло между объявлением Гитлером войны Польше и первыми ударами их авиации?

– Я не знаю!

– Менее часа! И большинство самолетов Польши были уничтожены на аэродромах. Судя по всему, Гитлеру понадобится не больше времени, чтобы расправиться с авиацией наших западных округов. Пачему ни вы, ни генерал Смушкевич, не поставили перед Палитбюро этих вопросов? Когда вы последний раз проводили подобные учения со своими людьми?

– Командование ПВО к нам с такими просьбами не обращалось.

– То есть, вы не знаете времени прохождения тревоги от войск ПВО до ваших штабов? Каким образом будет обеспечено наведение наших летчиков на армады Геринга? Сколько летчиков у вас умеют перехватывать цель с наведением по радио? Сколько в частях ВВС радиолокаторов и штурманов наведения?

Увидев недоуменно переглядывающихся генералов Сталин окончательно взорвался!

– То есть, ни бывший, ни теперешний, командующие ВВС этим вопросом даже и не интересовались? Как вы собрались воевать? Почему до сих пор вами не созданы группы изучения боевых действий в Европе? Почему ко мне приходят из НИИ ВВС и приносят конкретные предложения, а от командующих я этого не слышу? Генерал Филин! Вы направляли запрос в штаб ВВС РККА?

– Да, товарищ Сталин! 15-го октября.

– Ответ вами получен?

– Нет, товарищ Сталин, получено сообщение, что вопрос принят на рассмотрение 26-го октября.

– Я находился в частях до самого Праздника, товарищ Сталин. Готовил воздушный парад.

– Гоняли в воздухе вверенные вам части?

– Парад сложный, товарищ Сталин, много самолетов задействовано было. Требовалось отработать все как на земле, так и в воздухе. – попытался оправдаться двадцатидевятилетний главком.

– А вы, товарищ Смушкевич, чем занимались?

– Находился в частях Киевского особого округа с той же задачей. Заодно проверял части округа по плану боевой учебы.

– Какую оценку получили войска?

– В целом – удовлетворительно.

– Ставлю вам: «неуд», товарищ генерал-инспектор! Все свободны! Разговаривать и ставить задачи пока никому! Нет у нас в ВВС командования!

Так, неожиданно для меня, Сталин прекратил разговор, и выпроводил всех из кабинета, закончив его страшной для командующих фразой.

Мы вышли все из кабинета Сталина. Я, естественно, позади всех, младший по званию. Терпеть меня сзади, «на хвосте», летчики не стали.

– Так, полковник! Не хрен здесь подслушивать! Или ты думаешь, что никому не понятно: «кто есть кто» в этом вопросе? Иди, нахрен, вперед, и уши здесь не растопыривай! Б..., обрубил бы! – ласково, так, проводил меня Смушкевич. Он – может! Как ни как, кавалерист! Я пожал плечами и пошел быстрее, чем спускались с третьего этажа генералы. Филина от себя они не отпустили, посадили в свою машину, и уехали. А я – поехал домой. Хреново! Я же их спасти хотел, обоих. А что делать? Я же с детства впитал в себя, что оба безвинны и пострадали из-за самодурства Сталина. Правда, нашу авиацию выносили, когда их уже у власти не было. Но ведь Сталин – самодур! И выносил командование РККА со злым умыслом! В пользу Гитлера! А то, что Смушкевича сняли с должности только после разгрома ВВС СССР в приграничных боях, ну, так это просто недоработка Сталина: он планировал провести это задержание раньше, но не успел! «Бодо» было занято, вот и не успели передать.

Я вернулся в домик командующего ВВС СССР через двадцать минут. Злющий был, и на газ давил до упора. «Бодо» выплюнул из себя длинную ленту, и молчал, зато охрана сообщила, что дважды звонил ВЧ, и Поскребышев просил с ним связаться. Телефон я в руку не взял, а поднял ленту БОДО. Аппарат сообщил мне, что сняты с должностей генерал-инспектор ВВС генерал-лейтенант Смушкевич и начальник ВВС Красной Армии генерал-лейтенант Рычагов. Ни хрена себе! Я же планировал их спасти, а вместо этого приговорил их к смерти. В общем, хотел, как лучше, а получилось, как всегда! Черномырдин! Мать его, чтоб он в гробу перевернулся!

Второе РДО сообщало, что командующим ВВС РККА назначен генерал-лейтенант Филин, а начальником НИИ ВВС – генерал-майор Никифоров. Вот и повязали! Теперь не отвертеться! За разгром у границы теперь отвечаю я. И меня будут расстреливать. Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство! Приехали!

Снимаю трубку ВЧ, вызываю Поскребышева, хотя уже половина пятого ночи или утра. Мгновенно переключает на Сталина. Тот сказал, что его третий вопрос касался именно персоналий, что решено было все до разговора со Смушкевичем и Рычаговым, так как служебную записку Филина он получил одновременно со штабом ВВС, но понял, что ее никто в штабе не читал, и все отложили это дело в долгий ящик. Затем он перешел к накачке меня на новой должности. О том, как он видит работу НИИ под моим чутким руководством. О том, что институт должен следить за тенденциями в авиации и иметь соответствующую учебную базу, включая несколько учебно-боевых полков, где будет происходить переучивание личного состава ВВС от командующего до последнего механика. Фактически он говорил о создании ПУАКов, учебных дивизий, созданием которых просил обеспокоиться. В Советском Союзе их было пять. Сейчас – один центр. Кроме того, не забывать отслеживать ситуацию в авиапроме, и плотно заниматься доводкой серийных машин, помогая КБ справиться с анализом недоделок и недоделок наравне с ЦАГИ.

– Мы считаем, что НИИ ВВС должен стать таким центром, как науки, так и практики, и влиять и на конструкторские бюро, и на выучку наших командных кадров.

– Я понимаю, товарищ Сталин, и приложу усилия в этом направлении. У меня есть вопрос о дальнейшей судьбе сегодняшних собеседников.

– Товарищи не оправдали нашего доверия и ответят за это по всей строгости закона СССР.

– Товарищ Сталин, отмените приказ об аресте: один из них, в силу своей молодости и отсутствия технического образования, потянуть этот воз просто не мог. Его уровень: командир эскадрильи или полка. Что касается Смушкевича, после окончания Финской войны, он и начштаба Аржанухин писали Вам о состоянии дел в авиации. Аржанухин – снят с должности начштаба и арестован, Смушкевич переведен в генеральные инспекторы, то есть, от командования отстранен. Практически тот, кто посоветовал вам заткнуть им рот, и создал этот прецедент. Он, кстати, так и не признался в этом! До самого конца жизни молчал, и даже не упоминал эти две фамилии.

– Да, я припоминаю эту записку и совещание по этому поводу у меня в кабинете. Я подумаю над этим вопросом.

– Необходимо привлечь товарищей из ГВФ для обучения летчиков-бомбардировщиков дальним слепым полетам.

– Это, товарищ начальник НИИ ВВС, теперь находится в вашей компетенции. Мне хочется надеяться, что мы передали этот важнейший пост в надежные руки. А ваша спайка и уже отлаженный механизм взаимодействия с командованием ВВС должны принести хорошие плоды, что позволит серьезно улучшить положение в частях ВВС. И не забывайте о тех моих поручениях, о которых говорили сегодня. До свидания, товарищ Никифоров.

Еще когда говорил со Сталиным, несколько раз звонил внутренний телефон. Снимаю трубку и звоню на два нуля, дежурному по связи.

– Кто мне звонил, Никифоров?

– Тащ полковник, звонили из кабинета командира.

– Соедините.

– Чё трубку не берешь? – довольно громкий голос Филина.

– Говорил по ВЧ. Есть новости.

– Потом! Подъезжай, срочно.

«Вот зараза! Он что БОДО не читает? Или уже прочел и изображает крутого начальника?» Но делать нечего, несмотря на без пяти пять. Дежурный отдал рапорт, я же «И.О.», прошел в кабинет. В самом кабинете никого, прохожу в комнату отдыха. Накурено, стоят закуски, на угловом диванчике расположились два генерал-лейтенанта, у которых Филин должен принимать дела. Сам Филин сидит на кресле, в которое обычно сажают гостей. Смушкевич указывает мне рукой на стул и наливает водку в стоящую рюмку.

– Полковник, ты не серчай, что стгоряча послал тебя. Я давно знал, что этим все и закончится.

– Ничего не кончилось. Вы БОДО читали? – спросил я у Филина.

– Нет, я в отпуске, и меня это не касается.

Я отрицательно покачал головой и отодвинул рюмку.

– Пойдемте, там два приказа Сталина, и я только что разговаривал с ним. Вас обоих сняли и есть приказ на ваш арест. Пытался отговорить его, но... Положительного ответа он мне не дал. Обещал подумать.

– Да и хрен с ним! Говорю, же, что знал, что этим все кончится. А он молодой, до полетов жадный. Отчаянный парень! Но зачем его командующим поставили, я не знаю. Пей!

Бывший начальник ВВС нагрузился уже крепенько, и его малость развезло, поэтому он молчал, и пытался съесть кусок буженины, безуспешно тыкая в него вилкой. Я мотнул головой Филину, прося его выйти из комнаты. Тот поднялся, оправил форму и вышел вместе со мной. На столе ничего не оказалось. В столе у адъютанта находилась папка, в которой лежали уже наклеенные телеграммы с бланком «Правительственная, совершенно секретно». Папка была прошнурована и заклеена пластилиновой печатью. Я расписался в «бегунке», и передал одну из телеграмм Филину. Затем вторую. Показал большим пальцем на дверь и спросил:

– Не застрелятся?

– Нет, им оружие не выдали в Кремле. Так что, они в курсе, что будут арестованы. Пойдем, неудобно. Это ж проводы человека, с которым столько лет был вместе.

За ними приехали через час. Рычагов к тому времени уже мирно спал на диванчике. Смушкевич надел летную куртку и уехал по форме, а одежда Рычагова так и осталась в комнате отдыха, как напоминание о бренности нашего пути. На душе было паршиво. Филин от себя не отпускал, правда, сменил водку на коньяк еще в самом начале грустных «посиделок». Его назначение тоже не радовало. Он не стремился занять чье-то место. Он просто хотел сделать так, как нужно стране. Свои рапорты он честно писал в две инстанции, а то, что штабные Рычагова не довели это до командования – пусть останется на их совести. В 07.45 появился адъютант, и ему пришлось перешивать петлицы на двух гимнастерках и двух шинелях с привлечением дополнительной рабочей силы. Но на построение мы успели. За пять минут до построения прибыл фельдъегерь и передал внушительный пакет из ГКО, где среди прочего были и приказы о назначении. За мной сохранили должность и оклад главного конструктора ОКБ, на которую я было нацелился посадить Антонова. Невиданная, просто царская, щедрость вождя народов серьезно пугала своей ответственностью!

Построение прошло в полном соответствии с уставом, докладами и прохождением. Новый начальник ВВС принимал поздравления и положенные почести. Я же объявил, что командный, летный и инженерный состав института в 15.00 должен собраться в клубе на совещание. Дела были уже переданы при назначении «И.О.», поэтому подписали прием-передачу мгновенно, и Филин уехал в Москву. Фактически, приемку всего и вся я начал только сейчас, до этого времени не было совершенно. А это – тонны одних бумаг. Скользя взглядом по объемистым папкам, лежащих на стеллажах, как в библиотеке, в восьми помещениях архива, попадаю в уголок, где находятся папки иностранных компаний. Их довольно много, начиная с папки от фирмы «Morane». Это еще 1912 год. Тут вспоминаю, что где-то читал, что советская разведка в 1940 году смогла вывезти из фашистской Германии несколько тренажеров для отработки пилотирования в слепых условиях. Возвращаюсь к стойке, за которой сидит молоденькая девочка, явно только что из стен техникума выскочила.

– У вас документация по странам разложена?

– Нет, по порядковому номеру поступления.

– Вы давно здесь работаете?

– С прошлого года, товарищ генерал.

– Где лежит документация, которая пришла из Германии в этом году?

– Из Германии? – девочка полезла в картотеку, и через пять минут передала мне пачку регистрационных карт.

– Было три поступления оттуда. В марте, апреле и в сентябре. Все здесь.

Перебираю карточки, в сентябрьской поставке нахожу: «Blohm und Vo GmbH». Blindflug-Simulator. «Вот это номер! Так это – правда? Ни хрена себе! Ай, да НКВД! Ай, да молодцы! В темечко до крови расцеловать надо!». Забрал папочку себе, и вызвал Ароньча. Где сам тренажер?

– Не знаю, мне на хранение не передавали!

– Найти и доложить!

– Есть! – Ароньч вышел, и появился через два часа вместе с полковником Береговым. Груз лежит у него на складе, Разведуправление РККА не дает разрешение его вскрывать, ссылаясь на допуск «ОВ». Дескать, этим мы раскроем их резидента в Берлине! Звоню товарищу Берия. Кроме него, эту ситуацию разругать никто не может. Но, РУ уперлось, дескать, все это пойдет в летные школы и у резидента возникнут неприятности.

– Но послушайте! Фосс привез эту схему из Липецка, то есть ее изобрел русский инженер. Но его фамилии я не знаю! Просмотрите архивы: с кем общался Фосс в Липецке, и валите

все на него, назовите это тренажером Макарова или Никонова, Иванова или Лившица. И все! Главное, чтобы он работал в Липецке в то время, когда там учился Фосс.

– А Блом?

– А что Блом? Он к схеме никакого отношения не имеет, просто денег дал на изготовление и деньги за это получает.

– Задали вы задачу! – проговорил Берия. – Это – действительно важный прибор?

– Там их несколько, я познакомился с комплектом присланного оборудования. Это позволяет создать систему слепой посадки для плохой погоды. Уникальная вещь, и это именно то, что требуется сейчас. Немцы имеют ниже погодный порог использования авиации. Один из присланных самолетов «Ю-52» имеет этот прибор на борту. Это – царский подарок нашей разведки! Звание Героя бы этим людям дать.

– Они будут награждены, товарищ Никифоров.

Правда, установку привода и начало испытаний FuG-10, пришлось «пробивать» через Сталина. Очень уж волновались ГРУшники за своего человека. Но это было чуть позже, а 11-го днем у меня в кабинете появился майор Рычагов, приехал за вещами. Его направляют в 9-ю САД командиром 126-го полка. Фингал на скуле у него мощный. Они вошли вдвоем с супругой, тоже майором, Марией Нестеренко. Она получила назначение в 13-й сбап, той же дивизии, заместителем командира полка, будет переучивать полк на Ар-2. Рычагов хмурился, молча забрал свои вещи и поспешил на выход, даже не попрощавшись, только буркнул:

– Разрешите идти?

А вот супруга измазала мне щеку помадой и слезами.

– Спасибо! Мне сказали, кого надо благодарить. А он не верит! И от него тоже спасибо.

Разрешите идти?

– Идите!

Им просто отсрочили приведение приговора в исполнении, переложив всю ответственность на немцев, и на меня.

Схема FuG-10 оказалась довольно примитивной, сделана она была в 38-м году, и наши инженеры сходу предложили кучу вариантов ее немного переделать, с целью уменьшить вес оборудования. Но я довольно уверенно защищался от их предложений и ждал приезда техника со «Светланы» Валентина Авдеева. Он, почему-то, задерживался и приехал, несмотря на срочный вызов, только 18 ноября. Дело в том, что у меня было с собой два «комара», аварийных станций Р-855–2М, элементной базой для которых служат лампы 1Ж29Б, изобретенные этим гением в 1943 году. За счет аналогичных ламп его конструкции СССР некоторое время даже опережал США в микроэлектронике или держался на уровне. Толку отдавать микросхемы в Академию Наук не было совершенно. Их у меня много, но результат будет нескоро. А в руках этого кудесника стерженьковые лампы на 1,2, 2,4, 6 и 12 вольт входного напряжения появятся мгновенно. А это – пентоды, но из них можно сделать по схеме и триоды, и даже диоды с неплохими характеристиками.

В том числе и мощные 1П24Б, пара штук которых завалилась среди хлама в машине. Они использовались для «Протонов», а это обалденно мощная радиостанция, а двойные лучевые тетроды ГУ уже выпускаются. Использование платинита: Ni-C-Fe сплава, вместо платины или молибдена, существенно, на несколько порядков, удешевит производство этих самых лампочек. Плюс, к сожалению, в единственном экземпляре, есть старый, несколько потертый ламповый триггер: крайтрон. Он немного «фонит», поэтому лежит завернутый в свинец. Как его сделать – я знаю. Кстати, и для чего – тоже. Сразу по приезду выяснилась и причина его задержки на заводе: ГКО спустил план на выпуск ламп для РЛС, почти 600 % от плана прошлого месяца, с пометкой «молния». Перенастраивал еще одну линию. А больше всех удивил Миша Янгель, который сумел сохранить оснастку для «И-180» в многочисленных переездах с места на место,

и 22-го ноября выкатил из 1-го цеха 39-го завода, и перегнал в Чкаловск, первый серийный самолет этой марки. Впрочем, никакого чуда здесь не было: 39-й завод меньше года назад выпускал «И-16», так что на большую часть фюзеляжа была заводская оснастка и рабочие завода семь лет выпускали аналогичные машины. Преемственность называется. По ней Яковлев & Со и ударили. Успешно ударили, так, что большинство «новых» машин даже раскупорить не успели, не то, что освоить. Эти машины, «И-180», сразу в полки не пойдут, и по нашему, с Филиным, плану будут составлять второй комплект полков, и базироваться не ближе второй линии развертывания. Там, где немцы их достать не сумеют сразу. Первый удар примут на себя «долгоносики» серии «н». А вот учить передовые полки будут на обе машины, с растасовкой личного состава по разным частям. Много времени на переучивание не понадобится, даже внешний вид кабин Поликарпов сохранил неизменным, и приборы стоят на своих местах. Кроме него, так поступали только американцы, у которых после сорокового года был введен единый стандарт на кабину и расположение приборов в самолете-истребителе. Это позволяло переучивать летчиков гораздо быстрее. Будем бить на неожиданность появления новых машин. Должно сработать. Немцы неожиданностей не любят.

Из неприятного можно вспомнить разговор с академиком Комаровым, которого перед этим настрополил Сталин, академик ничего не понял, и, вместо помощи, начал устраивать дразги, пытаясь выяснить у каких американских ученых я проходил курс обучения, где писал диссертации и может ли он взглянуть на мои академические труды. Он посчитал меня опасностью, и что я хочу пролезть к их кормушке. После его визита пришлось звонить Сталину и просить его более не привлекать старика-ботаника к этой работе. Пусть тычинки с пестиками соединяет.

Гораздо более эффективную помощь организовали начальник ЦАГИ Чаплыгин и руководитель секции аэродинамики ЦАГИ Мстислав Келдыш и его сестра Людмила. Они появились вечером десятого ноября, сразу после собрания коллектива НИИ. Но, это была не утечка из института. В утренней папке, доставленной фельдслужбой, был приказ ГКО, уравнивавший НИИ ВВС с ЦАГИ. А это – покушение на священную корову науки! Короче, бывший создатель моей альма-матер, портреты которого украшают вход, и не только, моего постоянного места работы до приобретения «ЗиСа», прибыл в институт, дабы на месте разобраться с очередным прохиндеем от практики, собравшимся разрушить храм науки, созданный самим Жуковским. Мне предварительно они отзвонились, и я по тону академика понял, что предстоит бой, причем не кислый. Что-то вроде Ледового побоища или Бородино. Поэтому я подготовился к этому визиту.

К этому моменту мои «коллеги» из НКВД, помимо производства чертежей, по моей просьбе перевели на бумагу целую коллекцию всевозможных справочников, коими я, раб прогресса, регулярно пользовался в силу своей конструкторской сущности. Они у меня на планшете все сидели, и частью на компе. Удобнее использовать, было, сейчас требуется сто раз подумать и осмотреться, прежде чем нажать на кнопку пуска «Asus». Я эти перепечатки выложил на стол, как бы невзначай, а там много чего интересного написано, из того, чем ЦАГИ только еще предстояло заниматься. «Гостей» провели к столу, и я сделал вид, что мне что-то потребовалось в соседней комнате для отдыха. Что делает нормальный ученый, которого заставили ждать какого-то выскочки-начальника? Он тянет свои руки к ближайшей книжке. Бегло пробегает глазами по названию, цепляясь только за знакомые слова, и, через пять минут, вырвать эту книжечку из рук становится затруднительно. Когда я вернулся в кабинет, он напоминал избу-читальню. Пришлось вспомнить преподавательский опыт, и напомнить присутствующим, что «шпаргалки», планшеты, звукозаписывающие приборы, мобильники и «бананы» из ушей надо вынуть и выключить. Дежурный по аудитории сейчас раздаст «секретки», которые после лекции соберет в чемоданчик и сдаст в особый отдел. Слушать сюда и не отвлекаться.

Прочитав небольшую лекцию о текущем положении дел, особенно в области обороны страны, и собрав со всех подписанные бумажки с допуском, заострил внимание всех, что для выполнения заданий ГКО требуется солидная помощь со стороны академической науки. Без этого все наши усилия обратятся в ноль и будут использованы против нас. Проехали по ангарам с экскурсией и показом новой техники. Аэродинамики ручками потрогали новые материалы, посмотрели графики продувок, которые они не делали. Постучали согнутыми пальчиками по капотам из углепластика, посмотрели на многолопастные винты с саблевидным профилем, и получили конкретные задания. В том числе, перед Людмилой Келдыш, были положены полупроводниковые тиристор, транзистор, диод, резистор и твердотельный электролитический конденсатор, разработки 50–60 и 2000 годов, старательно выпаянные мной из блока питания старого комбайна «Сань»: DVD-проигрыватель, магнитофон и радиоприемник в одном флаконе, автомобильного, естественно. Все прослушали вторую часть лекции о «р-п» переходах, и, разумеется, «р-п-р» и «п-р-п», было упомянуто. Не забыли и о «туннельных» прибабасах, и как этого добиться. Кроме того, на столе появились и шаговые двигатели, уже местного производства, и вращающиеся трансформаторы, и гидросервоприводы, сделанные в Ленинграде по моим чертежам.

– К сожалению, так получилось, что я работал даже не в другом городе, а в другой стране, и вашей московской и ленинградской научной кухни почти не знаю. Так, слышал кое-что. Вы в этом разбираетесь гораздо лучше, и, знаете кому какой узел или проблему можно поручить для разработки. Мне же вот, четыре звезды на шею повесили и громадный институт, который все это будет испытывать и доводить до серийного производства. И напоминаю еще раз: впереди война, жестокая и кровавая, целью которой будет «освобождение жизненного пространства». Освободят будут от нас, дорогие мои. Да, о том, кто вам эти игрушки дал, никому ни слова. Карлсон привез!

– Кто такой Карлсон?

– Потом узнаете.

На следующий день собрал скопом весь отдел АВ (авиационных вооружений). Филин из управления прислал Ивана Сакриера, начальника Управления ВВС по вооружениям. Человек он очень опытный, участвовал в разработке первых механических компьютеров: ПУАЗО, прибора управления артиллерийским зенитным огнем. Хуже того, руководил этим вопросом. Доктор технических наук, без написания диссертации, по совокупности работ. Проще говоря – величина! Монстр! И по званиям мы равны: он – дивизионный военинженер, вот только ему, почему-то, переаттестацию задерживают. И я в курсе: почему! Роет под него товарищ Шпитальный, ибо не пускает он в серию его ультра-ШВАК в связи с низкой живучестью ствола. Правильно не пускает! Не будет работать эта пушка. Но это противостояние будет стоить доктору наук по баллистике жизни. А он мне живым нужен! Ой, как нужен! Поэтому после взаимных приветствий и знакомства задаю первый вопрос:

– Иван Филимонович, что там с новыми пушками: ТП-6 и ультра-ШВАК?

Он аж позеленел от вопроса, решил, что смена начальника НИИ прошла не в его пользу. Достал из папки бумажки, и начал объективно докладывать, что обе пушки, как это помягче сказать, в общем, дерьмо полнейшее.

– Спасибо, товарищ дивинженер, давайте бумажки сюда. – глаза Сакриера превратились в щелки, губы сжались, особенно, когда увидел, что я потянулся за карандашом. Пишу на заглавном листе ультра-ШВАКа: «Снять финансирование, разработку прекратить. Не обеспечена живучесть ствола и непрерывность огня. И-г-м Никифоров». Возвращаю первую бумагу. Сакриер, не читая, пытается засунуть ее в папку. Пальцем показываю, что прочесть нужно, а сам лезу в стол за чертежом разъемного звена к НС, НР и остальным пушкам 16-го ОКБ. Смотрю, что Сакриер трет лоб, на котором пот выступил.

– А это – камень преткновения у Таубина. Один удар штампом, и начнет стрелять, но, необходимо уменьшить размер пушек. Нам такие дурищи сунуть некуда. И раскачивают машины ВЯ страшно. Предельный размер по длине – пулемет Березина. Вот этот патрон видели?

– Нет. Что-то знакомое, это снаряд от ВЯ, а гильзу я никогда не видел.

– Это гильза от унитара 14,5×114, для противотанковых ружей. ГАУ в Ленинграде сейчас их испытывает. Испытания идут успешно, и мы отдельной серией заказали там небольшую партию таких снарядов. 23×115. Их, тоже отстреливают. Несколько снарядов мы передали 7-го ноября Березину. А вот эти возьмете вы, и сами разместите заказы на орудия еще в двух или трех КБ. Постановление ГКО имеется, а выбор остается за Вами. Но, срочно!

– Есть!

– Что с химическим взрывателем для малогабаритных бомб и авиационных мин? АВД, по-моему.

– Идут испытания, пока не очень успешно.

– А что с вашим взрывателем: АТ-4?

Сакриер удивленно покосился на меня, и достал бумаги. «АТ» – готов, испытания прошел, на вооружение не принят, за неимением подходящего боеприпаса. Опять лезу в стол и достаю синьку с КМГ трех размеров, на что сразу получаю ехидное замечание Ивана Филимоновича.

– Товарищ генерал, а может быть целесообразнее этот цирк прекратить? Я всех этих людей знаю, вытаскивайте из своего «цилиндра» все, а мы разберем, кому что нужно!

– Уговорили! – и достаю все, что успели перевести на синьку из вооружений.

Еще через сорок минут бурного обсуждения, все изделия были разобраны, и исполнители поставили свои росписи под документом о начале работ. Иван Филимонович поднялся со стула и попросил разрешения идти.

– Ракетами и РО займусь лично. Разрешите идти?

– Да, товарищи, все свободны! А вас, Иван Филимонович, я попрошу задержаться. Еще один вопрос.

– Слушаю Вас, Святослав Сергеевич. – сказал Сакриер, после того, как все вышли.

– Вы когда-нибудь слышали о таком понятии: объемный взрыв?

Минутная заминка, сведенные в трубку губы.

– Так, взрывы в шахтах смеси угольной пыли и метана, раз, взрывы на мукомольных заводах, при возникновении специфических условий и проскакивании электрического разряда от статики. Это два. Процессы слабо изучены. Абсолютно точных данных нет.

– Ну, практически точно, но не совсем полный ответ. Практически любое летучее легко воспламеняющееся вещество при определенных условиях может создать так называемое аэрозольное облако. Если в его центре или по краям окажутся взрыватели, и произойдет поджиг этого облака, то произойдет этот самый объемный взрыв. В нераспыленном состоянии реагент не детонирует, а в распыленном – представляет из себя мощную взрывчатку, гораздо сильнее тротила. Есть идея создать такое оружие. Подбирайте людей, которые им займутся.

– Насколько мощным является этот взрыв?

– Бомба весом 500 кг может создать взрыв, эквивалентный 2,5 тоннам тротила.

– В пять раз?

– С увеличением калибра мощность возрастает по экспоненте.

– Я, пока, слабо представляю себе это устройство, оно явно составное и требуется парашютная система. Я подумаю, Святослав Сергеевич. Был рад познакомиться! Разрешите идти?

– Да, пожалуйста!

Настучали на меня Сталину мгновенно! Суток не прошло – звонок от Сталина, голос бодрый, веселый. Нравится ему лбами людей сталкивать!

– Здравствуйте, товарищ Нестеренко!

– Здравствуйте, товарищ Никонов.

– Жалуются на вас, товарищ Нестеренко!

– Догадываюсь! Он у вас?

– Да, говорит, что вы решили разоружить нашу авиацию.

– Пока никаких указаний о снижении выпуска ШКАСов и ШВАКов НИИ ВВС не давал. Готовых к серийному производству пушек пока нет. Так что зря волнуется, только в перспективе. Передайте ему, что от калибра 7.62 мм авиация будет отказываться в пользу более крупного калибра, пушки ШВАК-20 по причине слабой баллистики, малого разрушительного действия снаряда и больших массогабаритных размеров будут сниматься с вооружения по мере готовности новых пушек и переходу заводов на выпуск новых изделий. Авиапущка «ультра-ШВАК-20» не прошла государственных испытаний из-за невозможности вести непрерывный огонь и малого ресурса ствола. Ей требуется жидкостное охлаждение, которое в настоящий момент на пушке отсутствует. Эту тему мы закрыли. Попытка создать авиационную пушку на основе снаряда 37 198 бесперспективна. В условиях, когда самолеты изготовлены из дерева, а мощность двигателя не превышает 1500 лошадиных сил, стрельба из этой пушки возможна только одиночными выстрелами. Питание у нее магазинное и весит она более 300 килограммов. И зачем она нужна? Перспективен снаряд 37 155... Да, товарищ Никонов. Именно такие размеры гильзы. Но его еще нет. Будем разрабатывать и испытывать. Задание на разработку готовим. На совместном совещании Отдела вооружений НИИ и ВВС в разработку принято 38 новых образцов боеприпасов и вооружений, в основном, это модификация имеющихся на вооружении. Обобщенная докладная должна уже находиться у вас на подписи.

– Я ее подписал двадцать минут назад.

– Основным направлением работы являются боеприпасы площадного поражения, снижающие требования к точной наводке на цель. Гоняться за отдельными танками и пытаться пробить их броню из мелкокалиберных пушек мы не будем, тем более, что насытить бронетанковые и механизированные войска зенитной артиллерией гитлеровцы сумеют быстро. Для этого готовим универсальные быстро снаряжаемые контейнеры малогабаритных грузов трех размеров, под армейские боеприпасы: гранаты и малокалиберные мины с новым взрывателем дивинженера Сакриера. Взрыватель собирается из серийных деталей. Для развертывания массового производства требуется только изменить порядок сборки. Технологические карты у него готовы, и сегодня уйдут на заводы. Карты на КМГ-У также готовы, соответствующие заводы для их производства подобраны.

– Харашо, товарищ Нестеренко! – удовлетворенно, и чуть растягивая слова, произнес Сталин и повесил трубку. Так что препятствий с этой стороны пока не будет. Интересно, куда бросится Шпитальный? Впрочем, черт с ним!

Буквально следом за этим разговором прибыл пакет с пометкой «Лично в руки» из Генерального штаба РККА. Приказано прибыть на экстренное совещание в Пашков-хаус. Аннотаций к репертуару нет, Сталин, с которым только что разговаривал, видимо, не в курсе. А вот туда мне не с руки, от слова совсем. Звоню Копытцеву и Филину. Пусть решают. До начала совещания всего ничего, только доехать, поэтому следует включить дурку, прикрываясь собственной охраной. Если решат, что ехать надо, то придется, если нет, значит отмажут. Совершенно очевидно, что Шпитальный пытается прощупать мою «крышу», вот «крыша» пусть и занимается этим вопросом, а беспокоить лично «вождя народов» по таким мелочам, как попытка моего ареста, это слишком. Даже под угрозой нарушения устава внутренней службы РККА, по которому я обязан ответить «Есть» и следовать под арест, и оттуда подавать жалобы на превышение полномочий старшим начальником.

Пока решали вопрос о поездке, мы с Антоновым открывали новую страницу в истории советской авиации. Олег Константинович прибыл с докладом, что работы в новом цеху начались, то есть первое поручение он уже выполнил, поэтому сидим и рисуем новый самолет: «Ан-26». Двигателей для него еще нет, и когда будут – неизвестно, но вот его грузовой люк, горизонтальный транспортер и бортовая электростанция требуются уже вчера. Он, как застоявшийся конь, постоянно генерирует дополнительные телодвижения, показывая, что задание понял, и рвется в бой. Как-никак его первая самостоятельная машина, тем более, что место для постройки уже есть, и легальное: 39-й завод. Беда в том, что наши ВВС очень легко растеряли предвоенный запас механиков и мотористов в боях и окружениях 41–42 годов. Потом летчики приспособились вывозить своих механиков даже на борту истребителей и одноместных штурмовиков. В нечеловеческих условиях: в бомболюках, в отсеках радиостанций, в нишах шасси и в кормовой части фюзеляжа. Собственных транспортных машин в полках не было. Летчики улетали, а механики на автомашинах пытались прорваться через кольцо окружения. Этот порядок необходимо менять, уже сейчас. А не когда гром грянет. Моя попытка резко увеличить производство ДС-3 (ПС-84 или ЛИ-2) пока не сработала. По всем машинам НКАП изыскал резервы, и они фигурируют в плане, а вот напротив этой записи стоит отметка, что резерва мощности для наращивания производства не имеем. Обещают отдать под них Омский авиационный завод, который только-только начал строиться в начале года. Он, правда, создается для производства бомбардировщиков, и предусматривает работы по металлу на корпусе. Это замечательно, но... Вновь созданная АДД начнет массово забирать эти машинки себе, как ночные бомбардировщики. А мы им подсунем более удобную машину. Там всю войну бомбы сбрасывались вручную через боковую дверь, с соответствующей точностью. И долгое время эти самолеты были основой АДД, пока не пришли американские машины. «Ан-26» успешно применялся как бомбардировщик в различных войнах в Азии и Африке. Бомбовый прицел НКПБ-7 у него стоит с рождения. И пять тонн грузоподъемности при 2500 километрах дальности. Заодно, если движки состоятся, из него может «Хокай» получиться. Тоже нужный самолетик. В общем, Антонов забрал с собой все листочки, и уверенной походкой вышел из кабинета в направлении КБ. Я проводил его взглядом, зная, какой путь открывается перед ним. То, зачем он согласился идти в никому неизвестное ОКБ, свершилось, и он получил первое задание, имеет под своим началом большую группу конструкторов и «свой» заводик, и доступ к самому современному электрооборудованию. По заданию, машина должна садиться на любые площадки. Именно это ему очень понравилось в «Шторхе», и этого правила он придерживался всю свою конструкторскую жизнь.

От приглашения на банкет в доме Пашкова удалось открутиться, но и они пожаловались на меня наверх. Пришлось сказать Сталину, что, по моим сведениям, информация из Генштаба свободно перетекала в ОКВ. Источник информации так и не был выявлен, со временем этот ручеек иссяк, видимо, источник погиб где-то в ходе войны, поэтому не стоит там знать слишком много.

– Это серьезная проблема, и крайне неприятная. Я выведу институт из-под подчинения Генштабу.

Угу, трясоти будут Генштаб, как елку, с которой будут падать арбузы на голову Мичурина!

– Первые лица в Генштабе – абсолютно не при чем, хорошо проявили себя в той войне, товарищ Никонов. Это была какая-то мелкая сошка, но хорошо информированная.

– Учтем и эту информацию, товарищ Нестеренко. Мне пришло сообщение, что вы собираетесь посетить Молотов и Ленинград. Принято решение запретить вам эти поездки, вызывайте людей к себе. Обеспечить соответствующую охрану первый отдел не в состоянии имеющимися в их распоряжении средствами. Поэтому я поддержал это предложение. – сказал Сталин и сорвал еще три мероприятия, которые я собирался провести в эти дни.

Не пустит он меня никуда и ни за что! Особенно в Ленинград! Там Жданов сидит. Вслед заработал БОДО, выплюнувший ленту с распоряжением Председателя ГКО провести совещание 3-го комитета ГКО в НИИ ВВС, и подключить производственные и научные мощности НИИ к работе третьего комитета. Что такое третий комитет я не знал, будем ожидать событий.

В Пермь, которая тогда называлась Молотов, документацию на топливную аппаратуру АШ-82фн и АШ-82 т, включая изменения ЦПГ (цилиндро-поршневой группы) в соответствии с восьмой серией двигателя, сделанные для самолета ЛА-11, направили на штабном самолете института в сопровождении фельдъегеря, Филин снабдил ее запиской Сталина для Швецова, который приказал: «Исправленному верить!». Впрочем, Аркадий Дмитриевич, который, не меньше Яковлева, был удивлен внезапным разворотом событий, воспринял все спокойно и с пониманием. Видимо, наша разведка покопалась у «Райта», и никто раскрывать ему секреты не будет. Он ведь видел груды невостребованных двигателей на складах, которые начали образовываться с декабря 1939 года. И ведь этот произведенный продукт никто оплачивать не собирался. И никого не интересовало, где директор возьмет деньги для оплаты труда рабочих и инженеров. Причем у конкурентов из Запорожья таких проблем не возникало! А двигатели практически не отличались! Неожиданный приказ срочно отгрузить двигатели АШ-82 в Новосибирск и спущенный план на увеличение выпуска был манной небесной для конструктора. Ни слова не говоря, подписал бумаги и направил их в цех оснастки для изготовления новой. Внимательно рассмотрев чертежи агрегата непосредственного впрыска немного удивился, что его сумели полностью перевести с дюймов на миллиметры. Отлично сработала разведка. В документации, пришедшей из Москвы, указывалось, что работать на повышенных оборотах двигатель может неограниченно долго. То есть его реальная мощность 1900 сил, а в экономическом режиме 1585. Предписывалось в течение трех месяцев обеспечить переход всего завода на выпуск этой модели. О его отправке на Государственные испытания в записке Сталина не говорилось. Перезвонил. Сталин подтвердил приказание, переспросил подписал ли Швецов бумаги, и сказал:

– Можете отправить его в Москву, но выпуск начинать, не дожидаясь их окончания. Мы посетили сегодня конструктора Поликарпова в больнице, операция прошла успешно, но, едва выйдя из-под наркоза, он поинтересовался у меня вашим двигателем М-71. Сделайте приятное человеку в столь тяжелой для него ситуации. Освободившихся людей направьте на решение этой проблемы. Его люди помогали готовить чертежи для вас.

– Я вас понял, непременно, товарищ Никонов.

Вечером в институт вернулся Лозино-Лозинский, который отсутствовал почти месяц. Я его один раз видел на Красной площади, мельком. В отличие от остальных товарищей, он на глаза начальству показываться не любил, предпочитал самостоятельную работу, и доклад о ее выполнении, а не постоянное спрашивание инструкций, чтобы потом заявить, с удивленно вытаращенными глазами: «Ну Вы же сами дали такое указание!». Как будто у начальника есть время погрузиться в проблему и все продумать за подчиненного. На этот раз новости были плохие. Привез он рентген-снимки лопаток, а там – ад крошечный. Ни хрена направленная кристаллизация не идет. Максимум на 40 миллиметров, а затем следует переход от монокристалла к мелкокристаллической структуре, а на большинстве – верх лопатки крупнокристаллический. Максимальный размер получен с помощью сплава олова с сурьмой. Минут двадцать я рассматривал снимки, и тут у меня возник вопрос:

– Глеб Евгеньевич! Мне кажется, что уровень олова маленький. У вас форма лопатки полностью погружена в олово?

– Нет, литейщики в первый раз сделали так, но потом лопатку повредили, вскрывая форму. Предложили ставить ее в расплав и накрывать крышкой с термоизоляцией.

– НЕТ!!! Лопатка должна образовываться в среде с однородной температурой. Вскрываются формы довольно скверно, для этого специальную машинку ставят, прорезают ее победитом или алмазом, а потом извлекают.

Глеб Евгеньевич с облегчением выдохнул и исчез на целую неделю. Вернулся на грузовичке с двумя ящиками, в которых лежали 186 уже упакованных полых лопаток с входным и выходным отверстием для ввода-вывода топлива. Полный комплект на все четыре ступени и две запасных. Звоню Поскребышеву, запросил аудиенцию у основного заказчика.

– Как доложить цель приезда? – а у меня из головы выпало как обозвали проект ТВРД-двигателя, ведь столько времени прошло, и никто этим вопросом меня не занимал. Наш лучший друг Климов не звонит, мне ни о чем никто не докладывает. Пришлось иносказательно объяснять.

– Мы продвинулись в создании двигателя, аналогичному тому американскому, который видел товарищ Никонов у нас в октябре.

– Товарища Никонова нет, здесь товарищ Иванов. Ждите ответа.

Раздается голос Сталина, он теперь Иванов.

– Я не понял, товарищ Нестеренко, мы же передали его изготовление в Ленинград? Почему с ними не работаете?

– Не приглашали. Двигатель забрали, и с концами. Мы сделали одну из самых главных деталей, и хотим ее показать вам. Она небольшая.

– Чепухой занимаетесь! Кто сделал?

– Инженер Лозино-Лозинский, работает в НИИ, до этого работал в Харькове.

– Хорошо, подъезжайте завтра в 15.00.

На это время он ставит тех, кто ему не интересен, у него 15.10 обед начинается.

Мы, конечно, подъехали, на пять минут раньше назначенного. Задержали нас на семь минут, оттуда вышла толпа генералов и маршалов. До обеда оставалось три минуты, и нас с Лозино-Лозинским запустили, как спутник с Белкой и Стрелкой на борту, без тормозного двигателя. Ну, не готов был, подумай! Сталин недоволен, что его предписания не выполняются, и, вообще, это произвол: ТВРД отдан на откуп товарищу Климову! Кто посмел нарушить режим и предписания? Товарищ Сталин сходу взял быка за рога, и попытался доказать мне, что его прозорливость гораздо круче, и он здесь командует! Команды делать двигатель не поступало!

Я пожал плечами, типа, извините, что побеспокоили, товарищ Сталин, мы пойдем, а вы же тут, без меня, движок сделали, ужо! И как? Заработал?

– Что вы этим хотите сказать?

– Что деньги, выделенные на создание этого двигателя в КБ Климова выброшены на ветер. А я – дурак, и хлеб здесь понапрасну журу. Можно отдать двигатель ТРЕ-331–12 русскому левше, и он за пять минут блоху подкует! Есть один маленький нюанс, товарищ Председатель ГКО: прыгать эта блоха не будет! Разрешите идти? У вас обед начинается!

– Товарищ Лозинский! Подождите в коридоре! Я жду объяснений, товарищ Никифоров! Почему вы смеете так разговаривать со мной?

– Как только Климов запустит двигатель, который он «скопировал», он начнет «бросаться лопатками». Это когда вот эта хренотень пробивает бетонную плиту насквозь. Вот этой частью. – я бросил на стол будущего «верховного» лопатку, сделанную Лозино-Лозинским, из тех, которые он привез первыми. – Это рентген снимки этой лопатки, а это – то, что смог сделать Глеб Евгеньевич в итоге. Ваш копирайтер Климов даже не спросил меня, что в этом движке критично. Вот эта лопатка! Сам сплав держит температуру около 1140 градусов, остальное ему добавляет структура этого материала и охлаждение его топливом, подающимся для работы двигателя. Это – монокристаллическая лопатка. Это – кристалл сплава титана и

никеля. Один кристалл, товарищ Сталин. – я вытянул указательный палец перед лицом Председателя ГКО.

– Почему вы не сказали об этом товарищу Климову? Почему не передали ему эти лопатки?

– Во-первых, он меня ни о чем не спрашивал. Во-вторых, он имел задание от вас скопировать тот двигатель, который я привез, точнее, с которым я оказался в вашем времени. В-третьих, мне это совершенно не мешало: этот двигатель в этом времени совершенно не нужен. Лозино-Лозинский получил задание спроектировать и построить двигатель в 3 тысячи сил. Эта лопатка для него. Она больше лопатки 1100-сильного «Хонейвелл». Этот двигатель будет основным для всех самолетов ВВС СССР. Но меня об этом никто не спрашивал, задания на него нет, и я оплачивал эти исследования. За исключением зарплаты товарища Лозино-Лозинского. Готов вернуть. Должность у него минимальная. Не обеднею.

– Эти затраты мы вам вернем, товарищ Никифоров. Я вас спрашиваю о другом! Почему?

– Потому, товарищ Сталин, что это иной уровень проектирования и производства. Это – предельные условия, в которые загнали материал инженеры. Это, когда материал отдает все на что способен, но делается это руками и технологиями. Которые еще не открыты. Излишняя самоуверенность – только помеха делу. Мне требуется – дело. Вам, как мне кажется, тоже должно быть интересно только оно, а не то, кто круче: русский левша или обученный и грамотный инженер. «Англичане ружья кирпичом не чистят!», товарищ Председатель ГКО. Вот это мой вопль, ради этого и пришел, получается.

Сталин промолчал, видимо борется сам с собой. Походил по кабинету. Затем произнес:

– Не получается у нас с вами диалога, товарищ Никифоров.

– Заметно. Вы не учитываете, что имеете дело с детьми, как политик, а я – с детьми, как инженер.

– Похоже, ценное замечание.

– Дети не способны отличить ложь от истины, они все воспринимают буквально. А мир – сложнее.

– Возможно.

– Бюро Антонова получило задание разработать вот такой самолет. Основное направление – транспортный, но, имеет 5 тонн грузоподъемности и большую дальность, и может работать бомбардировщиком. Под новый двигатель.

– А дети смогут его сделать?

– Один ребенок стоит или сидит за стенкой. Он – смог.

– Мы его сейчас позовем. Мне с Вами общаться немного неудобно, я не всегда понимаю ваших настроений и высказываний.

– Мне – тоже не комфортно, но я себя сдерживаю, изо всех сил. Народ чуть позже разберется: кто из нас был более прав.

– Скорее всего, оба. – Сталин взял трубку и позвонил Поскребышеву. На Глеба Евгеньевича было больно смотреть, сначала, но он расправил плечи, после того, как его похвалили, заулыбался, и сказал, что утроит усилия для постановки лопаток в серию. Ну, все! Демократическая общественность будет очень довольна! Очередной торт размазан по физиономии «гносного тирана». Делать это через 60 лет после его смерти стало безопасно и общепринято. Вот только вытираться пришлось мне. После выхода из кабинета Глеба Евгеньевича, Сталин невзначай задал вопрос:

– Как вам работается с товарищем Смушкевичем? А то на него жалобы приходят, что докладные, посланные на вас, исчезают в неизвестном направлении в его ведомстве. И как должен реагировать Председатель ГКО?

– Товарищ Сталин, а где он?

– В штабе ВВС, заместителем по боевой подготовке. Не знали?

– Нет. Мы не встречались. Я же безвылазно сижу в Чкаловске.

– Ну, еще увидите. Где будет изготавливаться двигатель?

– Видимо, в Перми, извините, в Молотове. Размещать его производство в Ленинграде опасно, но разрабатывать продолжим там. Вот только необходимо наладить взаимодействие, чтобы не получилось, как в той присказке про блоху.

– Да, мудр был Николай Лесков, ну и мне, старому, наука, что просто так через года не прыгнешь!

– Речь идет о десятилетиях, товарищ Сталин. Освоим эти технологии – сможем производить двигатели с гораздо большей тягой, чем сегодня. Но, я держал это на вторых ролях и сам этим заниматься даже времени не имел. А Глеб Евгеньевич – талант! Большой талант, я его совсем стариком помню, встречались раза три, я к нему со своими проблемами приходил. Сопло прогорало, мы его поворотным делали для увеличения маневренных характеристик на Су-32.

– Су – это Сухой?

– Сухой, Павел Осипович.

– Такой же неудобный человек, как и вы.

– Я в курсе, что вы его недолюбливаете. Напрасно. Разрешите идти?

– Да-да. Ступайте.

Я не знал тогда, что из потайной двери в кабинете вышел Власик, которого вызвал-таки Сталин, глядя, как я разошелся.

– Что он себе позволяет, этот сморчок? Прижать его надо, и заговорит по-другому.

Сталин отрицательно покачал головой.

– Прямой ты, Николай Сидорович, как палка! Нет, нельзя его трогать, ни в коем случае. Он из другого времени к нам попал, не за деньгами. Уехать в Америку он мог, при желании. Он за своим прошлым приехал, оболганным, кровавым и темным. Если сумеем сделать из него советского человека, он горы своротит, и внуки наши интерес к нашему делу не потеряют. Вот так и подойди к этому вопросу. А то, что это непросто, и мы частенько ошибаемся, следуя вперед на ощупь, он уже доказал.

В тот день ночью шел густой снег, Москва была завалена им по самое не хочу, но дворники и спецтехника работала, и основные дороги были уже расчищены. У меня была назначена встреча с Людмилой Келдыш, требовалось утрясти некоторые вопросы по стандартизации языка программирования, без которого значительно труднее производить автоматизацию многих процессов управления самолетом. Она работала в МИАНе, математическом институте академии наук, пришлось ехать на юг Москвы на Ленинский проспект, где в здании Энергетического института АН приютился и математический. Там я встретился с его директором Иваном Виноградовым, кстати, филиал МИАН находится в Новосибирске, и создан в те же годы, что и наш институт имени Чаплыгина, и руку к этому приложил именно Иван Виноградов, который жил там в эвакуации во время войны, как и Чаплыгин. Но это к слову. Обсуждали мы дела не шибко интересные читателям: двоичную систему счисления и стандартизацию команд, исполнителей алгоритмов, большинство читателей умрет со скуки или уснет за книжкой, поэтому переходим сразу ко второй части этого путешествия. После окончания переговоров, меня спросили: не на машине ли я?

– Да, на машине.

– А вы нас на Воробьевы горы не подбросите?

– С удовольствием.

Виноградов и Келдыш куда-то исчезли, и появились на площадке перед входом в лыжных костюмах и со странными лыжами в руках. Одни, похоже, были прыжковые, у Виноградова, а вторые – горные! Обалдеть! Я такие во Франции в Шамони в каком-то ресторанчике

видел! Вау! Я ж от таких раритетов просто таю! Тут до меня доходит, что это вовсе не раритет, а обычные лыжи для того времени. Пока ехали, а там всего ничего: до окружной железной дороги, там под ней, и, мимо свалок и зданий Донского монастыря, выезжаешь к Воробьевым горам. Там издали виден трамплин, куда собрался академик, а под ним, чуть в стороне организована бугельная канатка. (Остатки фундаментов от нее сохранились и в наши дни). И тут меня такая тоска по дому взяла за горло! Там же у меня лыжи «Völkl P60 GC Racing Worldcup» остались, и ботинки «Fisher Soma RC4140» и «маркеры» с пистон-контролем! А-а-а, и все это там. Черт возьми! Знал бы, где упаду... Заранее бы сунул в машину! Я же всю жизнь на них! И здесь на этом склоне, тоже катался, когда в Москве учился! А какие у нас в Новосибире склоны! В общем, постоял, посмотрел, как люди мучаются на «дровах» с привязанной ремнями пяткой в очень мягкой ботинке. Тут меня мысль и осенила! Всем не смогу, а себе, любимому, сделаю! Немного отвлек Людмилу от катания, предложив кофе из металлического термоса, между делом спросил, где приобрести подобные «дрова», но, самые лучшие.

– А вон Жемчужников стоит, он подскажет, я через него доставала. Он председатель федерации горнолыжного спорта СССР. Андрей! Идите сюда!

Подъехал молодежавший коротко остриженный человек, в лыжной шапке и лыжном костюме. Нас познакомили, он – командир РККА и врач, разговорились, на следующий день я забрал у него, как мне сказали, лучшие альпийские лыжи, кстати, французские Rossignol, сделанные маленьком городке на юге Франции. Взяли с меня дорого, две с половиной тысячи, так что снаряжение не для бедных. Вернулся домой, ненадолго взял компьютер у ребят, перевел фотографии своих «фельклов» на чертеж, рассчитал углы и радиусы и вывел все на синьку, никого при этом не удивив. Авиация в те годы летала, используя лыжи зимой. Кстати, одну из Ленинских премий Сухому дали как раз за комбинированное шасси, лыжно-колесное, к истребителю-бомбардировщику «Су-7Б», вполне современная сверхзвуковая машина и лыжи. И в АРМ существовала лыжная мастерская. Ну и мало ли для каких целей главный конструктор городит замки, поворотные упоры и сенсорную пятку. АТК (авиационный термоклей) у меня имелся и в достаточном количестве. Я его химикам уже отдал, но результата мы будем ждать очень долго, тем более, что я сам в этом материале не шибко разбирался. А рулон этой чудо-пленки у меня был, чуть меньше 250 метров. Эталон для фрезерно-шлифовального станка, при наличии 3D-чертежа – не вопрос. Французская лыжа – широкая, гораздо шире «Фелькл». Ее закрепили на станке и шлифовали малость, задав радиусы по всей длине лыжи. Теперь лист дюралю В95, к нему клеим кант из 45-й стали, все это, включая лыжу, под пресс и в термостат. Перед этим, в верхнюю часть лыжи вжимается узкий оберкант. Из термостата достаем готовую лыжу без скользочки. И термонакатываем фторопласт-3, которого у нас теперь в избытке. Антонов своих слов не забыл, и на нас теперь работает целая лаборатория профессора Ушакова. И нам хорошо, и ему неплохо. Кооперация называется. Она – платная, и лаборатория АН (академии наук) от таких контрактов не отказывается. И таких маленьких подрядчиков у нас много. И часть из них вовсе даже не государственные, а имеют коллективную или индивидуальную форму собственности. «Крепы» я делал у инструментальщиков. Собственно, сам я этим не занимался. Принес чертеж, рассчитали стоимость, все выгнули, отлили, расклепали и вручили мне. Я внес деньги в кассу ОКБ. Долго мучился мыслью, как сделать ботинки. Из-за сложной формы верха, внахлест, как на «Фишерах», изготовить такие сложно. Вспомнил, как выкрутились эстонцы из этой ситуации, они в конце 80-х выпустили ботинки «Сальве», так там была верхняя нашьепка, перекрывающая разрез на ботинке. Я так и поступил, сделав ботинок не из двух, а из трех частей, и соединил их. Машина для формовки под давлением на обоих заводах была, пластмассовые детали мы используем с середины прошлого месяца, как только получили обещанный фторопласт от Ушакова. Льем шайбы, профили, и капоты. Через неделю, в воскресенье, к большому неудовольствию охраны, я отправился на Воробьевы горы уже весь «прикинутый», с коническими палками, у которых стоял нормальный упор, а

не кольцо из бамбука, с наколенниками и налокотниками. Ну, и понятно, что в тот же день я «лоханулся», несмотря на МСМК по горным лыжам. Вешки здесь – это просто палки, воткнутые в снег, и атаковать их лыжей занятие тухлое, они не отклонятся. Я вначале этого не делал, а потом раскатался, и решил пройти трассу на максимальной скорости, пришлось сойти с полтрассы, зацепил верхней лыжей глубоко воткнутый шест. Больше всего всех «убило», что лыжа отстегнулась и остановилась на склоне, а я не упал, а тормознул, чуть прошел по склону вверх, не нагибаясь пристегнул лыжу и пошел по трассе вновь. Тут же «всплыл» подполковник медслужбы Жемчужников, который прошлый раз изображал из себя «снежного барса», как минимум, и «большого знатока горных лыж».

– Тащ генерал, разрешите обратиться? – уже и звание знает! Я представлялся просто как товарищ Нестеренко.

– Да, пожалуйста.

– А разрешите взглянуть на ваше снаряжение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.